

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*100-ЛЕТИЮ ПГНИУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ДЕЙСТВЕННЫЙ ГЛАГОЛ

Страницы биографий журналистов – выпускников
филологического факультета
Пермского университета

Пермь 2013

УДК 8:070:82-94

ББК 76.01

Д 27

Автор проекта и составитель – доцент кафедры
русской литературы ПГНИУ *Н.Е. Васильева*

Д 27 **Действенный** глагол. Страницы биографий журналистов – выпускников филологического факультета Пермского университета / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков; адаптация для веб А. В. Пустовалов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. –203 с., 14 с. ил.

ISBN 978-5-7944-2153-8

Книгой «Действенный глагол», посвященной журналистам, выпускникам филологического факультета, издатели продолжают рубрику «Филологи – городу». В этой книге рассказывается о наиболее известных и заслуженных деятелях Пера, людях, чьи статьи и репортажи, радиосценарии и телевизионные передачи, публицистические эссе и критические выступления в разные годы были событием городской жизни, формировали читательское и зрительское мировоззрение, политический слух, оттачивали критические оценки и вкусы, были надежным ориентиром в многомерном и неоднозначном пространстве реальной жизни.

Выстроенная по датам окончания факультета, эта книга дает представление о непрерывающейся подготовке филфаком хорошо обученных кадров для пермских СМИ, показывает широкую и разнообразную панораму частных биографий и судеб, личных заслуг и общественного признания людей, чей действенный глагол звучал в самые трудные времена и был востребован широкой читательской аудиторией.

Эта книга и напутствие для новых поколений молодых журналистов, уже окончивших или еще осваивающих специальность «Журналистика» на филологическом факультете и собирающихся вписать в историю пермской журналистики новые имена и страницы.

УДК 8:070:82-94

ББК 76.01

Издается по решению ученого совета филологического факультета

Ответственный за выпуск декан филологического факультета ПГНИУ
профессор **Б.В. Кондаков**

Редакционная коллегия: Е.А. Баженова, Н.Е. Васильева, Т.Б. Карпова,
Б.В. Кондаков

ISBN 978-5-7944-2153-8

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2013
© Н.Е.Васильева, составление, 2013
© Л.Г.Писорогло, оформление, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Предисловие	3
Наши журналисты	Наши авторы	
В. И. Аборкин	А. В. Аборкина	
	«Я журналист, я буду журналистом всегда»	5
Г. И. Горбунов	Е. Н. Голдобина-Валдайских	22
	Интервью в письмах	
Т. П. Чернова	Г. В. Куличкина	30
	Сладкий чёрный хлеб	
Б. И. Брюшинин	А. Г. Зebbеева	
	«На жизнь через светлые смотрим очки»	44
Н. В. Гашев	И. А. Савченко	54
	Судьба между газетных строк	
Г. М. Лебедева	З. О. Падас	66
	Лицо с экрана	
Э. В. Шумов	М. В. Левин	86
	Журналист Эдуард Шумов	
А. А. Ничиперович	К. Э. Шумов	92
	Вышедший из шинели	
Г. А. Дубникова	Т. П. Чернова	105
	Дирижёр своей судьбы	
В. М. Бубнов	К. А. Старосельцева	117
	Фонарь Диогена	
Г. В. Куличкина	В. И. Сопин	135
	Линия жизни во времена перемен	
Л. Кагопольцева	Н. А. Бондаренко	148
	Соло для «Золотого гонга»	
Т. А. Черепанова	В. М. Шуваева	164
	Контрапункт Татьяны Черепановой	
Ю. А. Баталина	Н. М. Овчинникова	184
	Настоящая Баталина	
Фотографии		202

ПРЕДИСЛОВИЕ

Названием этой книги стали слова поэта Павла Антокольского, обращенные им к поэзии:

*Поэзия! Я лгать тебе не вправе
И не хочу. Ты это знаешь?
– Да.
Пускай же в прочно кованной оправе
Ничто, ничто не сгинет без следа, –
Ни действенный глагол, ни междометье,
Ни беглый стих, ни карандашный штрих...*

Это взволнованное обращение (и одновременно признание), как нам показалось, шире только связей с поэзией – оно имеет отношение ко всякому труду, в основе которого лежит Слово. Оно – Слово – и есть действенный глагол, который вмешивается в жизнь, открывает в ней новое, произносит приговор или воспекает, предпочитает нелицеприятную правду и не боится наказания и суда. Оно – Слово – будоражит сердца читателей, разговаривает с ними о главном, «рубит под корень» или окрыляет. В этом его сила и действенность. Очевидно, что труд журналиста – родной действенному глаголу.

Журналисты, о которых рассказано в этой книге, владели «действенным глаголом» – независимо от того, о чем конкретно они писали: о пермском балете или работе милиции, пионерском утреннике или о мужественной жизни инвалидов, современном городе или заброшенном селе. «Действенный глагол» – главный критерий отбора персоналий. Это журналисты, известные в Перми и за ее пределами, имеющие имя и признание, работавшие и работающие в разных сферах массовой информации: газете, телевидении, радио, журналах, собственных творческих агентствах. В книге они представлены не по алфавиту, а по годам окончания филологического факультета – так нагляднее выглядит непрерывность «поступления» журналистских кадров и их подготовка для многообразных городских СМИ.

Рубрика «Филологи – городу» естественно ограничивала представительский состав журналистских имен: в книгу не попали люди, живущие и работающие в СМИ за пределами Перми (исключение – Г.И. Горбунов, которого разыскали и о котором написали его деятельные сокурсники), которых, вероятно, немало. Нет в книге и выпускников филфака последних лет. Однако дело это поправимое: открывшаяся и активно развивающаяся специальность

«Журналистика» ещё скажет свое слово о молодом поколении выпускников филологического факультета, чей действенный глагол прозвучит на страницах газет и журналов, в эфире и с экрана телевизора. Этому поколению еще предстоит потрудиться в журналистике и показать, как их Слово отзовется в делах и сердцах человеческих.

При этом мы подчеркиваем, что эта книга не справочное пособие и не энциклопедия. Она не претендует на исчерпывающий характер. Поэтому в ней нет многих достойных имен, о которых можно было бы рассказать. Среди них такие люди, как В. Мосеев, Б. Пахучих, Е. Зайцева, С. Вяткина, Б. Львов, О. Березина, Е. Рождественская и др. Мы сознательно не включили в эту книгу и людей, чья творческая жизнь и деятельность носит креолизованный характер, чьи интересы и конкретная работа совмещали разные сферы: это прежде всего пермские поэты, прозаики, драматурги, сценаристы, которые одновременно заявили о себе как яркие журналисты (Ю. Беликов, Ю. Асланьян, К. Гашева, П. Четкин, Б. Зиф и др.). О них пойдет речь в других юбилейных изданиях, в частности, в специальных выпусках, посвященных пермской прозе и поэзии.

Хочется сказать большое спасибо нашим авторам, согласившимся подготовить материалы для этой книги. Среди них далеко не все выпускники филфака и не связаны с ним обязательством благодарной памяти или ностальгической лирикой. Это М.В. Левин, Н.А. Бондаренко, К.А. Старосельцева, В.И. Сопин, В.М. Шуваева. Каждый из них нашел время и силы – и не подвёл. Это дорогого стоит!

Издатели и филологический факультет в целом с особой благодарностью отмечают активное и сердечное участие в издании этой книги семьи Аборкиных – Нины Дмитриевны и Анны Владимировны.

*Н.Е. Васильева
Б.В. Кондаков*

А.В. Аборкина,
переводчик с английского языка,
выпускница филологического факультета ПГУ (1979)

«Я ЖУРНАЛИСТ И БУДУ ЖУРНАЛИСТОМ ВСЕГДА» (воспоминания о Владимире Ивановиче Аборкине)

Владимир Иванович Аборкин родился 22 января 1930 года в деревне Бошняково Канского района Красноярского края последним сыном в третьей семье Ивана Тимофеевича Аборкина – купца до первой мировой войны, попавшего в плен в Австрии, в Сибири оказавшегося не по своей воле, а по вздорному характеру первой венчанной жены. Сам русский, он был женат на русской, австрийке и польке. В каждом браке было по 3 сына. В Сибири работал железнодорожником.

История польки Юзефы Фаддеевны (Тадеушевны) Охотинской запутана и, похоже, её не распутать. Документы в Польше и Витебской области уничтожены во время войн. В Главном Геральдическом управлении РФ (Санкт-Петербург) В.И. Аборкину предложили на выбор несколько дворянских грамот Охотинских. Выбрал, выкупил – стал дворянином. Но отец после долгих раздумий отказался становиться дворянином, слишком мало сведений о матери у него было. У Юзефы Фаддеевны тоже было три семьи, но дети от этих браков все умерли.

Интересно, что глухонемой сын Юзефы Фаддеевны Николай учился в Петрограде в знаменитой школе на Фонтанке у известного преподавателя Али Григорьевой, а потом в вузе. В Петроградских вузах всегда существовали группы с сурдопереводом. К сожалению, на студенческой пирушке Николай погиб трагически, когда ходил на руках по перилам балкона пятого этажа бывшего доходного дома.

В семьях бабушки и дедушки никогда не было Владимиров. Думаю, что им посоветовал сельский писарь назвать ребенка этим именем, так как родился он 22 января, а 21 января – день памяти Ленина. Получи папа имя Александр (Александр – старший сводный брат, писатель, многолетний редактор журнала «Ашхабад») – лучшее мужское имя по отцу Павлу Флоренскому, который углубленно занимался изучением православных имен, то жизнь Владимира сложилась бы по-иному.

Отец Павел Флоренский считал, что Владимир – это умный творческий человек, прекрасный организатор. Но есть в этом имени и в его носителе большой изъян – Владимир одержим одной или

несколькими сразу бредовыми идеями, напролом идущий к их реализации, не обращающий внимания ни на какие мольбы близких, ни на какие препятствия, не слушающий никого и ничего, что не имеет отношения к его идее. Такая ситуация могла бы длиться долго, но вдруг в голове Владимира что-то происходит, и он мгновенно отрекается от всего, чем занимался иногда многие годы. Тут же Владимир находит новую идею и продолжает с ослиным упорством ее реализацию. Только на смертном одре Владимир понимает, что «убил» свою жизнь на ложные идеи, вся его одержимость проходит, и перед кончиной он становится разумным существом.

Бошняково. Во втором классе Бошняковской начальной школы Володя объявляет, что будет журналистом. До сих пор неизвестно, откуда в голове деревенского мальчика появилась эта мысль. Сводный брат – писатель Александр Аборский жил в Ашхабаде, и мальчик его не видел, встретятся они позже. Ребенок рано научился читать и прочитал все книги Бошняковской библиотеки, многие из которых он не понял.

Первый литературный опыт В.И. Аборкина – пьеса «О красных и белых» – была написана во втором классе. Автору было 8 лет. Учительница одобрила юное дарование, пьесу решено было поставить, роли распределили, прошли две репетиции.

Творческими достижениями заинтересовались два старших брата – Алексей (железнодорожник) и Валентин (военный летчик-испытатель). Братья смеялись над каждой фразой, дразнили драматурга, довели его до слез, и Володя сжег пьесу. Это еще больше укрепило его в том, что его путь – журналистика.

Семья переехала на станцию Солянка, где провела всю войну, Владимир закончил там 9 классов. Он писал стихи, заметки в стенгазету, много читал, в старших классах был редактором стенгазеты. В 1946 году Аборкины уехали в Ашхабад, где давно обосновались старшие дети Ивана Тимофеевича.

В 1947 году Владимир расстался с Ашхабадской средней школой, получил аттестат зрелости, в графе которого – родной язык – красовалось «туркменский».

Следующий шаг Володи просто убил всех: он уезжает в Молотов поступать в университет. Больше всех кипятился Александр: «Какой Молотов? Что за дурость? Почему не Москва, не Ленинград, на худой конец Киев?» Сына поддерживала только мать. 17-летний юноша молчал и собирал книги. Вещей у него было мало. В город

Молотов он приехал в отцовской шинели, про которую поэт В.И. Радкевич написал: *Истыркана, исшоркана //Шинель В.И. Аборкина.*

Молотов. В Молотове Владимир легко поступает на филологическое отделение историко-филологического факультета Молотовского государственного университета. Началась веселая взрослая жизнь со студенческими вечерами, с чтением своих и чужих стихов (особенно Аборкин был силен в Маяковском, уходил со сцены под шквал аплодисментов, никогда не бисировал). Сотрудничал в университетской студенческой газете. Хорошо учился. Библиотеки стали его родными домами. Прекрасные преподаватели, некоторые из которых приехали в Молотов из Дербта, были ещё живы. Год прошёл, пролетели каникулы. Наступил 1948 год. В ночь с 5 на 6 октября 1948 года в страшном ашхабадском землетрясении погибли отец и мать В.И. Аборкина. По совету ректора А.И. Букирева Владимир уезжает в Ашхабад, где полгода учится в Ашхабадском государственном педагогическом институте. Рядом родные, которые, слава Богу, не пострадали в землетрясении, только дома были разрушены. Но Молотов и его университет тянет Аборкина. В 1949 году он возвращается в Alma Mater, восстанавливается, экстерном сдает экзамены за несколько курсов, последние полтора курса учится очно. В 1951 году оканчивает университет и уезжает в Ашхабад.

В Молотов он снова приезжает в 1955, чтобы жениться на выпускнице «своего» факультета (1955) Нине Дмитриевне Аборкиной (Обориной). Пара едет в Ашхабад, но в 1956 году внезапно решает вернуться в Молотов. Молодая жена, а прожили Аборкины 48 лет, не спорит. И они уезжают на Урал, хотя Владимира сватали в главную русскую газету республики «Туркменскую искру». Но во Владимире уже проснулся «Владимир». В Ашхабаде его держат родительские могилы, братья с семьями, друзья, но Молотов властно тянет его к себе.

Отец всегда говорил, что Молотов спас его от землетрясения. В Молотове Аборкин прямо идет в главную газету города «Звезду». И очень неоднозначная фигура в Пермской журналистике, главный редактор газеты Н. Верзилов, берет молодого незнакомого журналиста в штат литсотрудником.

В 1957 году уже в Перми у Аборкиных появляется на свет дочь Анна. Выпускница романо-германского отделения филологического факультета ПГУ (1979).

В Союз журналистов СССР В.И. Аборкин вступил одним из первых в области. Весь подготовительный период создания союза он

не вылезает из командировок. Поезда Пермь-Москва и Москва-Пермь стали его постоянным жильем. Да еще командировки по области и Коми-округу. Много лет спустя на вечерах в Доме журналиста к нему кидались люди и вспоминали приезды Аборкина в их город. Одна из главных заслуг моего отца – это создание в Перми Дома журналиста. Старикам-руководителям страшно надоедал молодой энтузиаст. Им было легче и спокойнее, когда с их указаниями Аборкин уезжал в Москву. Они были категорически против создания Дома журналиста.

Владимир Иванович мог быть упорным и умел достигать свои цели. В итоге всего в трех городах СССР были созданы: в Москве – Дом журналиста, в Ленинграде – Дом журналистов, в Перми – Дом журналиста. Удивительно, но главная идея В.И. Аборкина – «Владимира» была им реализована. Мой отец считал, что настоящий журналист не должен сидеть на одном месте, он обязан поработать на разных должностях во всех СМИ. Эту идею он осуществил – переводом (только по собственному желанию он переходил с места на место): бывало, что менял кресло начальника на должность литсотрудника в многотиражке завода. Набралось у него более 40 лет непрерывного стажа в разных местах. Работал он даже ночами. Дома всегда писал деревянной ручкой с пером-вставкой. Эту ручку он макал в чернильницу с фиолетовыми чернилами и никому не позволял пользоваться своими письменными принадлежностями. Аборкин официально сменил 24 места работы в Туркмении и Перми.

В 1959 году в Москве открылся Первый съезд Союза журналистов СССР. В.И. Аборкин был в составе Пермской делегации. Папа часто рассказывал про съезд. Пермскую делегацию поселили в гостиницу «Пекин». Большой зал ресторана «Пекин», где их кормили, был поделен проходом. С одной стороны русская кухня, а через проход китайская. Основная часть журналистов раз и навсегда выбрала свою кухню, когда их просветили, что в Китае едят всё, что ходит, ползает и летает. Владимир Иванович считал, что нельзя терять возможность попробовать одну из лучших кухонь мира: мясо змеи в желе, жареная саранча, какие-то особенные, по виду похожие на макароны, белые черви под соусом.

Культурная программа была богатейшая. Каждый мог выбрать, где ему проводить вечер (днем были заседания), а в выходной – выезд в Останкино в имение графов Шереметьевых. Папа выбрал Большой театр и Майю Плисецкую в «Лебедином озере», но великая балерина не произвела на него впечатления, так как он всегда был поклонником Галины Улановой. Со съезда он вернулся с энтузиазмом и

стремлением начать работу. Отец очень часто бескорыстно помогал людям.

Вспоминает Председатель Совета ветеранов журналистики Пермского края Иван Григорьевич Ёжиков.

В конце пятидесятых годов прошлого века на многих предприятиях Перми появились заводские многотиражные газеты. Сохранились воспоминания Аборкина о том, как рождалась многотиражка телефонного завода: «Её первым редактором стал инженер, большой общественник, член Союза журналистов СССР П.А. Клоц, с кем меня связывала крепкая многолетняя дружба. Быть может, последнее обстоятельство и сыграло решающую роль в том, что мне, корреспонденту «Звезды» и ответственному секретарю бюро областной журналистской организации, посчастливилось внести свою скромную лепту в планирование, организацию, редактирование и макетирование первых номеров многотиражки. А когда редакционный механизм отлачился, отпала и необходимость в оказании подобной практической помощи, хотя наше творческое сотрудничество продолжалось», – в этих строчках весь Владимир Иванович, никогда не боявшийся черновой и рутинной работы.

В 1976–77 гг. Владимир Иванович был редактором газеты телефонного завода «За коммунистический труд». Он всегда считал, что к участию в газете надо привлекать как можно большее количество людей. Он выискивал рабкоров всюду.

Рассказывает работница телефонного завода тех лет Людмила Сергеевна Королёва. Трудилась она на конвейере, часто заглядывала в редакцию поболтать с подружками. Владимир Иванович заметил бойкую женщину. Л.С. Королёва вспоминает: «Забегая я как-то в редакцию, а Владимир Иванович вдруг говорит: «Людмила Сергеевна, давайте пойдем в соседнюю комнату». Я решила, что он будет ругать меня за то, что я постоянно торчу в редакции, но ошиблась. Владимир Иванович предложил мне стать рабкором. Я пыталась объяснить, что он лучше напишет, но Владимир Иванович убедил меня, что я лучше знаю конвейер, и задача моя написать то, что знаю, а он поправит написанное. На трясущихся ногах я шла в редакцию, комкая в руках заметку, но волновалась я зря. Заметка моя, поправленная редактором, была напечатана. А через месяц я уже писала не только простые информации, но и пыталась писать проблемные статьи. Счастливое было время!»

Папа пытался сотворить как можно больше журналистов. С родной дочерью не получилось. Я категорически отказалась ехать в Москву или Свердловск и пытаться там счастья. Я заявила ему, что буду учить английский язык в ПГУ на филфаке.

Еще коротенькое воспоминание из моего детства. В 1966–68 гг. отец был председателем родительского комитета, в эти годы он работал директором Дома журналиста. Моя одноклассница Елена Николаевна Смирнова (Потеряйко), доктор медицинских наук, профессор, узнала, что я пишу об отце, стала настойчиво уговаривать меня написать о том, как наш класс «А» и класс «Б» регулярно ходили в Дом журналиста, где всегда были фотовыставки, встречи с интересными людьми, просмотр фильма «Иван Семенов» по повести Льва Давыдычева, встреча с его съемочной группой. Краевед М.Н. Колпаков рассказывал о пермских артистах Лузенине и Окаёмове, погибших в фашистском концлагере.

Татьяна Юрьевна Шуклина, с которой я 5 лет проучилась в одной группе в ПГУ, вспоминает.

Я познакомилась с В.И. Аборкиным, отцом моей университетской подруги Анны, в 1978 году. Когда Владимир Иванович узнал, что я из Добрянки, он засыпал меня вопросами о строящейся в то время Пермской ГРЭС. Будучи настоящим профессионалом, он выпрашивал интересующие его подробности жизни в маленьком городе с огромной стройкой. Затем он вспомнил о редакторе местного радио – З.И. Коркодиновой. Аборкин познакомился с ней, когда работал на Пермском радио. Тепло отзывался о коллеге, высоко ценил передачи, подготовленные Коркодиновой.

Через несколько лет я сама начала работать диктором местного радио. В доме Аборкиных бывала часто. Владимир Иванович всегда проявлял живейший интерес к моей работе. Иногда мне самой приходилось готовить передачи. В.И. Аборкин давал советы по подготовке материалов, подсказывал тематику передач, помогал найти интересных людей. С ним можно было часами обсуждать темы современности и недавнего прошлого. Человек, влюбленный в революционные годы Прикамья, имеющий обширные знания истории края, поддерживал переписку со многими людьми. Все это занимало массу времени. В памяти сохранилась картина: поздний вечер, кабинет, рабочий стол, Владимир Иванович, склонившийся над рукописью.

Шло время, менялась жизнь... В.И. Аборкин вышел на пенсию, но, в силу активности своего характера, всегда интересовался происходящим. Каждый раз, когда я приезжала к Аборкиным, мы обсуждали новости, статьи из газет, телепередачи. Однажды я привезла сына. Юре было лет семь-восемь.

Владимир Иванович встретил нас тепло, по-родственному. Сразу нашел общие темы разговора с ребёнком, подарил замечательную книгу. Все последующие годы поддерживал общение с Юрой, считал его своим внуком.

Основными чертами характера Владимира Ивановича, на мой взгляд, были энергичность, постоянное движение вперед, доброжелательное отношение к людям, профессионализм, чувство юмора.

Никто из нашей школьной параллели не стал журналистом, но думаю, что они помнят походы в Дом журналиста, помнят его директора. Все эти годы Владимир Иванович был всегда в гуще жизни журналистской организации.

После ухода отца из Дома журналиста там началась сонная размеренная жизнь. Мне кажется, и сейчас она продолжается.

В Дом журналиста на вечера отдыха, а то и просто на огонек, приходили журналисты, писатели, художники, фотокоры, иногда просто люди с улицы, приходили мэтры журналистики Савватий Гинц, Михаил Гуревич, Борис Назаровский.

С Борисом Никандровичем Назаровским В. Аборкина связывало многое, прежде всего глубокий интерес к истории нашего края, его культуре, событиям и людям революционного прошлого. В горячей полемике с историками Пермского университета во главе с ректором Ф.С. Горовым, о дате основания Перми они оба были на одной стороне баррикады.

В. Аборкин, как и многие журналисты его поколения, к старой гвардии относились с глубоким уважением и не стеснялись учиться.

В. Аборкин вспоминает о Б.Н. Назаровском.

В 1970 г. одновременно вышли в свет книги Б.Назаровского «Замечательное дело» и моя – «Ленин говорит с Прикамьем». Я счел необходимым и возможным подарить свою книгу Борису Никандровичу, в ответ раздался телефонный звонок:

– Долг платежом красен. Не зайдёте ли сегодня ко мне?

Без всяких объяснений протянул подарок – книгу «Замечательное дело». Открываю, читаю: «Нине Дмитриевне и Владимиру Ивановичу Аборкиным от “Старика” Б. Назаровского.

Б.Н. Назаровский уговаривал отца не ездить в Чарджоу, а сделать вместе что-то большое, но, увы, папа уже обещал помочь привести в порядок русскую областную газету «Чарджоуская правда». Он отправил в Туркмению несколько железнодорожных вагонов с типографским оборудованием, и в 1971 году мы уехали в Чарджоу. Папу назначили заместителем редактора «Чарджоуской правды». Через год редактор туркменской областной газеты Ленин Ёласы сказал, что если бы у него был такой заместитель, то его газета стала бы лучшей в республике.

В 1972 году мы вернулись в Пермь. Б.Н. Назаровский был уже болен, и ни о какой большой работе речи идти не могло.

Одно время В.И. Аборкин был одновременно ответственным секретарем бюро Пермского областного отделения Союза журналистов СССР и директором Дома журналиста.

В начале 1960-х годов дачное безумие еще не охватило население. Казенные дачи не в счет. В.И. Аборкин мечтал о строительстве хотя бы 30 журналистских дач. Но эту идею он уже не реализовал, потому что работал в другом месте. Поэтому ему было не так больно, когда в 1990-е годы руководство Союза за мизерную цену 1 000 000 руб. (теми деньгами) продало все дачи. А во времена Аборкина, который имел дачу недалеко от Перми – родовое имение жены в деревне, он считал, что журналисты обязательно должны отдыхать вместе. За счет Союза покупались однодневные или двухдневные путевки в местные дома отдыха. Два-три раза за лето в паромном сообщении он арендовал двухъярусный теплоход для речной прогулки по Каме, с дневной зеленой стоянкой. Ездили и старые, и молодые, чаще всего с семьями, приглашали друзей.

Все интересные люди бывали в Доме журналиста. Мне было 10 лет, когда отец ушел на другую работу. Меня не брали на эти вечера. Родители ходили вдвоем. Только на творческие вечера Вольфа Мессинга и Натальи Сац папа взял и меня. Как-то нормой стало, что гастролеры, давая концерты, спектакли в других местах, потом обязательно появлялись в Доме журналиста. Гром грянул внезапно. В правление Союза журналистов СССР в Москве пришла анонимка, в которой живописалось, что Аборкин разворовал все средства Союза, организует попойки, ничего не делает. Из Москвы приехала большая

комиссия. Дело закончилось благодарностью Правления Союза и денежной премией В.И. Аборкину за его деятельность.

Я сразу же сказала, кто подбросил подметное письмо, но папа до смерти не верил в мою версию. Было в нем что-то детское: он верил людям, и его ярко-голубые глаза не потускнели с течением времени.

Мой отец был человеком, а не ангелом. Ничто человеческое ему не было чуждо, но в основе своей он – глубоко порядочный человек, творец, организатор, труженик, учитель. Он пережил трагическую гибель родителей, голод во времена студенчества, многочисленные тяжелые болезни жены и дочери, а потом начались и свои тяжелейшие болезни. Врачи говорили, что ему осталось жить от двух недель до двух месяцев. Папа прожил одиннадцать лет, не только жил, но еще и трудился. Кто-то (я знаю этого человека, его тоже уже нет среди нас), насчитал ему такую мизерную пенсию, что мы, три инвалида второй группы, оказались за чертой бедности. Сколько мы ни уговаривали сходить и пересчитать пенсию, но он уперся и только твердил: «Мы проживем и переживем, а вот наш “благодетель” ответит». И он оказался прав – благополучный, богатый человек сгорел от рака за три месяца. Обижать моего наивного отца было нельзя. Какие-то высшие силы карали его обидчиков.

В начале 1970-х годов у Владимира Ивановича появилась идея.
Рассказывает И.Г. Ёжиков.

Наши пути-дорожки снова пересеклись с ним в начале 70-х, когда он позвал меня в писательскую артель, половину которой составили звезды (В. Аборкин, Е. Гневашёв, М. Смородинов). Вместе с Т. Вершининым, К. Кузнецовым, А. Крашенинниковым мы два года трудились над книгой “Слово о Мотовилихе”, которая увидела свет в 1974 году. Могу сказать, что душой и мотором этого уникального проекта был Владимир Иванович Аборкин. Трудная у нас была работа, но школа для меня на всю жизнь. Все эти годы Владимир Иванович был не просто на виду у нашей журналистской братии, а всегда был в гуще жизни организации.

Вспоминает Татьяна Григорьевна Лакирева, юрист, выпускница (1958) той же Alma Mater, что и Аборкин.

Владимира Ивановича Аборкина я знала с 1972 года, когда был создан Профсоюз работников культуры в Мотовилихе, объединивший все учреждения культуры, в том числе журналистов газет «Звезда»,

«Вечерняя Пермь», «Молодая гвардия», областного комитета по телевидению и радиовещанию и ряда других.

Владимир Иванович возглавлял в 70-е годы профсоюзную организацию «Вечерней Перми», насчитывающую в своих рядах более 80 работников. Раньше профсоюзная организация была и воспитателем, и защитником работающих. Вопросы приходилось решать быстро, грамотно, а главное – справедливо.

Пришел в коллектив молодой журналист – за ним сразу закрепляли наставника. Он молодому человеку подсказывал, как и что надо сделать, как избежать ошибок, выезжал с ним на его журналистское задание, читал материал, тактично и ненавязчиво корректировал. Знакомился с семьей человека, при необходимости добивался материальной помощи, очередности на жилье и т.д. В общем, молодой человек вливался в дружный большой коллектив, где все к нему были внимательны. И этим профсоюзом руководил профком, который в то время возглавлял Владимир Иванович. Всегда у журналистов «Вечёрки» были крепкие тылы и мощная поддержка. Владимир Иванович обладал богатейшим журналистским опытом, знанием жизни, он всегда имел свое мнение, которое отстаивал, и обладал способностью говорить «НЕТ». Ведь это дано не каждому, особенно уральцам, в которых генетически живет Восток. Владимир Иванович был настоящий славянин, европеец. Образованный, эрудированный, он очень много знал и постоянно стремился к новому. Журналистский труд нелёгок, ведь не зря же говорят медики, что профессии журналистов, учителей, авиадиспетчеров выжигают человека изнутри.

В тот период в наш районный выборный орган входили многие журналисты, такие как А. Ничиперович, Б. Работкин («Звезда»), Т. Кокиарова (комитет по телевидению), А. Лосев (областное радио), В. Аборкин («Вечерняя Пермь» и другие). В редакции «Вечерней Перми» папа проработал 13 лет до пенсии. Несколько лет он руководил отделом промышленности и транспорта.

Вспоминает Владимир Николаевич Кадочников.

– Нам понравился ваш материал. Будем ставить его в ближайший номер: темы на вашем заводе есть интересные, – в телефонной трубке зазвучали гудки отбоя.

Всего месяц работал я в редакции газеты «Ленинский путь» завода имени Свердлова и маститым журналистом себя не считал никак. До этого было три года интересной работы в пароходской многотиражке «Большая Кама». В большую прессу я не стремился. Что меня подвигло послать одну из корреспонденции в «Вечернюю

Пермь», газету суперпопулярную в городе, послал скорее на авось, дескать, в лоб не ударят, а посоветовать что-нибудь да смогут. Поэтому, когда телефон донёс до слуха какой-то очень молодой голос, я несколько растерялся, никак не ожидал такой быстрой реакции. Разные люди встречались мне на жизненном пути, на долгом журналистском пути. Некоторые не оставили сколько-нибудь заметного следа. Были и те, кого по праву я могу назвать своими учителями, не только в профессии, но и в жизни. Одним из таких стал для меня Владимир Иванович Аборкин. Через три месяца Владимир Иванович уже давал конкретные задания, обязательно оговаривался размер будущего материала. Однажды во время очередного разговора он стал расспрашивать меня о моей биографии. Узнав, что я больше 10 лет отработал на прямом производстве, что учусь на журфаке Уральского университета, он удовлетворенно хмыкнул и предложил встретиться.

Обладателем звучного молодого голоса оказался человек очень зрелого возраста. Плотная коренастая фигура, конна седых, вьющихся волос – вот первое впечатление. Да, пожалуй, ещё глаза, внимательные, способные мгновенно менять выражение от удивленного, доброго до сурового. Я чувствовал, что попал туда, где делалась большая журналистика. Надо сказать, что тогда, в 80-е годы, в «Вечерней Перми» работал коллектив совершенно блестящий. Т. Чернова, Л. Жеребцов, О. Березина, В. Семченко, Б. Львов и многие другие составляли гордость пермской журналистики. Чудесным человеком и замечательным профессионалом был и главный редактор Николай Александрович Кустов.

Прервемся немного и поговорим о человеке, за которым мой отец был как за каменной стеной. Николай Александрович Кустов учился в университете вместе с папой, с тех пор они дружили. Работали в «Звезде», потом в «Вечерней Перми» – горкомовской газете. Николай Александрович отстаивал всех своих сотрудников, а особенно отца, которого любил как человека, друга, товарища, коллегу. После похорон Н. Кустова отец сказал: «Теперь моя очередь».

Вернемся к воспоминаниям. В.Н. Кадочников.

Разные бывают руководители. Иной после разноса у высокого начальства отыгрывается на подчиненных, другой, как бы тяжело ему ни приходилось, всячески оберегает своих людей от нервотрепок и тревог. Владимир Иванович относился именно к таким руководителям. Никогда не давая авторитетом должности, он давал

своим коллегам сиять собственным светом, всячески поощрял при этом творческий поиск и инициативу. Более того, сам талантливейший журналист, он брал на себя самую неблагодарную работу – правку рабкоровских материалов. Он в основном вел переговоры с руководителями предприятий, главными специалистами заводов и институтов по поводу их выступлений в газете. Переговоры эти, как правило, шли нелегко, но противостоять настойчивости Аборкина, его дипломатическому таланту, умению убеждать собеседника они были просто не в состоянии. В конце каждого такого раунда Владимир Иванович смахивал воображаемый пот со лба и лукаво-победительно поглядывал на нас, как бы говоря: “Учитесь, салаги!”

Вообще атмосфера в отделе была самая непринужденная. Здесь никто не кичился своими заслугами, здесь все были равны вне зависимости от способностей или опыта. За все 8 лет работы в отделе я не припоминаю случая интриганства или ссоры. И в этом тоже была заслуга Владимира Ивановича. Он сумел создать коллектив, отличавшийся высокой надежностью, преданностью интересам газеты, способностью оперативно решать задачи, которые ставила жизнь. А задачи были непростыми: в 80-е годы повсеместно активно внедрялись новые методы хозяйствования. И мы, три корреспондента промотдела, металась по предприятиям и организациям, стараясь первыми ухватить самое интересное и этим «досадить» старшей сестре – «Звезде».

Как-то в издательской столовой один из звездинцев позволил себе язвительную фразу по поводу «всеядности» «Вечёрки». Владимир Иванович медленно повернулся к говорившему, так с ленцой в голосе произнес: «А нам мэтров из себя корчить некогда, нам работать надо». Он очень берег авторитет своей газеты. Впрочем, о популярности «Вечерней Перми» того периода говорит такой факт: весь пятидесятитысячный тираж разлетелся за 20–30 минут. «Вечёрка» была универсальна. Она давала предельно разнообразную информацию: о театре, живописи, строительстве, производстве, городском хозяйстве, общественном транспорте. Стоит отметить, что значительная часть публикаций носила проблемный характер, а порой и острокритический. От авторов подобных материалов требовалась высочайшая эффективность и выверенность фактов.

– С критикой, ребята, никто еще в обнимку не ходил, – говаривал Владимир Иванович, – поэтому доводы ваши должны быть неопровержимыми. Сегодня модно хаять тоталитарное государство, приводя при этом примеры засилья партийной идеологии в СМИ.

Чушь все это! Мы были достаточно свободны в своем творчестве. Другое дело, что, поднимая тяжелую проблему, нужно было обладать определенным мужеством. В.И. Аборкин таким мужеством обладал. Именно он настоял на публикации материала «Тучи над городом», повествующем о вредных выбросах установок объединения «Пермнефтеоргсинтез». Это была настоящая бомба. И эхо от ее взрыва долетело даже до Москвы. Многие тогда пеняли Аборкину – зачем, мол, сор из избы выносить. Он отвечал: «А людям, которых травят, каково?» Владимиру Ивановичу было несвойственно делиться собственными проблемами или невзгодами. Всегда охотно помогающий друзьям, для себя он ничего никогда не просил. Один из признаков интеллигентности, душевной чуткости. А мог бы поведать о своей невеселой судьбе, о том, что смолоду остался без родителей, о том, что пробивал себе дорогу в журналистике, не имея абсолютно никакой поддержки, обладая только талантом и силой духа.

Совершенно случайно я узнал, что он автор нескольких книг, что благодаря своей энергии и настойчивости увидело свет издание «Слово о Мотовилихе», написанное с блеском. На мой недоуменный вопрос, зачем он этим занимается, Владимир Иванович сказал: «Я ведь не могу не писать. Это, знаешь, как болезнь. Большие тебе скажу: придет время, и ты сделаешь книгу». Сегодня, вспоминая этого замечательного человека, я поражаюсь точности его предсказаний. Как и он, я стал автором нескольких книг, одна из которых – «Мотовилиха: Продолжение легенды?» – явилась вторым томом «Слова о Мотовилихе».

70-летие Владимира Ивановича Аборкина отмечалось в созданном им областном Доме журналиста. Много было сказано добрых слов, немало произнесено тостов, а в центре зала стоял человек с буйной седой шевелюрой, окладистой бородой, и, казалось, ему неловко от этого внимания, от этих хвалебных слов. Мне почему-то казалось, что ему неуютно на его собственном юбилее, и я попытался представить себе место, где бы он чувствовал себя естественно и свободно. И в памяти всплыл промотдел «Вечёрки», и человек, говоривший молодым, звучным голосом: «Здравствуйте! С вами говорит заведующий отделом промышленности и транспорта «Вечерней Перми» Владимир Иванович Аборкин. Слушаю Вас». Журналистика была его местом и его настоящей жизнью».

Мне хочется вернуться в конец 1950-х. Тогда на улице Осипенко, 78 (затем номер дома сменился на 56) был красный кирпичный пятиэтажный дом, во втором и четвертом подъездах

которого жили семьи звездинцев. Квартиры им предоставила ТЭЦ 6. Во втором подъезде жили Высоковские, Каюнерские, Гневашёвы, Калашниковы, Аборкины. В четвертом – Решетниковы, Лагохины, Красных, Титляновы, Пичугины, Лихачевы. Ещё в четвертом подъезде жили три обкомовских семьи, пока им не построили хоромы за забором. Все звездинцы общались, ходили друг к другу в гости, иной раз просто забегали на 5 минут и заносили гостинцы. Многие называли эту полногабаритную пятиэтажку «звездным домом». Мы прожили в нём с 1959 по 1971, то есть до отъезда в Туркмению.

В быту мой отец был неприхотлив, но так и не привык к уральской кухне. Он постоянно вспоминал, как и что готовила его мать, Юзефа Фадеевна. Папа любил детей, и даже незнакомые дети улыбались, когда видели его. Главная любовь его жизни – кошки: он просто обожал их, а они отвечали ему взаимностью. В моей жизни было 4 кошки (Мышка прожила 15 лет, Алиса трагически погибла в три года, Казимир I прожил 14 лет, а Казимир II – 18 лет).

Папа серьезно занимался краеведением. Дружил с краеведами А. Шарцем (Шарцевым), М. Колпаковым. Считался лучшим знатоком ленинской тематики, его огромный личный архив я сдала в ПермГАНИ. Преподавал журналистику в Общественном институте марксизма-ленинизма при Пермском обкоме КПСС в 60-е гг. Собирал материалы о старых большевиках, о революциях 1905–1907 и 1917 гг., о декабрьском вооруженном восстании в Мотовилихе, об А. Лбове, В. Азине, В. Грацинском. В последние годы жизни увлекся историей 172-й стрелковой дивизии. Переписку вел «чудовищную»: почти в каждом городе страны у него был корреспондент. Если я куда-то ехала, то мне выдавались 2–3 адреса людей, у которых можно остановиться. Я часто пользовалась этими адресами, встречали меня эти чужие люди лучше, чем родственники, и очень обижались, если я останавливалась не у них, а у других людей: «Анечка, зачем вы остановились у N? Ну что там хорошего? Немедленно перебирайтесь к нам!» Я лежала во всех московских больницах, где были отделения эндокринологии, меня ежедневно навещали незнакомые и знакомые люди с огромными сумками провизии, которую просто невозможно было съесть и которую я раздавала медсестрам, дежурным врачам, соседкам по палате, больным из соседних палат. А родной племянник революционера-мотовилихинца Михаила Туркина, живший в Ленинграде, отдал мне ключ от своей квартиры, чтобы я могла приезжать в любое время, когда захочу: в течение семи лет (до смерти физика Бориса Васильевича Туркина) у меня была «собственная» квартира в Ленинграде.

Папу неоднократно «сватали» переехать в Москву. Особенно он нравился «Лесной промышленности», но он решительно отказывался уезжать с Урала. «Сватали» его и в Союз писателей. Сохранилось несколько рекомендаций от московских писателей для вступления в Союз.

В КПСС В.И. Аборкин вступил в 1961 году и навсегда остался ее членом: его партбилет хранится в личном фонде Аборкина в ПермГАНИ. Владимир Иванович никогда не лез на баррикады, не кидался на инакомыслящих. А вот в КППФ он никогда не состоял. Не знаю, стоило ли столько писать о Туркмении, но именно там он начал работать как профессиональный журналист, и в 24 года стал ответственным секретарем редакции главной молодежной газеты республики «Комсомолец Туркменистана». Именно в Туркменистане он познакомился с Л. Руслановой, Е. Долматовским и другими деятелями культуры. В доме своего брата писателя Александра Аборского его ждала встреча с сосланным в Ашхабад Юрием Карловичем Олешей, который в немислимо поношенных брюках, рубашке и пиджаке постоянно приходил к Аборским и объявлял: «Анна Ивановна (Комиссарова), я пришел, чтобы вы накормили меня своей божественной едой».

К Ю. Олеше в доме Аборского-Комиссаровой относились с пиететом. Юрию Карловичу необычайно нравилась моя мама, он постоянно целовал ей руку и восклицал: «Красавица!»

1971–1972 – это годы, когда Аборкин создал «Чарджоускую правду». Когда ему исполнилось лет 45, его стали называть старейшим журналистом Перми. Даже все траурные объявления, когда он умер, начинались со слов «Скончался старейший журналист Перми». Он работал ответственным секретарем редакции газеты «Комсомолец Туркменистана», в Бюро областного отделения Союза журналистов СССР, в редакции «Вечерней Перми», зам. ответственного секретаря редакции «Звезда», старшим редактором первой в области световой информационной газеты «Новости Прикамья», заместителем редактора газеты «Чарджоуская правда», «Вечерняя Пермь»; редактором многотиражной газеты «За коммунистический труд» телефонного завода. Все 24 его должности я не буду перечислять. Именно В.И. Аборкин является создателем Пермского Дома журналиста и вторым его директором. При нем это был культурный очаг, куда мог прийти каждый. Я – дочь, и могу быть необъективной, но только при В.И. Аборкине это был настоящий Дом журналиста. И в Союз принимали не автобусами, а требовались 2 рекомендации от известных журналистов и испытательный срок, принимали не всякого.

Когда папа добился создания Дома журналиста, то я спросила, почему ему не дают никаких званий. Он обнял меня и со смехом проговорил: «Эх, Аннушка, Дом-то работает, а это самое главное». Этот же вопрос я задала отцу, когда увидело свет издание «Ленин говорит с Прикамьем». Ответ я получила примерно такой же. Папа, чтобы писать книги, работал ночами. Днем была обычная журналистская текучка. Писал стихи, слова к песням. Из крупных произведений: книга «Кама, Волга, Дон» – статья о Перми, написанная В.И. Аборкиным; еженедельная колонка в «Мотовилихинском рабочем» «От съезда к съезду», фотоальбом «Ленин говорит с Прикамьем», книга «Слово о Мотовилихе» (коллектив авторов): раздел 1905–1917 написан В.И. Аборкиным. Радиоповесть «Литерный идет в Мотовилиху» в соавторстве с радиожурналистом Эдуардом Шумовым. Радиоповесть «Ходоки из Половодова», одного из ходоков играл актер Пермской драмы кузен В.И. Аборкина Дмитрий Георгиевич Аборкин, который тоже жил во втором подъезде «Звездного дома», киноповесть «Ходоки из Половодова» творческого кинообъединения завода им. Ленина (режиссёр Игорь Куклин). Автор слов «Песни о Перми» на музыку Владимира Чезарри, песен на музыку Г. Терпиловского, Л. Меля и других композиторов. Автор слов «Марша 172-ой стрелковой дивизии». Автор вариантов слов к государственным гимнам СССР, РФ, Союзного государства России и Беларуси. Награжден медалью «Ветеран труда», тремя гайдаровскими премиями, несколькими премиями конкурса журналистской инициативы, золотыми, серебряными и бронзовыми медалями ВДНХ, благодарностями Правлениями Союза журналистов СССР. Не имеет никаких званий.

Благодарю всех людей, поделившихся со мной воспоминаниями о моем отце, особая благодарность журналисту Владимиру Николаевичу Кадочникову.

Мне хочется процитировать ещё раз И.Г. Ёжикова.

Владимир Иванович Аборкин всю жизнь был ответственным журналистом и замечательным товарищем. Высокий профессионализм, юмор, шутка и даже розыгрыши – все это было в его арсенале. Но еще больше удивляет широта его интересов и завидная работоспособность. В моей памяти он таким и останется – человеком с выразительным лицом, «марксовой шевелюрой», веселыми глазами и «душой с огоньком».

Владимир Иванович скончался 9 марта 2004 года дома. Похоронен В.И. Аборкин на Северном кладбище Перми в 318 квартале.

Вот стихотворение «Станция Солянка. Репортаж из военного детства» В.И. Аборкин написал в 1990-е, напечатано в Московском журнале «Ветеран».

1. Не забуду в жизни полустанка,
Где промчались детские года.
Станция Солянка – пять минут стоянка:
Не гостят здесь долго поезда.
2. Знал окрест я каждую полянку,
Много раз бродил в лесной глуши.
Приносил в Солянку скатерть-самобранку
Из грибов и ягод, черемши...
3. Но беда явилась спозаранку.
Помнится июньский страшный час...
Эшелоны танков или через Солянку,
Провозили пушки мимо нас.
4. На перроне женщины-крестьянки
Обнимали братьев и мужей.
И под грусть тальянки плакала Солянка,
Провожая в бой богатырей.
5. По Москве по улице Солянка
Шли на фронт сибирские полки.
И свою Солянку в дзоте и землянке
Вспоминали парни из тайги.
6. Ну, а мы, без всякой перебранки,
Помогали взрослым на полях,
Валенки, ушанки слали из Солянки,
Чтоб не мерзли воины в снегах.
7. Мы познали, пацаны, пацанки
Беды детства, смятого войной.
Смерть Космодемьянской – траур над Солянкой,
Погибают Чайка, Кошевой.
8. Не летят снаряды и болванки.
Пули не свистят над головой.
Добрая Солянка, сердцем россиянка,
С фронта дождалась сынов домой.
9. Ныне тлеют земляков останки
По Европе – не в одной стране.
И вокзальной солянкой встретила Солянка
Вести о погибших на войне.
10. Но дельцы готовы наизнанку
Вывернуть всю правду о войне.
Расскажи, Солянка, прессе-иностранке,
Сколько потеряла ты парней?!
11. Слышу голос, подогретый пьянкой,
Мол, в архив фронтовиков списать,
Я горжусь солянской ратью ветеранской,
Что учила Родину спасать.
12. Пусть, как прежде, молодежь с гулянки,
Как всегда, приходит на перрон.
Станция Солянка, милая славянка,
С детства я тобою покорен.

«Песня о Перми» была написана В.И. Аборкиным в 1960-е годы на музыку композитора-любителя и профессионального хормейстера Владимира Чезарри. Впервые была исполнена басом Пермской оперы Владимиром Елиным и вошла надолго в его репертуар. «Песня о Перми» побеждала на многих областных конкурсах.

Песня о Перми

1. На Прикамских таежных угорах,
От московской земли вдалеке
Наши деды построили город
На великой уральской реке.
Припев:
Если любишь свой город на Каме,
По-уральски его обними.
Нас недаром зовут пермяками (2 раза)
Мы сердца подарили Перми.
3. Мы гордимся речными мостами,
Нас волнует проспектов Краса.
И повсюду на Камушке-Каме
Заводские растут корпуса.
Припев:
Если встретитесь вы с пермяками
Назовете родными людьми.
Мы богаты, друзья, земляками (2 раза)
Что живут далеко от Перми.

2. *Мы горды Мотовилихой древней,
Ее славою мы дорожим.
Над Закамском и Новой деревней
Поднимаем домов этажи.*

Припев:

*Если вы поплывете морями
Широки к нам дороги теперь
Вы полюбите город на Каме (2 раза)
Город с ласковым именем Пермь.*

4. *Величав и приволен наш город,
Он с открытой, рабочей душой.
На бескрайних Уральских просторах
Он горит маяком над рекой.*

Припев:

*Он стоит бастионом веками
На виду у любимой страны.
Приезжайте в наш город на Каме (2 раза)
Нам хорошие люди нужны.*

Е.Н. Голдобина,

выпускница филологического факультета ПГУ (1951)

ИНТЕРВЬЮ В ПИСЬМАХ

Курс филологов 1946–1951 годов был по своему особым, не свойственным для филфака: половина мужчин и половина девочек. Это были вчерашние фронтовики, пришедшие в университет наверстать упущенное за время войны и получить новый багаж знаний и утвердиться в жизни. Школяры тоже хотели стать людьми, полезными для общества. За годы учебы курс наш оказался богат на таланты. Родился целый куст писателей-профессионалов (Лев Давыдычев, Алексей Домнин, Андрей Ромашов) и куст журналистов (Николай Кустов, Григорий Горбунов, Галим Сулейманов, Юрий Молодцов, Генрих Шлыков). Имена многих из них и сейчас на слуху. Но вот парадокс: теперешнее поколение филологов, журналистов, книгоиздателей не помнит и не знает **Гришу Горбунова**. А он – простой деревенский паренек, прошедший войну, благодаря факультету и своей напористости ставший журналистом большого масштаба.

За годы учебы у меня с ним завязались дружеские, можно сказать братские отношения. Как-то еще в самом начале учебы, узнав, что у меня есть брат его же возраста, Гриша сказал: «Вот я и буду тебе здесь за брата». Время шло, окончен университет. Мы разъехались кто куда. Меня судьба оставила в библиотеке университета в Перми, а Гришу, уже ставшего журналистом вместе с красавицей женой Ритой (моей землячкой и однокурсницей) через год забросила в Москву. Дружба наша была на расстоянии. Встречались изредка, обменивались письмами. После 20-летнего юбилея нашего курса переписка оживилась, и встреч стало больше. Но, к сожалению, годы уходят, уходят наши однокурсники в небытие.

Жаль, что на факультете никто не может сказать, что знает Григория Ивановича Горбунова. Спасибо Т.А. Абасовой, редактору газеты «Пермский университет», за публикацию статьи и стихов Г.И. Горбунова.

Вот почему я решила через его письма рассказать о нём.

Итак. Кто же он, Григорий Иванович Горбунов? Откуда он родом? В одном из писем он описал свою родословную.

Родился я 28 января 1925 года в деревне Лукинцы, что в 3-х километрах от райцентра Фоки на юге тогдашней Молотовской области. Родители – крестьяне. Мать родила нас 10 человек, выжило шестеро. Я старший. После 9-го класса в 1941 году уехал учиться в Соликамское ремесленное училище. Попал в группу «токарь-универсал». Через эту систему прошли ещё 2 брата и сестра. А так неизвестно, кто бы из нас выжил.

О своем босоногом детстве и о том, что ему дала Родина, Григорий Иванович довольно хорошо рассказал в предисловии к своему поэтическому сборнику «Я верю», изданном в 2010 году в Москве.

В школу я пошел в 1932 году. Дома на стене приклеенный клейстером портрет Чапаева в зеленом кителе и темной папахе. Вечерами разговор взрослых о колчаковцах, дважды прокатившихся через деревню. О комдиве Азине, освободившем Ижевск, Василии Блюхере, под чьим водительством южно-уральские партизаны в 1918 году совершили героический поход из Оренбурга через Уральские горы в пермский городок Кунгур.

Мы взахлеб читали книги о недавней гражданской. А «Тихий Дон» М. Шолохова, печатавшийся в «Правде», вечерами торжественно перечитывали в семьях.

Помню, как-то в классе меня наградили номером иллюстрированного журнала «СССР на стройке». Он весь был посвящен челюскинской эпопее. Снимки из того журнала врезались мне в память и как апофеоз всего: «Москва встречает героев!».

Конечно, нелегко жили. Не хватало и того, и другого, и третьего. Школа посылает меня в Артек. Радости не было границ. Но как же я был огорчен, обижен на своих родителей: не купили мне новые брюки, и я уехал в старых с заплатами на заднем месте. А купить было негде, не было просто в продаже.

Зато время какое! Страна идет вперед! Страна строится. ДнепроГЭС! Турксиб! Магнитка! Сталинградский тракторный! Горьковский автомобильный! Город химии Березники в родном Прикамье!

И вдруг... Вставай, страна огромная!..

С первых слов песни, с первых тактов музыки у меня каждый раз обрывается сердце, холодеет в груди, а душа полнится тревогой. Может, только я воспринимаю так эту песню. Не знаю. Но эта песня для меня – синоним войны. Всего, что с ней связано. И жизнь в окопах. И запах кизяка в сгоревших украинских деревнях...

Среди соликамских ПТУ-шников, в первые же дни войны осаждавших военкомат, был и Григорий Горбунов. Но не было им ещё 18 лет, и их отправили обратно.

Из писем о военном пути. *В 17 лет мы поёрли к соликамскому военкому проситься на фронт. Он: «Будет 18 – приходи». А мы ведь в школе прошли допризывную подготовку. Затвор мосинской винтовки я мог собрать и разобрать вслепую. Как только исполнилось нам по 18 лет, военком сдержал слово. 10 февраля 1943 года я стал курсантом Ленинградского военно-пехотного училища им. С.М. Кирова в Березниках. Так начались мои фронтовые дороги. Летом в лагерях приказ: на фронт курсантами, доучиваться потом. Маршевый эшелон. Высадили под Красным Лиманом. Утром сразу в наступление. Самое удивительное, когда брали пленных, они рассказывали, что, мол, против них воюет красный офицерский полк (а мы 18-летние курсанты). И до чего же мы зеленые были! Я вот думал, ну не могут меня убить, я и жизни-то еще не видел. И так думали все. Пока однажды немецкий снаряд не разорвал в ключья курсанта Кромлева. Недельку мы ходили как в воду опущенные.*

Но война продолжалась. Продолжался и мой военный путь. Красный Лиман, Запорожье. Тяжелый бой. Нас живых курсантов осталось 17 человек.

Прошли Днепрпетровск, Кировоград. До сих пор в памяти пылающие города. Довелось участвовать в крупном Корсунь-Шевченковском сражении. 19 марта вышли к Днепру. 20 марта форсировали его, а утром 21 марта в уличном бою я был тяжело ранен. Почему, подробно пишу об этом! Такое никогда не забывается. Раздроблена правая рука, контузия... Медсанбат. Госпиталя. Санпоезда. Полгода по госпиталям и конец... Инвалид II группы в 19 лет. В общем, на передовой я пробыл около года. Кончил войну, как и начал – курсантом. Есть награды: медаль «За отвагу», орден «Отечественной войны» I-ой степени. Вышел в отставку.

А Украину я пешком всю протопал. Об этой поре стихотворение «Россия, помни!» написал...

Не только это стихотворение о военных событиях, о госпитале, о людях, прошедших войну, написал Григорий Иванович уже будучи

на пенсии и продолжает писать. Вышел сборник его стихов «Я верю» в 2010 году. В этом сборнике есть стихотворение «Отец». Гриша еще в студенческие годы рассказал о судьбе своего отца. Сохранилось у меня в памяти четверостишие, написанное Гришей:

*Я видел, как женщины плачут,
Как бьётся в слезах горьких мать,
Мужчину, зашедшего в плаче,
Впервые пришлось увидеть...*

А позднее Гриша написал о встрече двух инвалидов войны. Вот этот рассказ-письмо.

Отца тяжело ранило в 1941 году. Мать привезла его из госпиталя домой. Слепого. Я не верил. Думал, преувеличивает мать. Надеялся, что хоть что-то видит. И вот встреча в августе 1944 года. Я вернулся в Лукинцы. Во двор выбежала мать. Обняла и зашлась в плаче. Успокаиваю. Мол, живой ведь пришел. Зашли в избу. Я шагнул к нему. Подую левую руку. «Здравствуй, папа!» – говорю. А он вытянул мою руку. Тут я упал на него, и мы оба заревели. Мать перестала плакать. Успокаивает обоих. Сцена эта стоит до сих пор перед глазами. И спустя полвека не могу сдержать слёз.

В августе 1944-го война для Григория Ивановича закончилась. Но жизнь продолжается. Как же сложилась эта жизнь фронтовика-инвалида? Последовало письмо с этим вопросом, за ним – ответ.

Слушай, Женя. Август – 44. Я – дома. Слепой отец. Пятеро детей, кроме меня. Мать работает на льнозаводе. Я – токарь. Пошел в МТС. Но правая рука не действует. Директор: «Подлечись. Я тебя обязательно приму». А мне работа нужна. Услышал, что в редакции Фокинской райгазеты «За урожаем» кто-то нужен. Нужен был делопроизводитель: регистрировать письма, покупать бумагу, конверты, марки, вести отчетность по этим вопросам. Согласился. Зарплата маленькая, но зарплата. Я там прижился, стал отвечать на письма читателей. Потом побывал на курсах в обкоме, и райком сделал меня ответственным секретарем газеты. Стал готовить письма читателей для публикации. Поступил в 10-й класс, но работу не бросал. Райком разрешил посещать уроки физики, математики, химии. Все позабыл. Но повторял и днем, и ночью. Догнал школьников-старшеклассников. Сдал экзамены и получил аттестат зрелости. Учиться я хотел страстно. Написал заявление в Пермский университет и получил вызов. Но... отец говорит: «Женись, помогай матери подымать детей». Я стоял на своем: не возьму у вас ни копейки! Сено и дрова – мое дело. Уехал самовольно. Сдал экзамены. Зачислен в университет. Но меня исключили из партии, пока сдавал экзамены. Было постановление: без разрешения администрации

человек не имел права сменить место работы. Однако бюро РК решило ограничиться обсуждением: фронтовик, ранен, пусть учится. Так я стал студентом.

Я уже упоминала, что наш курс филологов 1946 года был вторым после окончания войны. И не удивительно, что у нас было немало фронтовиков, тружеников тыла, а вторая часть – выпускников школ. Казалось бы, что у школьников знания обширнее, свежее, и им легче. Но было наоборот. Старшие наши учились яростней (определение Гриши), стремились узнать больше, получить все, что только можно. Таким был и Гриша.

Он пишет:

У меня было неумное желание: учиться, учиться, учиться, и я добился этого, выполняя при этом все обещания, данные родителям. Я приезжал летом в Фоки, и на два месяца становился ответственным секретарем районной газеты «За урожай», пока редактор и ответственный секретарь сходят в отпуск. А сено? Выходные. Дрова? Разговор особый, но и с этим справлялся, справлялся с учебой. А учиться было интересно, хотя порой и трудно.

Ты знаешь, Женя, когда я вспоминаю наш курс, школьно-фронтовой, я не перестаю удивляться, откуда только силы брались?! Мы, фронтовики, учились неистово. Учебников не было, только записи лекций. В библиотеке книг не хватало, ездили в Горьковку. Та университетская библиотека не походила на нынешнюю, ты это лучше, чем кто-либо, знаешь. Карточки (продуктовые), бараки, баланда, шукрут (широкое употребление капусты работниками умственного труда) – и всё нипочём. Учились, влюблялись, бегали на танцы, ходили в театры, на симфонические концерты, увлекались самодеятельностью, спортом. А мы к тому же часто подрабатывали – разгружали вагоны и баржи. И были рады, если нам платили не деньги, а натурой – какой-нибудь ржавой селедкой. Конечно, не все выдержали. Зимой 1946–47 гг. кое-кто из нас фронтовиков бросил учебу. Я бы тоже бросил, но позвонил в редакцию райгазеты, где раньше работал – место занято. Так и остался с вами. И все же... и все же... это было самое счастливое в жизни время.

Я тут написал одно стихотворение об этой поре и назвал его «Нашей юностью пахнет Заимка». Посылаю его тебе, Женя.

Ох, и время же было счастливое,

Золотое, по правде сказать!

Просто-напросто время гулливое.

Юность! Юность! Другую где взять?

На третьем курсе меня пригласил А. Букирев, ректор университета. Он предложил мне занять пост ответственного секретаря газеты «Молотовский университет». Я был несказанно рад и понял, что это моя судьба, что это моя будущая профессия. Редактором был биолог В. Овеснов. Сбор материалов для газеты («я тоже оказался в числе его корреспондентов»), их редактирование, вычитка гранок, полос и газеты – моя обязанность. И немаловажно – положили мне небольшую ставку в пределах студенческой стипендии. Было приглашение на беседу к секретарю обкома партии по пропаганде. Так, до конца учебы я был ответственным секретарем университетской газеты. Я ее очень полюбил.

Вообще-то удивительная была пора. Я студент-филолог, а диплом защищал на кафедре философии. По окончании учебы меня оставляли работать на кафедре. Но... вызов в обком партии – меня утвердили редактором областной комсомольской газеты «Молодая гвардия». Мои соображения во внимание не приняли.

Прошло совсем немного времени, и меня направляют на трехмесячные курсы в Москву, по окончании которых секретарь ЦК ВЛКСМ В. Семичастный предложил мне работу инструктора в отделе пропаганды в ЦК ВЛКСМ. Не задумываясь, я согласился. Другого не придумаешь.

Началась новая жизнь семьи Горбуновых. После их свадьбы, на которой гулял весь курс, они почти не успели освоиться в Перми, как началась московская, но как: Гриша – в Москве, Рита – в Перми. Он ездит по областным газетам, она работает в школе, где работала и я. Наконец, Гриша сообщает, что им дали комнату в коммуналке. Они стали москвичами. Потом, много позже, им дали малюсенькую двухкомнатную квартирку – хрущёвку. Это район Останкино и по соседству с ВДНХ. Однокурсники, будучи в Москве, бывали у них неоднократно. Встречи были хороши. А Горбуновы живут в этой квартире и сейчас.

Об этом начальном периоде работы в ЦК ВЛКСМ Гриша написал позже:

Поездки по областным газетам многому меня научили. Ведь в каждой газете есть свои достижения и свои слабости. В этот же период отдал дань писательской работе, и написал книжку «Елецкие мореходы» о ребятах, которые ежегодно по Днепру спускались к Черному морю.

Через какое-то время Григорий Иванович возглавил сектор комсомольской печати.

Мне кажется, что о своей работе в ЦК ВЛКСМ я неплохо рассказал в своем стихотворении «Маросейка моя, Маросейка» (Маросейка – улица в центре Москвы, где располагался ЦК ВЛКСМ). Это был очень насыщенный период работы в ЦК ВЛКСМ. Используя стихотворную форму, постарался осветить те или иные события, встречи с известными людьми. Вот несколько четверостиший:

*Маросейка моя, Маросейка,
Наша улочка, наша ячейка.
Лишь во сне обниму я, не боле,
Краснодонцев опять в Цекамоле.
Ну, а съезды, а съезды в Кремле!
Жуков вязнет в армейской лавине.
Лишь во сне, в окаянной земле,
Нашу армию вижу в Берлине.
Фестивальные будни в разгаре.
Венский ринг и проспект Маннергейма.
Лишь во сне от финляндского сейма
Улыбнется мне снова Гагарин.
Есть легенды не Лувра и Прадо.
Вот Ибаррури, женищина века.
Ее сын сгинул под Сталинградом...*

Позднее Гриша пишет:

После ЦК я работал в журналах «Советская молодежь», «Молодой колхозник», пару лет был ответственным секретарем городской журналистской организации. «Молодой колхозник» первым в Союзе издал как литературное приложение – собрание сочинений М. Шолохова. Потом «Молодой колхозник» переименовали в «Сельскую молодежь». А меня командировали в Вешенскую, получить напутствие М. Шолохова нашему журналу. Для меня это было счастье и неудача. Я прожил в Вешках неделю. М. Шолохов был болен. Уехал. М. Шолохов телеграммой прислал напутствие. А потом, когда он приехал в Москву, зашел в нашу редакцию, выразил сочувствие мне, извинился, пожелал успехов.

Да, Женя, я упустил одно важное событие. Когда работал в ЦК ВЛКСМ, началось освоение целинных земель. Меня направили в Мордовию, в Саранск. Вместе с мордовским обкомом комсомола подобрать и направить на целину полторы сотни добровольцев. Работа эта длилась долго, но отряд добровольцев отправился на целину.

Тогда же, в те же времена проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Небывалое событие. Небывалые встречи, общение с молодежью разных стран. Я работал в газете «Фестиваль». Материала для газеты было предостаточно.

После московского фестиваля я ещё работал на фестивалях молодежи и студентов в Вене и Хельсинки. Также в газете «Фестиваль», которая выходила на 3–4 языках.

Дальнейшая жизнь Григория Ивановича в течение 20-ти лет была связана с книгоизданием. В своих письмах он неоднократно рассказывал об этом периоде жизни.

20 лет работы в российском комитете по печати. Это – книгоиздание. Основу Комитета составляли 3 Главка: книгоиздания, полиграфии и книжной торговли. В Комитете я прошел путь от редактора массово-политической литературы до начальника Главка – главного управления книжных издательств России. В этой должности я проработал 10 лет до ухода на пенсию.

У нас было 51 издательство, в том числе «Просвещение», «Детская литература», «Советская Россия», «Современник».

Это было интереснейшее время. Люди начали создавать домашние библиотеки. Тиражи были невообразимые для нынешних времен. Русскую и зарубежную классику издавали миллионными тиражами. Мы утверждали темпланы издательств и т.д. Я расскажу тебе, Женя, уникальный случай. Другого не было. В Комитет пришел Л.М. Леонов с жалобой на издательство «Советская Россия» роман «Русский лес» издало 200-тысячным тиражом вместо 100 тысяч по договору. Так, я впервые увидел и познакомился с классиком русской литературы. Леонов не хотел, чтоб его книга лежала в магазинах. Мне пришлось разбираться с издательством. Обычно писатели просят увеличить тираж или объем книги – большие гонорар. Но бывали и другие случаи, как видишь.

У нас в Комитете по печати членом Коллегии был известный советский писатель Юрий Бондарев, фронтовик, прошедший всю войну. От него я впервые узнал страшную цифру: из фронтовиков 1921–1923 гг. рождения вернулся только один из 100. Наше поколение попросту было выбито. Война, как видите, не отпускает нас от себя.

Заканчивая наше письменное интервью, задала я Грише ещё вопросы: что тебе дал университет, твоё кредо, что дала работа журналиста. Он ответил коротко и ясно:

Я выпускник Пермского университета. Это он дал мне крылья для полёта, это он научил ценить и любить Россию:

Кажется, лишь вчера отгремела война.

Живы Букирев, Мерцлин, Обнорские.

Кителя, сапоги, ордена.

Жила скудно семья разноликая.

Нас Россия ждала, не родня.

Мы питомцы твои, Пермь Великая,

*До земного последнего дня.
Мое кредо:
Я – советский по духу и взглядам,
Я – советский до мозга костей.
И советским в земельку я лягу,
Не приняв двоедушных властей.*

Благодаря университету, Гриша стал специалистом-филологом. И, по сути, где бы он ни работал: в газете, журнале, в Союзе журналистов, в Комитете по печати, он оставался журналистом, который по любому вопросу мог собрать материал и выступить. Вот она – драгоценность.

Журналистика – это моя жизнь. Если коротко.

P.S. Из последнего письма: *Я тебе, Женя, честно признаюсь, если был рядом со мной не было маленькой, верной честной, душевно богатой и щедрой Риты, половина того, что я сделал по службе и в литературе, просто не появилось бы на божий свет. И ещё – переписку продолжим!* Жду. Женя, или Голдобина-Валдайских Е.Н., выпускница филфака 1951 года.

Г.В. Куличкина,
доцент кафедры социально-культурной деятельности
Пермской Академии искусств и культуры,
заслуженный работник культуры РФ

СЛАДКИЙ ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ (о Татьяне Петровне Черновой)

Я познакомилась с ней в газете «Вечерняя Пермь» в 1973 году. Кабинеты отдела культуры, где был мой стол, и отдела информации, где у нее был стол, находились рядом, на десятом этаже Дома печати. Когда она выходила из лифта, сразу было слышно, что в редакцию пришла Чернова. Она сходу начинала активно общаться с теми, кто встречался на ее пути. Сидишь, бывало, в своем кабинете и по тону ее голоса сразу определяешь, в каком она сегодня настроении. Если с кем-то здороваясь, она перекидывалась парой шуток, значит, материал хороший принесла, и дома все в порядке. А если находилась не в настроении, то и слово «Привет!» в ее устах звучало как «Отстаньте!»

Узнать ее настроение было очень важно для тех, кому надо было по работе с ней о чем-то поговорить. Дело в том, что ее эмоциональное напряжение все время держалось, условно говоря, не на 220, а на десяток-другой вольт – с минусом или с плюсом. Женская

природа в ней бурлила, как незатаивший вулкан. Такой вулкан, встревоженный своими внутренними толчками, мог вдруг извергнуть огнедышащую лаву.

Помню мужские крики, разносившиеся на два этажа после бесед с Татьяной Петровной. Это кричали коллеги, ответственные за редактуру полос. Когда им было что-то непонятно в текстах, или информация носила, по их мнению, какой-то идеологический «кавардак», они вызывали нас к себе в кабинет для выяснения возникших у них вопросов. Поскольку Татьяна Петровна всегда отстаивала свое право писать так, как она считает нужным, рождались истеричные мужские крики. На них она отвечала громким хлопаньем дверьми: терпеть не могла, когда кричат на женщину. Сегодня Татьяна Петровна с улыбкой вспоминает о давних словесных баталиях, а они происходили не только в «Вечёрке», но и на телевидении, где она до того работала. Кстати, там отношения с Черновой-сценаристом выясняла женщина-режиссер, тоже темпераментная и с чувством собственного достоинства. Та могла швырнуть сценарий на стол со словами: «Я ваши фолианты читать не буду! Это невозможно снимать!» Но снимали. По её сценариям создано пять документальных фильмов, в том числе о Пермском хореографическом училище: «Танцует Надя Павлова» (1974, режиссёр Владимир Баранов) и «В двух шагах от театра» (1989, режиссёр Константин Березовский).

– Конечно, в чем-то они были правы, – вспоминает Татьяна Петровна, – например, призывы заместителя редактора Евгения Григорьевича Шадрина к точности в краеведческих материалах, его придирки к запятым. Сценарии тоже переписывались. Кстати, на пермском телевидении я проработала с 1958 по 1968. Телевидение для всех тогда было новым видом журналистской деятельности. Там я начинала в редакции новостей, потом в художественной редакции, мы создали новый жанр – телегазету, за неё получили диплом на Всероссийском конкурсе телевизионных программ, организовали молодежную телестудию «Юность». Там я начала писать сценарии к фильмам. А в 1969 году меня пригласили в новую газету «Вечернюю Пермь».

Главный редактор «Вечёрки» знал, как утихомирить страсти в коллективе и пустить их на благо газеты. Его звали Сергей Григорьевич Мухин, бывший фронтовик, профессиональный журналист, умеющий так сочинять, чтобы текст не утомлял, смыслы в нём не назойливо были «расставлены» и фактологическая информация не выглядела бы сухой. Его авторитет никто в редакции не оспаривал.

Тем более, что говорил он с нами по обыкновению спокойно, с отеческим отношением к каждому литературному работнику.

Мне думается, что именно такое отеческое отношение к нам и обезоруживало Татьяну Петровну. Тогда я ещё не знала, что она рано лишилась отца.

Отец долго болел. В те годы миллиардный туберкулез практически не лечили. Как номенклатурному партийному работнику отцу выдавали паек, в котором была плитке шоколада. Каждое утро он появлялся в моей комнате и задавал один и тот же вопрос: «А сладкого черного хлеба не хотите ли?» Это такая у нас была игра (из книги Т.Черновой «Такая маленькая жизнь», Пермь, 2012, с. 15).

Детская игра в сладкий черный хлеб... Любовь родителей, которая дает нам силы для взрослой жизни. И определяет наш менталитет. Трудно сказать, когда именно отцовская самоотверженная любовь к дочери «перетекла» в ее душу, подсознание, определила как норму поведения ее постоянно заботливое отношение к тем, кому нужна помощь. Многие годы Татьяна Петровна работала в профкоме «Вечёрки», была и заведующей детским сектором, и председателем профкома, выслушала много просьб и жалоб, выбивала путевки в санаторий, консультацию врача-специалиста. Не раз она приходила к редактору с «просьбами трудящихся», и они вместе думали, как и чем помочь человеку. Под её руководством многие годы проходили в Пермском Доме журналистов незабываемые новогодние театрализованные праздники для детей всех пермских редакций, и она там вместе с «детсадовским и школьным возрастом» вдохновенно пела, танцевала, сопровождала своей ликующей импровизацией выдачу детям-победителям творческих конкурсов призов и памятных подарков. Она организовывала срочную медицинскую помощь серьезно заболевшим, гуманитарную помощь для ветеранов редакции газеты, которые в годы перестройки испытывали дефицит необходимых продуктов. Даже сегодня, когда «Вечёрки» как той, ее прошлой редакции давно нет, она по-прежнему сопереживает судьбам журналистов бывшего коллектива, хлопочет о том, чтобы кого-то одинокого устроить в Дом ветеранов, а потом за тридевять земель едет в этот ветеранский приют, чтобы лично убедиться, все ли там нормально для проживания, беседует с главврачом...

Сегодня она, как когда-то ее отец, до сих пор щедро раздает свой «сладкий черный хлеб». Я упомянула так называемую общественную ниву. Но Татьяна Петровна, в первую очередь, это делает в журналистике. Она – одна из первых начала в «Вечерней Перми» вести рубрику «Память». Так получилось, что эта рубрика,

выражаясь языком журналистов, стала ее постоянным тематическим заданием на протяжении более четверти века. Она одна из первых создала краеведческие тексты о матросе Хохрякове, о фронтовике-дирижере военного оркестра Пермского гарнизона Владимире Лицмане, о Герое Советского Союза Василии Астафьеве, о жертве сталинских репрессий балерине из Маринки Екатерине Гейденрейх, ставшей первым директором Пермского хореографического училища. Она первой среди журналистов «Вечёрки» написала Памятное слово о преждевременно ушедшем первом редакторе С.Г. Мухине, который собрал команду талантливых журналистов и вместе с ними сделал городскую вечернюю газету любимицей пермяков.

В годы перестройки она упорно приносила в редакцию к дню рождения С.П. Дягилева очередной материал о нём, и на стоны руководства о том, что «про Дягилева мы сто раз писали, и он всем надоел», она находила какие-то убедительные слова, и текст появлялся на страницах газеты. Когда же в Перми стали системно проводить Дягилевские чтения, а потом и Дягилевские сезоны, начали ими гордиться как брендом Пермского края, никто больше не говорил, что Чернова пишет об одном и том же, наоборот, сами подключались к «освещению» этого имени. И даже затерли его.

Прошлое, а значит, и рубрика «Память» всегда с ней. В 2000-е годы она вдруг возвращается к теме ветеранов Великой Отечественной войны. Казалось бы, что можно сказать нового по теме «петой и перепетой»? Но Татьяна Петровна верна себе: она считает, что выросли новые поколения, и об этом им надо знать. Она находит новый поворот в старой теме по принципу: «времена не выбирают, в них живут и умирают». Она сопрягает личную интонацию воспоминаний, писем с фронта героев ее материалов с датами исторических событий. Исподволь в ее материалах обнажается высокий внутренний мир героев фронта и тыла.

Вскоре мою маму как врача забрали в госпиталь. А комсомольцы нашей школы организовали агитбригаду для выступлений в госпиталях. Я выучила стихотворение Константина Симонова – его напечатали в «Правде» – и исполняла в концертах. Гостинцы воинам собирали со всего дома – конфеты, пряники. Шарфы, перчатки – все с любовью. <...> Мимо нашего дома по ночам со скрежетом везли из завода огромные пушки... Возле стадиона, рядом с нашим домом появился «дикий» рыночек, где можно было купить и хлеб, и конфетки. Было страшно смотреть на вчерашних фронтовиков без ног на деревянных каталках. Мы тайком носили им

из дома еду, впрочем, мама, как мне кажется, знала про это и молчала (из книги Т.Черновой, с. 20).

К переломным 1990-м годам Т.П. Чернова приходит сложившимся мастером тележурналистики и кино, опытным журналистом печатной прессы. В ее архиве Диплом лауреата за телевизионную газету Комитета по телевидению и радиовещанию СССР (1960 г.), она дважды лауреат областной премии Гайдара (1978 и 1990 гг.), ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» (1989 г.). Рубрика «Память» Т.П. Черновой – в копилке её самых добрых творческих дел.

Арт-кафе на 9-м этаже

Скептики могут сказать, что вести ту или иную рубрику ей помогали личный жизненный опыт, личные интересы (например, к балету), востребованность её информации временем. Но они будут правы лишь отчасти.

Что ей помогало оставаться верной историко-культурной тематике в постсоветское время, когда вся страна жила в ситуации «шоковой терапии» от политических и экономических реформ? Возьмем 1985–1995 годы... Период «разброда и шатаний» в журналистике, которая «одной ногой» запиналась за партийные образцы идей и поведения, другой устремлялась к свободе слова с желтизной, матом и стёбом, а рука тянулась к запрещенным ранее Библии, философии «Ян-Инь», теориям частной собственности...

Культурная тематика тогда свободно и почти ежедневно появлялась в «Вечерней Перми». Но не она была главной для руководства газеты. Реклама и заказные материалы – вот что позволяло редактору вовремя выплачивать зарплату сотрудникам. Соответственно, это и ставилось на полосу так, чтобы было заметно каждому читателю. За явную и скрытую рекламу (тогда еще не было менеджеров по рекламе и пиарщиков) журналистам доплачивали отдельно. И люди нормально зарабатывали. Но «заказуха» все больше и больше теснила со страниц газет некоммерческую информацию. Известный ученый С.Г. Корконосенко в своих научных исследованиях на материале ленинградской прессы констатировал, что в первой половине 1990-х годов «социальная журналистика умерла». Работать на ниве культуры в те годы было абсолютно невыгодно, даже в национальной газете «Культура» корреспондентам платили мизерные гонорары. Но мы всё равно туда писали.

В 1990-е годы Т.П. Чернова добровольно перешла из отдела информации в отдел культуры. Почему? Можно сослаться на ряд

конкретных обстоятельств. Но, в конечном счете, все очень просто: если миром правят Власть, Деньги и Любовь, то она всегда голосовала за Любовь. В данном случае, как это ни банально звучит, за любовь к культуре и к читателю.

Зимой 1995 года по итогам предыдущего года мы с ней получаем звание лауреатов Пермского областного журналистского конкурса «Золотой абзац» за наш совместный проект «Арт-кафе на 9-м этаже» в газете «Вечерняя Пермь».

Здесь стоит сказать пару слов, что это такое. «Девятый этаж» – место редактората, а точнее – редакторский кабинет, в котором мы с Т.П. Черновой устраивали встречи для журналистского коллектива с интересными деятелями культуры. Вот такое арт-кафе. Там у нас побывали как авторитетные, так и начинающие мастера, в том числе лауреат премии «Золотая маска» солист пермской оперы Анзор Шомахия, тогда еще молодые кинорежиссёр Павел Печёнкин, хореограф Евгений Панфилов, руководитель квартета «Каравай» Олег Згогурин, семья художника Николая Зарубина с женой-художницей Людмилой Зарубиной, с тещей-художницей Зинаидой Крыловой, сыном – начинающим художником – Дмитрием Земляниным. Потом мы с Татьяной Петровной по очереди «ваяли» по итогам встреч свои «полотна». «Полотнами» я называю интервью и зарисовки в триста и более строк, потому, что под «Арт-кафе» отводилась целая страница формата А2. Большая часть газетной страницы отдавалась «куску» про мастера, плюс небольшая корреспонденция по проблемам культуры (обсуждалась, например, практика аренды учреждений искусства для свадеб и прочих торжеств частных лиц), *событийная мелочёвка*.

Мы не случайно приводили деятелей искусства в редакцию на всеобщую «летучку». Историческое время все еще оставалось мутным. В обществе появились новые русские в красных пиджаках; «авторитетные бизнесмены», сумевшие легализовать свой криминальный капитал; банкиры из выпускников экономического факультета ПГУ; солидные владельцы бизнеса и недвижимости из бывших комсомольцев. На таком «инновационном» социальном фоне творческая интеллигенция с ее доходами для некоторых выглядела серой мышью из устаревшего прошлого. Мы однажды давали в «Вечёрке» заметку под заголовком «Заслуженная домработница России» об актрисе пермского театра, которая в свободное от основной работы время из-за мизерного оклада нанялась мыть полы в квартире новоявленных богачей. У Павла Печенкина в фильме «Картины из жизни провинциального комика» актёр «халтурит» маляром, сантехником и прочее.

Обсуждая, что будем ставить в своем «кафе», мы с Татьяной Петровной решили крупным планом показывать пермские таланты, чье творчество имеет не только местный, но и международный масштаб. Чтобы хоть как-то морально поддержать, приподнять, так сказать, социальную значимость их деятельности. Возможно, это трудно назвать «нашим черным сладким хлебом» для них, но что-то в этом роде, несомненно, присутствовало. Встречи с мастерами культуры в редакторском кабинете помогали нам заручиться поддержкой своего журналистского сообщества, заранее прощупать будущую читательскую аудиторию. В условиях гласности требовалось писать ясным, понятным языком и занимательно.

Татьяна Петровна на этих страницах, в числе других, опубликовала интервью с народной артисткой России Лидией Владимировной Мосоловой (это был последний в жизни актрисы крупный материал о ней в пермской печати); писательницей Ириной Христоробовой, чьи детские произведения были изданы в Японии (о ней редко писали), художницей Маргаритой Тарасовой, автором гербов Перми и Пермского края, замечательным пейзажистом и книжным графиком. Татьяна Петровна умела и подшутить над богатыми, депутатами и высшими чиновниками. Тогда все осваивали жанры светской хроники (какое кафе без сплетен?), и мы свою руку приложили. Эту «мелочёвку» мы иногда сочиняли вместе, у Черновой был острый язык, она с лёту придумывала образные фразы, Свобода самовыражения кружила голову, но мы старались, чтобы не было пошлостей.

Творческая работа «Арт-кафе на девятом» не пропала даром. Вскоре нашлись единомышленники в комитете по культуре администрации Перми, а потом и в администрации Пермского края, и на основе социального заказа и специальных конкурсов чиновники стали поддерживать пермские таланты. Те, в свою очередь, подавая заявки на гранты и премии, прилагали к ним публикации из «Вечёрки». Так родилась традиция присуждения премий за достижения в сфере культуры и искусства Перми, Пермского края.

После победы на «Золотом абзаце», в 1996 году Татьяна Петровна становится лауреатом Всероссийского конкурса региональных журналистов в газете «Культура» – за серию очерков о пермских деятелях культуры и искусства. В папку для московского конкурса частично вошли её публикации из «Арт-кафе...». Ее победа в Москве означала, что пермская журналистика двигалась в одном направлении со всеми «культурными» журналистами страны, у всех нас были одни и те же приоритеты, одни ценности.

– Думаю, что моя золотая пора была все-таки в «Вечёрке», – говорит сегодня Татьяна Петровна. – В советское время отдел культуры был заштатным, а в годы гласности стал основным. Культуру сделали достоянием газеты и города, многое из жизни культуры выносилось на первую полосу, она всегда была организована и «вкусно» подана, и в гостях у нас были замечательные люди...

В 2005 году газета «Вечерняя Пермь» доживает последние дни как периодическое массовое общественно-политическое издание (почему – это тема для отдельного разговора). Т.П. Чернова в этом году, как она пишет в биографической справке, «уходит на заслуженный отдых» и... становится лауреатом национального журнала «Балет» в номинации «Душа танца»! К тому времени из репортера, который знакомил читателей с яркими звездами, выпускниками хореографического училища, премьерными спектаклями, она выросла в настоящего знатока балета, тонкого ценителя этого сложного вида искусства. В 2006 году Татьяна Чернова получает престижную премию Пермского края в сфере культуры и искусства за книгу «Рождение лебедя». По-своему уникальное произведение про пермский балет, созданное благодаря накопленным впечатлениям, знаниям и личному журналистскому архиву, возникшему на основе публикаций в «Вечерней Перми».

Её творчество до сих пор (в 2013 году) не знает «заслуженного отдыха», она по-прежнему словно живет в журналистском арт-кафе. Только сменились названия печатных органов: теперь это газеты «Звезда», «Российская газета», журналы «Мы – земляки», «Федеральный вестник», «Компаньон». В журнале «Досуг» она ведет постоянную рубрику «Культурная панорама».

Напомню читателям XXI века: газета «Вечерняя Пермь» выпускалась пять раз в неделю форматом А2 (сегодня нет ни одной такой большой по объему информации ежедневной газеты). Татьяна Петровна сдавала тексты в номер ЕЖЕДНЕВНО на первую и четвертую полосы. Причем, надо знать, что попасть на полосу было не просто. На утренней планерке у редактора заведующие отделами сражались за место на полосе для своих журналистов. В конечном счёте, выигрывали те, кто подготовил актуальные и значимые для широкого читателя материалы. Литературное мастерство публикаций обсуждалось на еженедельных редакционных «летучках». Лучшие материалы вывешивались в коридоре на всеобщее обозрение. Были там и её материалы. В её текстах за более чем полувековую профессиональную деятельность запечатлены сотни и сотни пермяков, сотни событий из разных сфер городской жизни.

Она в журналистике оказалась и спринтером, и стайером. Таких в пермских газетах немного. Но что важнее этой способности вечного неустанного бега за новостями? Многие журналисты, пока бегают за новостями, а сегодня и за деньгами, исписываются, теряют лицо, авторитет. Суэта съедает личность. Она сумела себя сохранить.

Ларина, Чивилева, ТПЧ и другие

Когда «вулкан засыпал», Татьяна Петровна оказывалась очаровательной интеллигентной дамой. Она прекрасно одевалась, следила за модой, регулярно меняла наряды. Это был отдельный театр – линия кроя, броши, рюши, вставки, аппликации в её нарядах... По редакции в её лице шла сама Женственность. В такие минуты мне, недавно пришедшей в редакцию школьной учительнице, очень хотелось быть похожей на неё.

Но в партийной газете была и другая реакция на её наряды. «Как это журналист ходит в платье из кусочков?!» – говорили сторонники унифицированного стиля. Да, у представителей официального взгляда было своё мнение о том, как журналисткам надо одеваться. Меня, например, при приеме в редакцию сразу предупредили, что в горком КПСС в брюках не ходят. А Татьяну Петровну спас от критики «платья в кусочках» Савватий Гинц, патриарх пермской советской журналистики, который ещё с Гайдаром в «Звезде» работал. Он сказал, как вспоминает Татьяна Петровна, примерно следующее: «Мы мало пишем о моде, мало понимаем в ней, поэтому и спорим. Давайте откроем рубрику, будем просвещать людей и поручим Татьяне Петровне это дело». С легкой руки Гинца она начала осваивать модную тематику в газете. Освоила. До сих пор её приглашают пермские модельеры на свои показы и ценят её мнение об увиденном.

В отделе информации все курили. Во второй половине дня мужчины, сдав материалы в номер, позволяли себе «принять немного на грудь». Потом обязательно обсуждался номер на завтра. Как сейчас, вижу групповой портрет отдела информации после обеда. Дверь у них была нараспашку. А мы из отдела культуры проходили мимо них в машинописное бюро, сдавали туда рукописи. Вот Татьяна Петровна сидит за рабочим столом, откинувшись на спинку кресла, она никуда не торопится, перемежает свою речь ярким словом или сыплет стихами. Очень выразительно смотрится в ее руках длинная тонкая белая сигарета. Чуть поодаль за столом – Валентина Ивановна Бреусенко, и тоже в клубах дыма. Позже я с удивлением узнала, что у нее слабые легкие. Обозреватель по спорту Артур Ильич Ахлюстин жует темно-желтую сигару отечественного производства, дым от нее

ужасно воняет, да и сама она по-русски крепка, поэтому Артур Ильич делает иногда перерывы, во время которых откладывает недокуренную сигару и прикуривает сигарету «Прима». Заведующий отделом Борис Матвеевич Львов, автор и организатор еженедельных полос «НИИ юмора и сатиры», полулежа в кресле, наслаждается послеобеденным покоем. Если приходит поэт Владимир Радкевич (тоже выпускник филфака) со своими сатирами на партийные «верхи» и собратьев-творцов, наступает праздник.

*Без Рифката Багаутдинова
Нет монумента ни единого,
Но вот на Родину, на мать
Заказ он не сумел поймать.
Теперь с него снимает пенки
Резец разбойный Якубенки.*

Читает текст хрипловатым голосом и смотрит одним глазом в рукопись, а другим куда-то в сторону этот обыкновенного вида, но с необыкновенными стихами поэт. Все хохочут, а он предлагает послушать следующий шедевр про самых грозных для края фигур – секретаря обкома КПСС Бориса Всеволодовича Коноплева и его секретарей-заместителей. Не помню все стихотворение, только концовку:

*...Но Пермь из состоянья дикого
Не выведет ни он, ни Быкова.*

Однажды два весельчака и курильщика – Радкевич и Ахлюстин – засидевшись допоздна за шахматами, чуть не спалили всю «Вечёрку»: окурок в корзину для бумаг, говорят, бросил Радкевич, но попало Ахлюстину.

В клубах дыма, вольных разговоров и вольного поведения отдельных лиц мне, новичку редакции, виделся сплошной декаданс. Я не понимала, как Женщина может тут находиться. Может, это привычки профессиональной среды? Может, этакая бравада, вызов советско-партийным установкам на приличное поведение? А может, просто внутренняя свобода и «самостояние», которые мы получаем из университетской юности? Спустя годы я узнала, что именно в университете Т.П. Чернова впервые услышала и полюбила стихи *серебряного века*, которые лектор А.Н. Руденко читала сверх программы. Там же Татьяна Петровна занималась баскетболом и ходила в драматический кружок. Училась она на одном курсе с такими своевольными студентами, как Лев Давыдычев, Алексей Домнин, Владимир Радкевич, их имена вошли в историю Прикамья.

В конце 1990-х наш общий хороший приятель Саша Володеев, актер и поэт (ныне покойный, мир праху его), с простодушным удивлением говорил мне о том, что Татьяна Петровна вызывает в нем одновременно взаимоисключающие чувства – рыцарского преклонения и греховной страсти. Я, к тому времени журналист со стажем, ответила, что это очень хорошо для профессии: она ещё не сказала ни одного слова, а у Вас уже есть потребность в коммуникации с ней. Такой журналист быстрее и легче добывает нужную информацию из разных источников.

Действительно, Татьяна Петровна как журналист многолика. Не случайно у нее было много литературных псевдонимов. Например, Татьяна Ларина – для романтической информации и для новостей из общепита. Был в этом особый юмор, который отмечал наш кино- и театральный обозреватель Владимир Воловинский. Он говорил: «При Брежневском застое романтика на страницах городской газеты естественно присутствует в новостях о кафе и ресторанах». Была Татьяна Чивилева (фамилия материнская) – для «информашек» на медицинскую тематику. Подпись «Т.П.Ч.» стояла под «заметульками». Иногда четвертая полоса была представлена сразу всеми этими псевдонимами. Подпись «Чернова» ставилась под близкими ее сердцу материалами.

Её Па-де-де

Её самый любимый спектакль – «Жизель». Безумная самоотверженная любовь Жизели. Чувство, которое сильнее смерти. Иногда мне кажется, что Жизель – это потайное пространство души самой Татьяны Петровны, незаметное в будни, но отчетливо ощущаемое в ее публикациях. Она, как Жизель, вела Чувством, Сильным и Всепоглощающим.

Помню, она была спецкором «Вечёрки» в Москве на одном из всесоюзных конкурсов артистов балета, когда Людмила Павловна Сахарова со своими ученицами там выступала. Никто в редакции о балете не знал столько, сколько Чернова, поэтому в её материалы не вмешивались. Но претензии высказывались. Мужчинам-журналистам хотелось получить какую-то логику. Как так? Наши балерины оказались «впереди планеты всей»? А в текстах сквозила эйфория конкурсной борьбы, восторг победы. На «летучке» её за балетные репортажи похвалили, однако пожелали на будущее больше внимания уделять аналитике.

Это сейчас, задним умом можно понять, что высказывались претензии абсолютно бесполезные. У Татьяны Петровны логика всегда присутствовала. Это была логика незаурядных чувств.

Особо характерны для логики чувств были её эссе в «Вечёрке», посвященные разным месяцам года. Она, можно сказать, изобрела новый жанр, сообщая читателям о том, какая их ждет в ближайшем месяце погода. Сухие фразы метеорологов о похолодании или потеплении, приближении антициклонов или, наоборот, об их уходе с территории Прикамья, были одушевлены. Каждый месяц года приобрел под её рукой характер, историю жизни, которая переключается с поэтическими строками и жизнью человека. Там летом *«солнце падало в ладони»*, в августе, *«на излете лета зреют яблоки и взростают дети»*, в октябре главная героиня – рябина, и *«пожар ее алых гроздьев – напоминание о том, что может случиться с каждой из нас в позднюю пору жизни»* и т.д. Календарь природы соотносился с календарем жизни человека, использовалась народнопоэтическая лексика, фразы содержали восклицания и вопросы – все это, что называется, читателей «брало за душу».

А теперь представьте, как могли воспринимать такую концентрированную женскую лирику мужское большинство литературных сотрудников редакции, представители которого пишут корреспонденции о протекающих трубах, небурных дорогах, важной стройке очередного промышленного гиганта, об агрокомплексе в Кондратово или партийную публицистику с очередного пленума. У наших мужиков сводило скулы от возмущения. Разве это журналистика?! Критиковали на «летучках» Татьяну Петровну: зачем так пишет? Её заведующего: зачем пропускает такое в номер? Главного редактора: зачем эту «муру» разрешает ставить? Короче, однажды большинством голосов решили больше не ставить на полосе эти «эмоции».

Тогда никто из нас не имел понятия о гендерной журналистике, да и самого слова *гендер* не знали. И не представляли, что имеет право на жизнь женская проза и женская журналистика. Что можно публиковать просто тексты, в которых логика чувств преобладает над рациональной логикой, где отсутствует социально-идеологический смысл, но есть созерцательный посыл к аудитории. Так бы и канула тогда в Лету инициатива Черновой с временами года, но тут вмешались читатели. Они завалили редакцию письмами: почему нет заметок Татьяны Черновой о погоде? Когда выйдут?

А Читателя у нас уважали. Через неделю лирика Черновой о погоде вновь появилась в газете. Жизель победила. Мужчины качали головами и говорили, что «народ – дурак».

Кто *дурак* на самом деле, показало время. Сегодня только ленивый не говорит о коммуникативной функции СМИ и

необходимости для журналиста обладать талантом общения. Чернова до всех этих современных «открытий» ещё в пору советской журналистики интуитивно стремилась к тому и другому. И достигала цели. Как-то проводили среди читателей «Вечёрки» опрос на тему: чью фамилию они ищут на полосе. На первом месте по количеству набранных голосов оказалась Чернова. Я думаю, люди голосовали за то, чего не хватало в партийных газетах – за живые чувства и человеческую интонацию, в конечном счете, за «оттепель» 1960-х.

Интересно, что Татьяна Петровна одно время хотела вступить в партию. Такое желание корреспондентов всегда приветствовалось коммунистами первичной редакционной организации. Но Татьяне Петровне они же и посоветовали: заявление не пиши, тебя все равно не примут. Почему?! Потому, что не подходила она под стандарты и стереотипы советского партийного журналиста. Так и осталась Женщиной, из ряда вон выходящей.

Безусловно, женское начало помогало ей в таком важном для профессии умении, как выстраивание длительных доверительных отношений с источниками информации, порой важными персонами Перми, героями публикаций. Она редко критикует, но если такое случается, то умные на неё не обижаются. Более того, проходит время, и они совершают даже маленькие чудеса. Об одном подобном случае Татьяна Петровна рассказала на презентации своей книги «Такая маленькая жизнь» в пермской филармонии. *«Однажды иду-ковыляю по улице Ленина домой, и вдруг подкатывается ко мне шикарная машина, останавливается, открывается дверь, и показывается... Александр Рудольфович Протасевич, наш и.о. министра культуры!»* – *«Вам куда, Татьяна Петровна? Могу подвезти...»* – *«Я была удивлена, обрадована, – вспоминает Татьяна Петровна, – но почему-то отказалась»*. Следует добавить для тех, кто не знает: Т.П.Ч. очень отрицательно относилась к пермской «культурной революции», которая осуществлялась в Прикамье в 2008–2012 годах. Александр Рудольфович был в «одной упряжке» с «революционерами». Но Татьяну Петровну уважал и на презентацию её книги в филармонию пришёл.

История её многолетних дружеских взаимоотношений с Людмилой Павловной Сахаровой, которая являлась художественным руководителем Пермского хореографического, знала тайны воспитания балетных звезд и имела далеко не легкий характер, может послужить темой для отдельного рассказа. Татьяна Петровна быстро нашла общий язык с молодым талантливым режиссером пермского оперного Георгием Исаакином, когда он только появился у нас в

Перми, и они потом тоже подружились. У нее были и есть друзья среди артистов, писателей, художников, врачей кулинаров... Всех не перечислить. Зато отметим, что благодаря такому таланту общения она и приносила в газету эксклюзивные материалы.

«Мы с тобой одной крови – ты и Я», – так обращался к жителям джунглей Маугли, герой книги Р.Киплинга. Это – пароль. Те, кто слышат его, знают: перед ними свой. «Мы – одной крови», – так и я могу сказать о некоторых людях, с которыми меня сводила жизнь и журналистская работа. Я написала лишь о некоторых. Это мой выбор. Когда-то Марина Цветаева любила «присваивать» людей и объясняла: «Чтоб МОЕ было!» В жизни происходит множество встреч, я знала и знаю сейчас много людей, а написала лишь о тех, о ком написало» (из книги Т.Черновой, с. 37).

Чернова умеет делать информацию из всего, что ее окружает. Это высший пилотаж для журналиста. У нее всегда есть ЧТО сказать людям. Помню, позвонили из драмтеатра и сказали, что спектакль «Постоянная жена» на следующей неделе пройдет в сотый раз. Понятно, что это может стать событием, что постановку любит зритель, там заняты замечательные актеры Лидия Анискина, Виктор Сайтов, Олег Выходов... А как написать, чтобы было интересно даже тем, кто в театр не ходит? Татьяна Петровна с лету выдает: «Народ думает, что театр – это богема. Давай сделаем так: у каждого актера есть в жизни своя постоянная жена. Расскажем об их женах и спросим, что думают мужья о них, а заодно и про спектакль напишем».

Она свободно «плавает» по любым темам социально-культурной сферы: образование, здравоохранение, культура и искусство, мода, жизнь общественного транспорта, организация социальной помощи. Сегодня она пишет про международную благотворительную организацию «Красный крест», завтра – про расписание железной дороги в новом сезоне, послезавтра – репортаж из роддома, послепослезавтра – о выпускном спектакле в Пермском хореографическом... И подано всё ясным, внятным, с обязательной долей экспрессии языком.

На седьмом десятке лет Татьяна Петровна освоила компьютер, посылает свои журналистские корреспонденции по электронке. И что меня поразило особенно, она перешла на чисто художественный жанр – жанр басни. Басни присутствуют в её книге «Такая маленькая жизнь» (Куличкина Г.В. «В Пермской филармонии приветствовали «Такою маленькую жизнь большого человека», см.: http://permnew.ru/news?post_id=11387), изданной в 2012 году. Стоит ли говорить, что басня – самый сложный жанр. Он требует от автора четкой

нравственной опоры, мудрости, а главное – умения мыслить образами. Журналисту, привыкшему к публицистике, бывает трудно перестроить мозги. Ей удалось первое, второе и третье.

А теперь ещё раз вернёмся к подзаголовку «Её Па-де-де». Это один из самых значимых для неё эпизодов в балете.

Танец для двоих. В нем квинтэссенция любви. Знакомство. Первая женская вариация, нечто вроде демонстрации своих возможностей. Стремительный выход партнера, с полетами и вращениями – вот я какой молодец-удалец. Потом снова явление ее, его, и в конце – кода. Соединение влюбленных сердец. <...> И пусть трудны фигуры па-де-де, и устаешь от сложных вариаций, но у балета свой секрет – любовь всегда танцуют двое. И в этом красота дуэта (из книги Т.Черновой, с. 107-108).

Шестьдесят лет длится балет журналистской жизни Татьяны Черновой. Верится с трудом, но это так. И у неё в этом балете есть своё Па-де-де. Естественно, что у неё Женская партия, которую она ведёт с завидным упорством и мастерством. А кто её партнер? О-о-о, очень надежный «удалец-молодец», который во всех журналистских пируэтах её поддерживает. Вы, конечно, догадались, о ком речь, дорогие друзья! Да, её партнер, её поклонник – пермский Читатель, многоликий, разнообразный, но верный друг.

И в этом красота её журналистской биографии.

А.Г. Зибзеева,

член Союза журналистов России,
заслуженный работник культуры РСФСР

«...НА ЖИЗНЬ ЧЕРЕЗ СВЕТЛЫЕ СМОТРИМ ОЧКИ»

Мне хочется рассказать не столько о том, каким журналистом был **Борис Брюшинин**, сколько о том, какой он был светлой, талантливой и цельной Личностью. Наконец, давно настало время платить и по личным счетам: всю прожитую и оставшуюся жизнь я думаю и буду думать о нем как о человеке, который привел меня в профессию, как о друге, определившем мое будущее, которое теперь уже видится «несколько прошлым».

Я пришла в университет восторженной шестнадцатилетней «пионеркой» и была эдакая девочка-концерт: драматический кружок, волейбол, шефские поездки, комсомольская суета (вот уж и впрямь «...А еще мне неть охота!») – в какую только дырку меня не совало и

не заносило в первый год учёбы. Да, кстати! Ещё ведь и учёба! Первый курс с его латинским, старославянским, английским и прочими далеко не был простеньким. И вот посреди этой не то чтобы ярмарки тщеславия, но очень даже увлекательной и вполне небезуспешной кутерьмы все чаще и настойчивей притягивает тебя узенькая дверь в вестибюле – дверь университетской многотиражки. Эту узкую дверь в комнату-пенал отворил для меня – и еще многих иных! – Борис Брюшинин. (Библейское «*Входите узкими вратами*» стало нам знакомо много-много позже.) И началось то самое, что очень точно описал недавно Дмитрий Быков в одном из своих интервью: «Жить в редакции, выполнять мелкие поручения, печататься, ходить в магазин, участвовать в спонтанных застольях, прислушиваться к спорам и вставлять свои пять копеек – словом, посылно вариться в этом ежедневном безумии...» Именно так и у самого Бориса Брюшинина проходило приобщение к газетному ремеслу и журналистскому братству – сначала в университетской многотиражке, а потом в областной «Молодушке».

Мы подружился в моей первой и последней диалектологической экспедиции, когда в заснеженной краснокамской деревеньке жили у доброй и, на наше несчастье, не слишком словоохотливой старушки – третьекурсника Борис, второкурсница Лиля Павлова (потом Шумова) и я. Днем мы истязали хитроумными расспросами нашу хозяйку, а вечерами выходили в снега, на какой-то хилый мостик, глядели на луну в черном небе, Боря курил и читал стихи. И говорил о том, что филология – это хорошо, и в школу, если надо, он пойдет, но работать нужно только в журналистике. Газета – вот сплав романтики и реальной пользы.

Ах, какой он был замечательный агитатор! От латинского *agitatio* в значении ‘приведение в движение’ происходит итальянское *agitato* – ‘возбужденно’, ‘взволнованно’. Только так, в высшей степени возбужденно и взволнованно (*agitato!*), он мог говорить о журналистике вообще и о газете в частности.

У него, вчерашнего кунгурского мальчика, выросшего с неласковой мачехой, отчаянного книжника и круглого отличника, было в душе столько искренней веры в добро, которое возможно принести в мир печатным словом, что он стремился веру эту вселить в любого, в ком различал хоть искорку интереса и подозревал хоть гран способностей. И как же при этом был он щедр! С каким аппетитом и вкусом отделявал крохотную авторскую информашечку! И ты был ничуть не обижен его вмешательством в твоё «творчество», наоборот, почему-то уверялся, что ты сам всё это так восхитительно изложил.

Он был ещё студентом, когда его взяли в штат областной комсомольской газеты. В «Молодой гвардии» сначала он заведует отделом учащейся молодежи. Весь отдел – это он и есть, в единственном числе. В нижнем ящике стола – листы с черновиком дипломной работы о «Русском лесе» Леонида Леонова, которую он пишет вечерами здесь же, в редакции.

Вот уж нет, назвать черновиками его листы, будь это материал в газету или наброски диплома, не повернется язык: все сформулировано законченно и логично, написано без единой помарки, трогательно круглым аккуратным почерком. Красиво.

Ни тогда, ни после мне не приходилось наблюдать процесс непосредственного создания материала, подобный тому, какой демонстрировал Брюшинин. То есть он это ни в коем случае не демонстрировал – он так работал. Свидетели – все, кому доводилось это видеть. В зубах «беломорина». Одна рука в кармане пиджака. Борис ходит. Докуренная «беломорина» сменяется новой. Борис ходит. Пиджак топорщится на вздернутых лопатках: типичная сутуловатость человека, подолгу сидящего за столом. Но сейчас человек ходит и ходит. Потом садится и пишет – размеренно, красиво, аккуратно. Все мысли, слова, точки и запятые – строго на единственно определенных для них местах.

Материал формировался в его голове готовеньким, отделанным построчно, «поабзацно». Такая организованность мышления заставляла просто-таки завидовать и обреченно сознавать, что ты на подобное не будешь способен, увы, никогда. Этому нельзя научиться.

А он пытался этому учить – естественно, не манере «выхаживать» законченный материал, а писать убедительно и просто. Он был рыцарем Четкости Мысли и Ясности Слова как признаков и условий журналистской профессии. Именно тогда, в первый год своей штатной работы, сам ещё студент, он публикует в серии статей, адресованных юнкорам – существовала в «молодежке» такая категория начинающих газетчиков из народа, – статью о литературной правке. Объясняет необходимость работы со своим и чужим текстом, показывает технику, подсказывает приемы правки («Зачем, например, говорить *Не обеспечили своевременное выполнение*, когда можно сказать *Не сделали в срок?*...»).

Журналист Лидия Витальевна Мишланова, смеясь, вспоминает один из его советов по литературной правке: «Говорил: чего сама не понимаешь – вычеркивай, другие совсем не поймут!»

Он безмерно радуется удачам своих журналистских крестников. В военные лагеря, где наши старшекурсники проходили лейтенантские

сборы, я прислала ему «Молодую гвардию» со своими первыми опытами. В ответ получила (Господи, какая удача и какая дорогая неожиданность, что эти письма сохранились!):

...Очень рад за тебя. За то, что съела кусочек (хороший!). Но... будет еще много и нелакомых кусочков. Будут и терзания, и сомнения. Газета – ничего не поделаешь. День ходишь в Наполеонах, с приподнятым настроением, а месяц – хандрить, что ничего не получается. Но главное уже есть... Обведи, пожалуйста, сегодняшний день в настольном календаре красным карандашом. Сегодня праздник. Я верил, что так оно и будет, что хлопоты газетные тебя втянут окончательно, и ты на собственной шкуре испытаешь радости и горести газеты... Какой-то я сегодня по-хорошему счастливый... Тысячу раз хорошо!

Сегодня подзабыта, вернее, исключена за ненадобностью такая сторона работы прессы, как уважение к читательскому письму: «Редакция рукописи не рецензирует, не возвращает...» Так и хочется ворчливо дополнить: «...и не читает, на фиг ей это сдалось». Правила журналистской этики и порядок, существующий в редакциях той поры, диктовали иное: ни одно, самое «никакое» письмо не остается без ответа. Первокурсница университета впервые обратилась в газету, прислала не острый сигнал, не статью, не заметку о комсомольской жизни – кроссворд она придумала. Спустя какое-то время пришел на бланке редакции ответ: «Дорогая Нина!..» – а дальше подробный разбор, конкретные советы и добрые пожелания. Обстоятельное такое, не дежурное, не штампованное письмо. По поводу «самотечного» материала для самого незначительного раздела газеты! Для Нины Евгеньевны Васильевой, доцента Пермского университета, до сих пор этот давний факт – образец журналистской этики. Подпись под письмом была *Б. Брюшинин*.

Но самыми убедительными журналистскими уроками Бориса были его собственные материалы, потому что он неукоснительно следовал принципам, которые внушал другим. Из-под его пера выходили крепкие профессиональные образцы.

Листаю подшивку пермской – тогда еще молотовской – «молодежки» конца 50-х – начала 60-х годов прошлого века. Ищу материалы Бориса Брюшинина. И невольно отмечаю, как широк круг его журналистских интересов и как богат жанровый спектр.

Он пишет острые критические статьи – о состоянии кизеловской коммуналки («Водопровод и романтика»), о бездомности театра кукол («Кукольные проблемы»). Он публикует очерки о молодых колхозниках и участвует в рейдах по животноводческим фермам и

рабочим общежитиям («Так погибло соревнование», «ПроВИНИвшееся общежитие»). Из командировки в Чердынь, Нырб, Красновишерск привозит обширные – на шесть номеров – «Северные зарисовки», пространные и доказательные корреспонденции о делах и людях этих отдаленных краев. Пишет статьи на темы морали: про педагогическое ханжество в школе («О предмете, которого нет в программе» – с выводом: «Любви и дружбе тоже надо учить»), про комсомольские свадьбы и про то, какими они должны быть («Не просто свадьба, а праздник молодой семьи» – с прелестно наивным предложением жениху и невесте вставить «в честь своего будущего праздника на трудовую вахту»). Рассказывает о жизни кудымкарских техникумов. Печатает репортажи с пионерских слетов и комсомольских конференций. Разражается едкой рецензией на «сценическое воплощение дурной комедии» («Карикатура на студенчество»)..

Потом начинаются поездки на ударные стройки семилетки – на строительство химических комбинатов в Березниках, в Губахе. Он организует оттуда авторские материалы, сообщает о состоянии дел («Письма с ударной комсомольской», «Мимо главного»), а сам буквально влюбляется в ребят-добровольцев, о которых пишет. И в девушек, кстати, непременно. Как и они в него. По-моему, не одну «комсомольскую богиню» увлекали Борькино заразительное обаяние, его деловая сметка и поэтическая болтовня, его непроизносимое «Р» – раскатистым камушком на языке. (Кстати, о своей картавости в одном из писем с военных сборов: «...Хочется завалиться к вам в редакцию в сапожищах, зеленым, суровым, и крикнуть что-нибудь, вроде: «Смир-р-рно!» Оказывается, когда командуешь, даже картавость пропадает».)

Отдельная песня – фельетоны Б. Брюшнина. Чувство юмора у него было абсолютным, он любил розыгрыши, очень характерным, потешным кудахтающим смехом откликался на удачные шутки друзей или перлы «самотечных» авторов.

Вот только некоторые из его фельетонов той поры: «*В сторожа готовы сесть, лишь бы в городе осесть*» – это, конечно, о вузовских выпускниках, не желающих ехать по распределению; «*О невестах, свекровях и мужском достоинстве*» – о феодальных традициях в национальных поселениях; «*Как мы задавали тон*» – очень смешной «отчет» о том, как в университете проводили «День хорошего тона»! А то вот ещё – «О Бурёнке, милиционере и комсомольских толкачах». Не поленись перепечатать начало:

Жила в колхозе имени Ленина Бурёнка. Самая обыкновенная корова. Особыми удоями не славилась, любила сочную подкормку,

знала свой уголок на ферме и свою доярку. Жизнь коровы текла мирно и спокойно.

И вдруг... приставили к ней милиционера. Стоит Буренке забраться на некошенный луг – уже свисток:

– Гражданка, вы нарушили правила пастбищного движения.

По вечерам, когда доярка с ведром подсаживается к Буренке, милиционер тут как тут, на своем посту. Кончится дойка – подойдет он к корове, подергает за вымя и – опять свисток:

– Гражданка, вы уличаетесь в обмане и укрывательстве. Скрыли от государства полстакана общественного молока.

Долго думала Бурёнка, в чем она провинилась. Никого не боднула, нецензурными словами не мычала, а вот дали же ей 30 суток, взяли под стражу. И неведомо было ее коровьим мозгам, что все это произошло по указанию райкома комсомола.

Там тоже долго думали: каким образом надои поднимать? И вынесли решение – провести очередную кампанию, послать в месячную командировку 35 городских комсомольцев.

Зазвонили телефоны, зашевелили учетные карточки в секторе учета, забегали недовольные руководители учреждений, у которых на целый месяц отнимали нужных работников. С грехом пополам собрали 25 человек. Поехали милиционеры, бухгалтеры, токари контролировать доярок, за пастухами следить, надои поднимать...

Иногда вовсе не автор фельетона доводил ситуацию до полного идиотизма, достаточно было этот реальный идиотизм вот так, будто бы простодушно, изобразить.

И все-таки чаще в его материалах – искреннее восхищение встречаемыми и окружающими, неподдельная любовь к жизни во всех её проявлениях, откровенное романтическое начало. В тех же письмах с лагерных сборов он не стесняется этих чувств:

После присяги мы с Вовкой Савиновым пошли в лес и вдоволь потешились земляникой и клубникой. Вовка отыскал где-то сирени и принес ее (женственная и нежная душа!) в палатку (я так не смог бы, слишком груб). Получилось прекрасно. Представь себе свежий цветущий ароматный букет сирени в солдатской палатке с пыльными сапогами и тяжелым смачным разговором. Я люблю запах сирени, но здесь он показался мне особенным: так пахнет вечером возле Ботанического сада, когда высовываешь голову из окна прокуренной редакции и жадно хватаешь весенний воздух.

<...> Со мной иногда творится странное: чем больше я сталкиваюсь в жизни с пошлостью и невежеством, тем большим

идеалистом становлюсь... Какой-то карась-идеалист. Мне хочется вытянуть из людей все, что в них есть хорошего.

<...> Мне здесь просто хорошо. А почему хорошо, даже трудно и сказать. Так же, как и везде. Потому что вокруг тебя жизнь, люди, потому что под многими солдатскими шинелями бьются хорошие сердца. Потому что мой новый приятель, ефрейтор Бокун, обстоятельный, рассудительный сибиряк, сегодня целый день с упоением читал Симонова, а потом пришел ко мне на пост и давай его цитировать...

После очень подробного рассказа о сержанте-украинце: «Видимо, я встретил еще одного чудесного человека».

Такой романтик, студент филологического факультета – и чтобы без стихов? Нонсенс! Естественно, что стихи он писал всегда. Совершенно уверена, что многие бывшие его сердечные подруги – одна Лариса Бабич, гордая, с чуть ленивой, плавной походкой красавица, с которой он был неразлучен несколько лет, чего стоит! – хранят, хранят рифмованные посвящения, написанные его неповторимым почерком, полные восхищения или грусти, юношески трагические или шуточные, пародийные. Сама, кстати, как раз в той первой экспедиции за свой портновский подвиг была удостоена его поэтического признания – парафраза сурковской «Землянки»:

*И пускай все кругом замело,
И пускай будут ветры люты –
Мне в холодных перчатках тепло
Оттого, что зашила их ты.*

И на страницах университетской многотиражки его стихи появлялись, не говоря уже про подписи к карикатурам сатирической газеты «Перец».

Но в «Молодой гвардии» ни лирики, ни поэтической сатиры Б. Брюшинина нет. Однако время от времени встречаешь его пафосные стихи в праздничных номерах:

*...Мы смело смотрим с нашего берега
За океан, на буржуев растерянных.
А ну, держись, госпожа Америка!
Догоним. Обгоним. Будьте уверены.*

Или так:

*...Мы – романтики. Наша революция свята.
Не в суровых походах, не в трудной войне,
Нынче наша революция – в тех же телятах,
В новостройках, вздымающихся в целине...*

На таких празднично-юбилейных страницах публикуются «восторженно-воспевательные» стихи многих местных поэтов – и мэтров, и начинающих. Не буду говорить «за всю Одессу», но то, что Борис в своих романтических одах был искренен, – факт «бесспорный». Он так думал, он был честен и страстен в своей работе и своих словах.

Этот романтик-трудоголик пишет в личных письмах:

*Надо ловить жизнь, уметь использовать каждый день.
Природой нам отведен маленький срок для жизни, и расходовать его
понапрасну – преступление; ...Мы не аристократы, и нам все время
придется засучивать рукава в жизни. И это хорошо; Трудно, но тем
интересней...; <...>Мне сегодня грустно... Я в жизни привык быть
человеком ответственным. А здесь я – просто так. А когда на плечах
нет никакой тяжести, начинаешь хандрить; Видимо, я на всю жизнь
останусь наивным мечтательным ребенком; Вот так и живем!
Курум махорку, на жизнь через светлые смотрим очки.*

*...Я от жизни требую немного:
Пусть она летит под стук колес.
Мне бы в жизни песню да дорогу,
Да затыжку крепких папирос.*

Он был честен и потому уверен в тех рекомендациях, которые давал своим читателям и героям своих материалов.

И тут мне хочется сделать небольшое отступление об особенностях молодежной газеты и по-своему сложной роли сотрудника молодежной прессы вообще. (Боюсь, в какой-то степени именно эта сложность заставила меня вскоре изменить газете с книжным издательством.) Тыходишь в совершенно незнакомую тебе среду – хорошо, если это хотя бы понятная тебе школьная среда, а если производственная? Ты знакомишься с людьми – а они старше тебя, иногда намного, они профессионально занимаются своим делом. И вот ты, сопляк сопляком, смеешь объяснять им что-то про их жизнь, берешься судить и рядить об их поступках с точки зрения даже не жизненного опыта (он у тебя мизерный), а исходя из той идеальной картины мира, которая «вматрицирована» в твои жизнерадостные мозги. Мы слепо и безоглядно верили во все, чему учили нас и чему учили сами, не понимая, что причины крайне медленного проворачивания государственных шестеренок не в отдельных недостатках, неперенных трудностях и людском несовершенстве. С недостатками мы призывали бороться, а трудности – преодолевать, и с оголтелой настойчивостью внушали читателю, что главное в

человеке – красота и богатство души, которые надо в себе возвращать постижением классической культуры. Казалось, что разрешимо все, а если вдруг встречалась задача, которой не было решения в идеальной советско-партократической схеме, то эту задачу ты стыдливо, но категорически обходил.

Молодежная наша газета была передовой и задорной. Пожалуй, самой характерной формой для нее был «клич». Клич – это не жанр, а комплекс всех газетных жанров. Тут главное – призыв! Сегодня это призыв осваивать целину, завтра – ехать на строительство химического комбината. Сегодня – в поход за технический прогресс, завтра – за знания. Сегодня – «А что ты сделал для цыплят, сельский комсомолец?», спустя несколько номеров – «Разводить кроликов могут все!»... А уж после лозунга-шапки могут идти боевая передовая, репортаж с места событий, безжалостный разгром, сахарный портрет... Надо было споро перестраиваться с цыплят на кроликов, с возведения химических гигантов – на строительство гидроэлектростанций, с вечерних школ – на университеты культуры. Так вот: у Бориса Брюшнина это получалось. Потому что он своим цепким и организованным умом схватывал всю картину, открывавшуюся ему на новом месте. Потому что главным в журналистской работе, исходно предполагающей дилетантизм в любом конкретном деле, для него было профессиональное понимание людей и их отношений. Потому что, будучи честным в своей вере, он сознавал свое право их оценивать, предъявлять им счет, наставлять их или восхищаться ими.

Пик его молодогвардейской «писучести» приходится на 1958 год. Потом материалов становится меньше. Это значит, что все реже удается выбраться в командировку, потому что Борис садится за стол ответственного секретаря. (Техника макетирования газеты тех лет и условия свинцового набора нынешнему поколению компьютеризированных журналистов, слава богу, незнакомы.) Теперь в его голове – четкие схемы полос и разворотов. Толстыми синими стрелками и вполонину заштрихованными синими прямоугольниками будущих клише они ложатся на листы макетов. И это при нем на первой полосе появились щедро-крупные – на две-три стандартные колонки – портреты молодых героев пятилетки-семилетки. При нем появились полосы и развороты, подготовленные десантами молодогвардейцев в один город или район... Он фонтанировал идеями, умея не заставить, а заразить.

Лидия Мишланова вспоминает:

– Когда в отсутствие редактора его замещал Борис, это были недели счастья! Редакция работала слаженно и радостно! Его организованность и четкость передавались нам, мы успевали многое делать и получать от этого удовольствие. Оказаться ему полезным было просто здорово. Помню, вечер, он колдует над полосами, никак не рождается «шапка». Я, как все, сделав свое, ушла домой, но из головы не выходит: «Борис сидит там один, мучается...» – и вдруг по радио звучит подходящая стихотворная строчка, бросаю ложку и – к телефону. А он – победа! – сходу принимает: «Как хорошо, что помогла!» И ведь это Борис заронил во мне интерес к судьбам «пермских жён».

В 1959 году под отчётом о легкоатлетической эстафете на приз «Молодой гвардии» в газете впервые появилась двойная подпись – «И. Брюшинина, Б. Брюшинин». Незадолго до этого отгуляла весёлая свадьба в доме невесты во дворе кинотеатра «Комсомолец» на улице Коммунистической (экая выразительная уходящая натура). Мы открывали своё: «Горько, ребята, горько! Женятся Ирка и Борька!..»

Ни одна из его прежних подруг не могла бы быть вот такой, единственной, какой стала для него рыжекудрая Ирина Снегирева. Газете она была надёжным и профессиональным работником, нам – весёлым и верным товарищем, баскетболисткам сборной города – крепким капитаном. Борису она стала всем – любящей женой, понимающим другом, терпеливой и заботливой нянькой, замечательной матерью двух его таких же глазастых и таких же одарённых дочек.

В начале шестидесятых Б. Брюшинин стал утверждённым редактором своей дорогой «Молодушки», успешно завершив, таким образом, все классы газетной школы и пройдя по всем ступенькам газетной иерархии – от уголка «В часы досуга» через отделы учащейся молодёжи, комсомольской жизни, пропаганды – до ответственного, а затем редакторского стола.

И законы той же газетной иерархии увели его в корреспонденты партийной «Звезды», а потом в редакторы «Ленинского знамени». Он высокопрофессионально существовал в гуще журналистской текучки. Но – крепнущее с годами ощущение ложных ориентиров, осознание утраченных возможностей и уходящего времени, наконец возраст, иные заботы... И привычное средство гасить настигающее разочарование. От молодогвардейского романтика в нём оставалось всё меньше.

Ещё несколько строк из тех, сохранившихся, к счастью, писем: ...Странно, но здесь меня все время захватывает пьеса. И, кажется,

подвигается. Блокноты всегда при мне. В любую свободную минуту скоблю карандашиком... Пора переходить от набросков к склеиванию их в целое; ...Мои аккумуляторы порядком разрядились. Бывает так, что человек, сам того не замечая, начинает жить впустую, не так, «чтобы не было мучительно больно...». Именно это и было у меня в последний год. Сейчас – временная остановка, переоценка ценностей, и потом снова крутить на полную катушку. Хорошо, что не очень запоздала эта переоценка. Целыми днями пишу... Просто трудно оторваться от стола. Сегодня ночью придумалась удачная фраза для пьесы...

Писалась пьеса, сочинялась повесть, но всё это так и не было никому показано. Жизнь, которой он в юности сам определил непомерно высокую цену, распорядилась извечная российская беда, и он, такой организованный, ответственный и умный, оказался перед нею безнадёжно бессилён... Борис Иванович Брюшинин рано ушёл из жизни. Но мы будем помнить не о том, как горько уходил, не о том, что сделать не успел, а о том, что сделал, о том, какой светлой и талантливой Личностью был.

И.А.Савченко,

студентка 5 курса филологического факультета ПГНИУ,
специальность «Журналистика»

СУДЬБА МЕЖДУ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

«Глаголом жечь сердца людей...», – строчка, которая дорога многим филологам не только как цитата из Пушкина, но и как жизненное кредо. Довольно часто филологи, открывшие и познавшие тайну слова в университетах, уходят в журналистику, чтобы сделать слово служителем общества. Так случилось и с известным пермским журналистом **Николаем Владимировичем Гашевым**, отдавшим прессе более сорока лет.

Он родился 1 октября 1933 года в городе Верещагино. После окончания десятого класса в Верещагинской средней школе № 1 юный Николай поступил на филологический факультет Пермского государственного университета. Теперь он вспоминает это время с особенной теплотой: «Я благодарен судьбе, что учился в конце 1950-х на филфаке. Это было действительно необходимое для журналиста образование. За пять лет мы прочитали горы прекрасной талантливой литературы. Мы едва успевали, но делали всё с удовольствием! По-

другому и быть не могло при таких блестящих преподавателях, как Римма Васильевна Комина, Сарра Яковлевна Фрадкина, Наталья Самойловна Лейтес, Тамара Александровна Попова, Лев Ефимович Кертман (помню, мы бегали слушать его блестящие лекции по английской истории). Многое мне очень пригодилось!

Николай Гашев окончил университет в 1957 году. После защиты диплома вместе со своей семьей – женой Ниной и дочкой Санечкой – поехал по распределению в Чердынь, на север Пермской области. Там, в школе № 1, он несколько месяцев преподавал русский язык и литературу в старших классах. «Как раз в это время во всех районных центрах стали создаваться укрупненные четырехполосные газеты», – вспоминает Н.В. Гашев. С тех пор вся его жизнь была связана с журналистикой. За 45 лет – районная газета «Северная коммуна», областная молодежная «Молодая гвардия», городская «Вечерняя Пермь» и, наконец, «Звезда».

«В самом начале в «Молодой гвардии» как университетский «выкормыш» я создал школу молодых начинающих журналистов. Потом многие из них работали вместе со мной, – рассказывает Николай Владимирович. – В «Звезде» же я начинал свой творческий гражданский путь с селхозотдела. Позже, и в «Вечерней Перми», и в «Звезде» работал в отделе культуры. Много ездил (в Москву, Свердловск, Курск) с пермскими театрами, освещал их выступления, писал о художниках. Сам устраивал встречи в доме журналистов с поэтами и прозаиками В. Радкевичем, В. Астафьевым, А. Решетовым, ставшими, как и многие художники и артисты, моими друзьями. Переписку с В. Астафьевым – 44 письма и несколько телеграмм из Вологды, Красноярска, Овсянки, где он часто жил в последние годы, я передал издателю и журналисту из Иркутска для его книги».

С литературой и её деятелями у Н.В. Гашева всегда были особые отношения. Однажды, благодаря своей любви к словесности и обостренному чувству справедливости, он попал в историю, связанную с именем А.И. Солженицына. О ней наш герой рассказал сам – в статье «Бодался теленок с дубом» («Звезда», 1997, 3 октября). Мы показываем вам этот материал в авторской версии.

В один из ноябрьских дней 1967 года, когда «Звезде» стукнуло 50 лет, тогдашний редактор газеты Н.Н. Верзилов по очереди приглашал к себе в кабинет журналистов и в присутствии секретаря партийной организации, председателя профсоюза поздравлял, вручал конверт с премиальными рублями, а в завершение наливал «боевые сто граммов».

Увы, меня в кабинет не пригласили. Не назвали мою фамилию и в докладе на торжественном собрании в честь юбилея газеты в оперном театре, хотя к тому времени я уже семь лет проработал в газете и, по-видимому, не так уж плохо делал свое дело: в моем домашнем архиве до сих пор хранится Почетная грамота обкома КПСС и облисполкома, которую мне вручили незадолго до юбилея газеты.

Я впал в немилость за то, что написал письмо Л. Брежневу в защиту писателя Александра Исаевича Солженицына.

Тогда, в 1967 году, этого «антисоветчика», «предателя», «литературного власовца» не пинал только ленивый. Поносила его и наша «Звезда».

А я ну никак не мог понять: за что вдруг так невзлюбили этого талантливого писателя? Мы с женой собирали и хранили все, что к тому времени удалось опубликовать Солженицыну в журнале «Новый мир». Доходило до нас и кое-что из «самиздата». Как-то нам только на одну ночь дали роман «В круге первом» – 500 с лишним листов машинописи. Мы читали роман до самого утра, передавая листки друг другу.

Чтобы поддержать любимого писателя, который подвергся такой травле, я через «Новый мир» отправил ему письмо с приглашением приехать к нам в Пермь. В трёх километрах от города у наших старичков был тогда крохотный домишко, срубленный из обыкновенной деревенской бани. Зимой он пустовал, и мы думали, что писатель там сможет укрыться и продолжать свою литературную работу.

На ответ я, конечно, не рассчитывал. Но однажды обнаружил в своем почтовом ящике толстый конверт. В нем было два письма. Одно, от руки, мне лично. Солженицын поблагодарил за приглашение, но, как он написал, еще не дошло до того, чтобы ему уходить в подполье и прятаться. Второе письмо, машинописное, на трех плотных листах – четвертому съезду писателей СССР. Это письмо, в котором А. Солженицын обращался за помощью к своим коллегам по творчеству, заявлял, что он даже из могилы будет говорить правду о жизни народа.

Мне тогда было 33 года, я был убежден, что главное в моей журналистской работе заключается в том, чтобы защищать обиженных людей, бороться со злом и несправедливостью. А тут любимого писателя рубят под корень!

Ночью на кухне я за один присест написал письмо Л. Брежневу. В книге Натальи Решетовской «Александр Солженицын и читающая

Россия» (Москва, «Советский писатель», 1990 год) это мое тогдашнее письмо генсеку приводится почти полностью. Цитирую только одно место: «Мы сами вручили врагам соленую розгу да еще и подставили то самое место, которое ниже спины! Но они же могут заполучить многократно отвергнутые вещи Солженицына. Они их издадут да еще Нобелевскую премию присудят! Вот тогда в руках наших врагов будет уже не розга, а дубина!

Так зачем же мы сами себя сечем и позорим? Зачем же мы перед всем миром выставляем себя глупее, чем мы есть на самом деле? Дикость какая-то! Средневековое недомыслие! Невольно вспоминается судьба нашего великого Пушкина: его травили, травили, а потом убили! Сколько времени прошло с той дуэли на Черной речке? Больше двух столетий, а потомки Дантеса до сих пор не могут отмыть кровь Пушкина со своих рук. Да еще пытаются оправдать Дантеса!»

Сам удивляюсь, как это мне в 1967 году удалось угадать, что Солженицын будет Нобелевским лауреатом!

Особенно взбесило тогдашних партийных функционеров, что я уравнивал их с Дантесом! Из ЦК КПСС письмо переслали в Пермский обком партии с резолюцией: «Разобраться и принять меры». Вызвали меня в отдел пропаганды и агитации. Не буду называть имена тех, кто «разбирался» со мной, хотя все они живы и здоровы.

– Это ты писал?

– Я!

– Врага защищаешь! Да как ты посмел!

Мои слова отскакивали от них, как горох от стенки. Меня сверлили суровыми взглядами, словно старались заглянуть в самую душу, увидеть, что за гнилое нутро у этого очкарика.

Потом в редакции состоялось партийное собрание. Секретарь обкома партии по идеологии И.Я. Кириенко обрушился на меня как на своего идейного врага, а также выразил удивление, что в коллективе редакции до сих пор по-настоящему, по-партийному не отреагировали на мой поступок, не дали ему оценку.

В присутствии секретаря обкома кое-кто из моих коллег-журналистов тоже постарались продемонстрировать своё верноподданничество.

– Я с тобой не пошел бы в разведку! – бросил мне в лицо один тогдашний ветеран, участник войны.

Зато как я был благодарен Анатолию Высоковскому, Николаю Кустову, Михаилу Микрюкову, которые на этом собрании сказали обо мне какие-то добрые слова. Поддержали меня и в журналистском

коллективе другим манером: через месяц примерно, когда по итогам соревнования в редакции я оказался в числе победителей, мне с явным намеком вручили на редакционной летучке книгу под названием «Уроки оптимизма». Она до сих пор хранится у меня дома.

Но после того собрания я пришел домой в таком состоянии, что домашние испугались, как бы я что-нибудь с собой не сделал. Мне действительно просто жить не хотелось...

Слава Богу, что на дворе был не 37-й, а 67-й год. Однако после такой формулировочки – «выступление против линии партии» – и тогда не так просто было выжить, сохранить свое человеческое достоинство. Недаром же во время недавнего посещения лагеря политзаключенных «Пермь-36» в деревне Кучино Виктор Петрович Астафьев, который хорошо знал всю эту историю, сказал мне:

– Ты, Коля, мог бы тоже оказаться в этих камерах...

Следом за мной стали «прорабатывать» и мою жену, преподавателя кафедры русской литературы университета. Ее обвиняли в том, что она не остановила меня, не помешала отправить письмо Брежневу.

Как раз в это время в университете рассыпали набор уже готового к печати сборника научных статей о современном литературном процессе, в котором студент-второкурсник Женя Тамарченко с юношеской горячностью сравнивал Солженицына с самим Шекспиром. Римму Васильевну Комину, редактора этого научного сборника, заведующую кафедрой, «прорабатывали» на партбюро и вклеили ей строгий выговор.

После всех этих «проработок» у меня уже больше никогда не возникало желания обращаться с какими-то вопросами в партийные органы, а тем более искать там правду и справедливость.

...Три года назад на пути из Вермонта в Москву Александр Исаевич Солженицын остановился на несколько дней в Перми, позвонил мне домой, пригласил в свой номер в гостинице «Урал».

Поблагодарив меня за попытку защитить его в 1967 году, он так оценил мое письмо к Л. Брежневу:

– Наивно, но смело. В общем, бодался теленок с дубом...

Потом была еще одна встреча с писателем – в Москве, в той самой квартире на улице Тверской, 8, где в 1974 году агенты КГБ арестовали А. Солженицына. Среди книг, которые мне подарил писатель, была и «Бодался теленок с дубом», изданная в Париже на русском языке.

Напряженная газетная работа с ее неизбежной спешкой, постоянные поиски острых, животрепещущих тем для материалов, и в

то же время – ответственность за каждое написанное, а тем более напечатанное в газете слово – все это не мешало Николаю Гашеву заниматься и литературным творчеством. Его первый рассказ «Вышка» был опубликован в пермском книжном издательстве в 1968 году в седьмом выпуске литературно-художественного сборника «Молодой человек».

В 2000 году вышла в свет книга Н.В. Гашева «Просека на болоте» (повесть и рассказы), в 2010 году в Пермском издательстве «Денор» – «Крест отца Николая». Эта книга о родном деде автора – Николае Михайловиче Гашеве, священнике церкви Ильи Пророка в селе Ильинское Пермского края, которого чекисты арестовали и этапировали в Пермь. В тюрьме в Разгуляе – она и сегодня находится там же – старого и большого человека осудили по статье 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) на три года. В лагере на севере Урала он и принял мученическую смерть. В 2000 году Архиерейский Юбилейный Синод Русской Православной Церкви, проходивший в Москве под председательством Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго, канонизировал отца Николая, причислил его к лику святых новомучеников. Книга «Крест отца Николая» за один год выдержала еще три издания – в Санкт-Петербурге ее напечатали в типографии издательства «Абрис», в Перми – в православном журнале «Светоч» и в сборнике «Годы террора», издающемся ежегодно пермским отделением всероссийского общества «Мемориал».

Совсем недавно, в 2011 году, вышла третья книга Николая Гашева «Ослеплённые фарами», в том числе и в электронном варианте. Она рекомендована к печати советом проекта «Пермская библиотека».

Н.В. Гашев буквально «живёт писанием», многое берет на карандаш. Он вспоминает:

Писал и на нравственные, часто забываемые в суете темы. Но главное – писал. О людях – о Льве Ефимовиче Кертмане, о Наталье Самойловне Лейтес, о друзьях Солженицына, которые воевали вместе с ним и оказались пермяками. Познакомился с множеством интересных и даже необычных людей, которые приходили ко мне в отдел, советовались по разным проблемам. Некоторые до сих пор звонят домой, советуются! Многие мои материалы, скажу без лишней скромности, печатались, как лучшие в номере. Я получал грамоты, благодарности, но все это пустяки, в сравнении с тем, что я был в водовороте очень непростой журналистской жизни в 60–80-е годы. В 90-е годы, как ни странно это покажется некоторым,

журналистская деятельность расцвела. Но уже заканчивалась наша эпоха, наше время.

Пожалуй, Николай Владимирович лукавит. И в 1990-е, и «нулевые» ему удавалось создавать материалы, которые, будучи злободневными, могли всколыхнуть общественность. И не только её, но и правоохранительные органы. Таким материалом оказалась публикация «Девочка написала письмо мальчику» (Звезда, 2002, 1 ноября). Она заслуживает того, чтобы вспомнить её на страницах этой книги. Ведь она является примером действенности «глагола» журналиста.

В одном из домов Дзержинского района Перми девочка-подросток влюбилась в 13-летнего мальчика из соседней квартиры. Влюбилась и написала ему письмо.

Все мы со школьных лет помним письмо пушкинской Татьяны Лариной Евгению Онегину: «Я к вам пишу – чего же боле...». Увы, в нашем случае никаких стихов не будет.

Мама мальчика отнесла письмо девочки... в милицию! Вместе с заявлением на имя начальника ОВД Дзержинского района. В заявлении девочка-подросток представлялась чуть ли не сексуальным маньяком, покушающимся на незащитного мальчика. И вообще выходило, что она сумасшедшая, которую необходимо срочно проверить у врача-психиатра. И не выпускать одну из дома, чтобы обезопасить детей во дворе!

Не знаю, читала ли эта несчастная мамаша пушкинского «Евгения Онегина». Но с чувством юмора у неё явные проблемы. Неужели она думала, что, прочитав письмо девочки мальчику, милиция немедленно вышлет группу захвата и арестует автора любовного послания? Или предполагала, что у дверей её собственной квартиры (кстати, и без того железных) милиция установит отдельную охрану, чтобы пресечь всякие попытки передать сыночку письма или записки? На любовь – с пистолетом!

Но самое поразительное – милиция так и сделала!

Несмотря на то, что Дзержинский район по уровню детской и подростковой преступности занимает одно из первых мест в Перми и области, сотрудники отдела предупреждения правонарушений несовершеннолетних с такой страстью схватились за это дело, будто девочка, написавшая письмо мальчику, и есть у них самый страшный преступник.

Девочку и её маму вызывали в милицию. Нетрудно представить их потрясение, когда они увидели заявление соседки. Девочка хорошо усвоила от родных, что чужие письма читать нельзя. Мама знала –

милиция тем более должна была знать – что тайна переписки охраняется законом! А тут... личные письма читали совершенно чужие тети и дяди! Да еще требовала, чтобы девочка поясняла и комментировала чуть ли не каждую строку. Почему, к примеру, она именуется «королевой-кошкой», грозитя тому, кто отвергнет её, преследованием, мстью, проклятием? Ну как объяснить подозрительным взрослым, что это просто игра, что в Древнем Египте было такое божество – женщина с головой кошки?! В школе, где училась девочка, после одного урока по истории Древнего Египта пятиклашки бегали по коридору и кричали: «Я – мумия из гробницы Тутанхамона! Я могу наложить на всех проклятие!»

Убедили ли инспекторов ОППН Дзержинского ОВД исторические примеры, мне неизвестно. Но что уж точно – охоту писать письма у девочки здесь отбили. Вот так – ломая, грубо, через колено, да ещё и стаптывая в грязь.

Зато после пережитого девочка начала писать стихи. Причем, как нам кажется с женой, очень хорошие, не просто какие-то наивные девчоночьи рифмы, а взрослые, по-настоящему поэтические строки. Впрочем, мы, родные люди, может быть, не очень объективны. Мы же просто любим её, нашу внучку. Превосходно выразил это, вспоминая своих деревенских стариков, Сергей Есенин: «Я дорог им, как поле и как плоть, как дождик, что весной взрывает зелена. Они бы вилами пришли вас заколоть за каждый крик ваш, брошенный в меня!»

В отделе, как полагается при расследовании преступления, допросили и другую сторону конфликта. Я читал эти показания мамы и её детей. Страшно сказать, женщина утверждала, будто девочка хотела убить мальчика и его сестренку! С помощью какой-то жуткой верёвки! Которая, как потом выяснилось, оказалась всего-то ниточкой, привязанной к воздушному шару, и девочка вышла с ним во двор. Правда, сам мальчик и его сестрёнка заявили, что несколько не обижаются на девочку и даже удивлены: почему это мама устроила такой шум?

А еще через три месяца мать мальчика, неудовлетворенная принятыми милицией слабыми мерами, направила в Дзержинский ОВД сразу два заявления. Теперь каждый пункт её обвинений подкреплялся не только письмами (на сей раз их было два), но и многочисленными свидетельскими показаниями. Девочка и её родные даже не подозревали, что находятся «под колпаком»: записываются их слова, отмечаются поступки.

Вот, например, девочка заглянула в свой почтовый ящик и увидела, что кто-то сорвал с него красивую наклейку с её любимым Гарри Поттером. Вышла она во двор, под села на скамейку к давно знакомой вахтерше и, конечно, принялась рассказывать о пропаже. В разговор вмешался подросток из соседнего дома и назвал виновником мальчика, которому девочка написала письмо. Надо ж такому случиться, – тот в это время появился на крыльце. Слово за слово – с обвинениями никто из них в долгу не остался... «Нарушение порядка в общественном месте, злостное хулиганство», расценила происшествие автор двух заявлений в милицию. Свидетелем выступила та самая вахтерша, которая поспешила заявить в милиции, что считает девочку... ненормальной! Просто не вахтёр, а какой-то академик медицины. Посмотрит, послушает и сразу определит – перед вами псих.

Или вот девочка, играя у себя в лоджии, сбросила вниз свои игрушки. В этот же день и с той же лоджии с радостными возгласами швыряли игрушки еще двое подростков. Но к ним – никаких претензий, а девочку немедленно взяли на карандаш. Может, она хотела попасть игрушками в голову той мамаше и её сыночка! И поскольку весь двор видел, то чуть ли не все ребята и оказались в списке свидетелей.

Насколько широкозахватной была слежка, можно судить и по тому, что во дворе дома подобрали даже бумажную «ворону», которую девочка запустила из окна. Подобрали, расправили бумажный лист, сняли ксерокопию и приобщили к делу!

Потом уже, когда стало известно об этой тотальной слежке и поиске многочисленных свидетелей, один из подростков рассказал родным девочки, как его вызывали в милицию.

– Там полно было наших ребят, почти весь двор. Вызывали по одному в кабинет и допрашивали.

– Тебя о чем спрашивали?

– Не видел ли я, как ваша девочка бросалась на кого-то с ножом...

Ну и дела — началось все с письма девочки мальчику, а привело к ножу! Да она же не просто нарушитель общественного порядка, а хулиган какой-то и, может быть, даже настоящий террорист!

Наверное, не часто милиции попадается такое превосходно организованное дело – с готовыми вещдоками, с массой свидетелей. Самим-то почти ничего делать не надо: знай звони по телефону, присылай повестку. Вероятно, поэтому в ОППН Дзержинского района ОВД с такой охотой и размахом принялись за работу.

Нарочно прислали. В повестке, заверенной круглой печатью, строго указано: «Явиться в 14:00». А когда мама девочки в это время не смогла явиться – работала, инспектор сама позвонила на квартиру. Трубку взял дедушка девочки.

– В чем обвиняют нашу внучку? – спросил он. – Что она натворила? Убила кого-нибудь? Ограбила?

– Если бы убила, я с вами иначе бы разговаривала! – обрезала его инспектор. – Кстати, тут в заявлении и про вас, дедушка, написано. И бабушка ваша обвиняется. Так что извольте оба на допрос явиться...

Пришлось старикам тащиться в милицию. Дедушку обвинили в том, что он угрожал кулаком сестренке того мальчика. Еле вспомнил пожилой человек, как около года назад он во дворе действительно погрозил кулаком парню из соседнего дома, который обижал его внучку. Бабушку спросили: правда ли, что она назвала того мальчика трусом? И сразу предупредили – у нас, мол, свидетель есть!

Кроме того, инспектор затребовала из школы характеристику на девочку, приобщила к делу выписку из заключения врача-психиатра. Где, кстати, четко написано: интеллект девочки, ее психическое состояние соответствует уровню ее школьного образования.

Известие, что девочка находится на крючке у правоохранительных органов, распространялось все шире и шире. И вот уже родные ее, зайдя как-то в школьную библиотеку, услышали:

– Какие вам учебники? Разве ее еще не посадили?

А во дворе среди ребят и взрослых прошел слух: если девочку не посадят, то уж во всяком случае, с матери ее возьмут штраф – не меньше трех тысяч рублей!

Наконец, в дом девочки, написавшей письмо мальчику, пришел конверт из ОВД Дзержинского района. Когда мама распечатывала его, у нее заметно дрожали пальцы. Слава Богу, это был не очередной вызов на допрос, а уведомление о полной несостоятельности всех обвинений, которые выдвигались против девочки в трех заявлениях, вернее, доносах соседки. Сразу два подполковника милиции – начальник ОПШН В.К. Хрипниченко и начальник МОБ Дзержинского ОВД Я.И. Бульчак — вынуждены были признать, что в действиях и поступках девочки нет состава преступлений.

Слава Богу, разобрались! Только что же это за «профессионалы» работают в Дзержинском ОВД, если им требуются четыре месяца, чтобы понять – письмо девочки мальчику не является уголовно наказуемым?! И нечего им, «силовикам», зря тратить свое служебное время, силы и тянуть «пустышку». Лучше бы вместо

этого выяснили, почему попрошайничают на улицах мальчишки. Это ведь и есть их главное дело – помогать сбившимся с пути ребятам.

С материалами расследования дела той девочки, которое в ОПН раздули почти на сто страниц, познакомился прокурор Дзержинского района З.Ф. Маслохутдинов. Комментарий его предельно краток: «Конфликт... необходимо решать мирным путем, а не с помощью правоохранительных органов». Добавим от себя: если бы это было сделано немного раньше! Теперь же понадобится немало времени, чтобы забыть и простить наветы и оскорбления.

А почему так действовала милиция? Говорят, министр МВД выпустил специальный приказ, по которому стражи порядка обязаны принимать, регистрировать и расследовать все, абсолютно все заявления и обращения граждан. Иногда, уверяют, это помогает предотвратить или раскрыть серьезные преступления.

Пусть регистрируют, пусть расследуют. Но нельзя доводить всё до абсурда!

После опубликования этого материала начальник Дзержинского ОВД подал на Николая Гашева иск о защите деловой репутации. Он утверждал, что журналист «распространяет ложь, перевирает факты и документы... которые не соответствуют действительности». Судебное разбирательство, высосанное, как и заявление соседки на девочку, из пальца, длилось пять месяцев – с января по май 2003 года. И несмотря на то, что все обвинения были развеяны, газету «Звезда» принудили к опубликованию опровержения нескольких предложений из материала.

Николай Гашев в одной из своих последующих статей напишет о разочарованности в судьях и их желании указать журналисту на его место: «Исковое заявление начальника ОВД было продиктовано одним стремлением, я убежден в этом, – отомстить журналисту за критику, заткнуть ему рот, показать этим «щелкопёрам», что поднимать голос против милиции нельзя, опасно. И судья своим решением подыграла ему, ударила по рукам не только мне, автору статьи. Полистайте «Звезду» за последний год – много ли там критических публикаций?». Читатель понимает, что последний вопрос – риторический.

Новая эпоха в журналистике, о которой говорит Николай Гашев, уже действительно началась. Новые технологии, новые проблемы, новые имена... Но настоящий профессионализм журналиста, пожалуй, состоит в том, чтобы в любую эпоху суметь найти нерв времени и вскрыть его словом. А это, согласитесь, Николаю Гашеву удавалось.

Сейчас он вдали от журналистского водоворота – на заслуженном отдыхе. Суeta и постоянный поиск интересных информационных поводов уже позади. О том, как живется журналисту

на пенсии и какво наблюдать за пермской прессой со стороны, Николай Гашев рассказал мне в личной беседе.

– **Николай Владимирович, как вы пережили расставание с журналистикой? Ваш роман с ней продлился почти полвека.**

– Очень, очень легко! (смеется). Теперь я просто ничего не делаю, отдыхаю!

– **В это верится с трудом. С чем всё-таки связаны сегодня ваши писательские планы?**

– Мне бы очень хотелось выпустить ещё одну книгу. В ней я опубликовал бы две повести и рассказы о современной жизни. Рабочее название у книги такое: «Донос». Мне кажется, оно как нельзя лучше отражает специфику нашей современной жизни. Надеюсь, деньги на печать книги найдутся, и я исполню свою мечту.

– **Стало быть, по натуре вы всё-таки писатель?**

– Нет, в душе я журналист. Писатель садится за стол и ещё не знает, о чём он будет писать. А журналист пишет о том, что видел и чувствовал сам. Со мной именно так.

– **Николай Владимирович, как вы оцениваете современную пермскую журналистику? Следите ли за ней?**

– В основном, я слежу, конечно, за газетой «Звезда», поскольку на неё подписан. Мне кажется, сейчас там работают очень интересные ребята. Особенно мне нравятся материалы Василия Бубнова. Не сдают позиции и корифеи: Юрий Асланьян, Юрий Беликов, Людмила Каргопольцева, Константин Шумов. Их, как и меня, воспитал филфак Пермского университета, и это чувствуется в текстах. Наши всегда отличаются широким кругозором, богатым словарем, принципиальной позицией. А в целом, мне кажется, что пермской журналистике не хватает материалов о судьбах людей и месте человека в современном обществе.

– **Николай Владимирович, что бы вы хотели сказать университету, родному филологическому факультету в преддверии столетнего юбилея?**

– Филфак Пермского университета – моя Alma Mater, которую я ценю и вспоминаю всегда с благодарностью. Я радуюсь, что факультет развивается: теперь у нас готовят не только филологов, но и профессиональных журналистов. При этом факультету удастся сохранять славные традиции и, главное, преемственность поколений. За примером далеко ходить не надо. Серия книг, которая готовится к юбилею университета, и есть то самое связующее звено между нами и молодёжью. Желая университету и факультету и впредь сохранять свою особенную атмосферу, быть успешными и процветать!

ЛИЦО С ЭКРАНА (Галина Лебедева)

Первое впечатление: чёткий профиль на фоне окна (почти греческий!) Густые пепельно-русые волосы. Строгий взгляд из-под очков. Низковатый голос: «Галина»... выжидательная пауза...

За соседним столом заулыбался высокий худощавый юноша с ослепительно голубыми глазами: «Эдуард, можно – Эдик».

Так в августе 1962 года я вошла в редакцию детских и молодежных передач пермского радио. Двое этих людей, недавние выпускники филфака, стали моими первыми учителями в журналистике, позднее – друзьями.

Атмосфера редакции оказалась удивительно дружелюбной – постоянно приходили то журналисты из других редакций, то внештатные авторы приносили свои материалы, стихи. Смеялись, подшучивали друг над другом. Галя уже не казалась строгой и недоступной, рассказывала о смешных случаях во время записи разговоров с ребятами.

У каждого из них была своя программа, Эдик занимался проблемами молодежи, Галя готовила еженедельный выпуск «Пионерского вестника». Нас, внештатных корреспондентов («вольных сынов эфира», как мы себя называли), было четверо. Получив задание, разбегались по городу – в школы, детские клубы – в поисках интересных тем. Галя настраивала нас: ищите проявления инициативы, творчества, увлечения каким-то делом!

Работать с ней было радостно; удивляла её энергия, работоспособность, а главное – умение разговаривать с детьми: в общении с ней они оставались непосредственными, открытыми, охотно делились впечатлениями, добиться этого можно было только такой же искренней заинтересованностью – дети всегда чувствуют, когда с ними говорят «всерьёз». В программах «Пионерский вестник», «Бригантина» одной из главных тем был поиск интересного дела для подростков, где «в мирных целях» реализовалась бы их неуёмная энергия. В каждую программу входило множество ярких сюжетов, репортажей, игровых сценок с участием самих ребят. Главное – с ними говорили о простых и важных вещах без надоевших назиданий. Живой язык, лишенный привычных штампов, которыми грешило тогда радио, отличал эти программы. Пожалуй, никто, кроме Э.Шумова и Г.Лебедевой, не владел в то время такой чистой «тональностью», – это был их авторский стиль, стиль их работы, самой их жизни.

...Уже спустя много лет, став профессиональным опытным тележурналистом, Галя считала себя в душе радийцем – там было больше возможностей для самостоятельной работы: сама делала репортажи, сама монтировала пленку, продумывала звуковое оформление. Любила работать с Владимиром Рудиным, одним из «асов» «звукоцех», – всегда чувствовал настрой передачи, подкрепляя его всем арсеналом радиосредств.

В те годы на гастроли в Пермь приезжали столичные театры – Московский театр им. В. Маяковского, Ленинградский театр Ленинского комсомола, Рижский русский театр драмы. Актеры любили заглядывать в молодёжную редакцию, рассказывали актёрские «байки», остряли – и радовались возможности подработать на радио. Сколько прекрасных детских радиоспектаклей по произведениям Л. Кузьмина, В. Воробьева, А. Домнина Галя успела с ними записать!

Молодёжная редакция радио была в ту пору оазисом свежих взглядов, азарта, внутренней свободы, но в целом в конце 60-х обстановка на радио не была благоприятной для молодых журналистов. Идеологический прессинг, жёсткая цензура, постоянные начальственные одёргивания. Нападки на летучках не только от руководства – ставленников обкома, – но часто от старших коллег... Что стояло за этим нежеланием принимать что-то новое – заскорузлое мышление, усталость и вечная настороженность, застарелый страх сделать «шаг в сторону»?.. Однако приехавший московский журналист, проанализировав радиоэфир за неделю, отметил именно передачи Шумова и Лебедевой как остросовременные, поставив их в пример старшим.

Вспоминая эти годы, Галя часто говорит: «Я всё время чувствовала себя в боксёрской стойке...»

В конце 60-х Галина Лебедева перешла на телевидение. Её работа в редакции молодёжных программ стала одним из самых ярких периодов в её творческой судьбе.

На телевидении – может быть, потому, что оно было молодо, нащупывало свои пути, искало свой язык, – была более свежая творческая атмосфера, появлялись новые формы: телевизионная газета «Прикамье вечернее», у истоков которой стояла журналист Татьяна Чернова; на всесоюзный экран регулярно выходила детская программа «Музыкальный теремок», задуманная редактором Светланой Харинской и режиссером Евгенией Соломоновной Риттенберг и поддержанной композитором Дмитрием Борисовичем Кабалеvским – известным пропагандистом детского музыкально-эстетического воспитания, в художественной редакции для встреч с писателями,

художниками, артистами был открыт «Дом искусств» (редактор Вера Шахова, режиссёр Михаил Петрович Трунов). Режиссёр Лев Футлик «конструировал» новый для ТВ жанр – «театр одного актёра». ЖТГ – «живая театрализованная газета» – авторами сценария были Вера Шахова и Татьяна Кетегат – стала лауреатом телевизионного фестиваля в Новосибирске, о ней писали в журнале «Радио и телевидение». Впоследствии передача была предложена в качестве учебного пособия на сценарном факультете во ВГИКе... Флюиды творчества носились по всей студии! Пермское телевидение в ту пору слыло лабораторией новых форм – пожалуй, ни один номер «Радио и телевидение» не выходил без статей о новшествах пермского ТВ.

Жизнь кипела и в молодёжной редакции. Галя погрузилась в работу, веруя, что слово – это дело, что журналистика должна быть действенной.

Все, кто приходил на телевидение из газеты или с радио, сталкивались с особыми трудностями: нужен был иной язык, ведь в статьях и радиопередачах мысль транслировалась через слово. На ТВ главной была «картинка», монтаж, который «столкновением кадров», ритмом нес мысль; все художественные средства должны были работать на образ передачи.

На летучках нас часто поругивали, если в передаче был беден видеоряд: «опять у вас одни “говорящие головы!”». С этим можно было спорить, и работавшие в то время на Центральном телевидении журналисты М. Зеликин, Г. Кузнецов убеждали: когда на экране яркая личность, интересный собеседник, волнующая всех тема, то следить за развитием мысли, за реакцией людей огромное удовольствие!

...И Галя училась всегда. Каждый день – с нового листа, мучаясь, сомневаясь, переворачивая горы материала, потому, что считала: в журналистике нет и не может быть раз и навсегда установленных рецептов... Вспоминая её передачи, убеждаюсь, что не было среди них ни одной случайной, «проходной». Их всегда пронизывал мощный общественный нерв, её личная заинтересованность, её боль – будь то судьба страны в узловые моменты её истории или судьба конкретного человека.

Так получалось, что молодые журналисты, которые приходили на телевидение, попадали на обучение к Галине Михайловне, – и не потому, что она была наделена какой-либо официальной должностью инструктора, – просто вокруг неё всегда была атмосфера азарта; в спорах, в хохоте, во взаимных подкалываниях рождались идеи молодёжных программ. Она умела помочь молодому автору выстроить передачу, понять, кому она адресована, какой заряд должна нести.

Часто и я, уже имея немалый собственный опыт, приносила ей свои сценарии: «Галя, посмотри свежим глазом...»

Юношеская программа «Шаги по росе», которую Г. Лебедева открыла в 1970 году, ставила ряд самых главных задач: воспитание гражданской активности, ответственности у учащихся школ и ПТУ, поиски путей взросления, в конечном итоге – формирование личности.

Несколько лет редакция была связана с юношеским объединением – Клубом юных коммунаров Мотовилихинского района. Старшеклассники клуба взялись за серьезное дело: собрать подростков из неблагополучных семей, оторвать от дурных компаний, заинтересовать каким-то делом. Многие из них состояли на учёте в детской комнате милиции. Галя часто приходила в клуб, рассказывала о книгах, о любимых поэтах: А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернаке, приводила к ним интересных людей. Решено было летом организовать для этих ребят поездку в трудовой лагерь. Энтузиастам-старшеклассникам райком комсомола и детская комната милиции вручили сорванцов со всего района – 70 человек!

О том, как непросто развивались их отношения, как трудно было завоевать доверие этих «отпетых», колючих ребят, о том, как менялись их взгляды, отношение к труду, Галя сняла киноочерк «До свидания, мальчики!». Он открывал одну из рубрик программ – «Ребячьи комиссары». Названия других рубрик говорят об их направленности: «Разрешите быть взрослыми», «Час ученичества», «Десятикласснику с моей парты» и другие.

Программа «Шаги по росе» получила признание самих подростков – посыпались письма; ребята предлагали, полемизировали, делились мыслями о будущей профессий.

В 1972 году молодежная редакция совместно с газетой «Молодая гвардия» выступила с инициативой создания школьных трудовых лагерей по типу студенческих. Прецедент уже был – в Эстонии несколько лет существовали трудовые отряды старшеклассников, работающие летом в совхозах, на стройках, на реставрации старых исторических зданий, ребята зарабатывали деньги – это было по-взрослому, серьезно. Галя узнала об этом на одном из семинаров, которые регулярно организовывала в те годы редакция молодёжных программ Центрального телевидения.

Но пробить поездку в Эстонию пермских старшеклассников, а с ними съёмочной группы, стоило огромных сил и нервов! Дело в том, что среди братских республик Союза некоторые считались, – как бы это сказать, – «не совсем братскими»: Эстония считалась «буржуазной». В Мотовилихинском райкоме ВЛКСМ считали эти

контакты нежелательными, грозили, что все уехавшие будут исключены из комсомола, последуют и другие «оргвыводы»...

Высшее руководство ТВ запретило выезд съемочной группе...

Но взял на себя ответственность заместитель председателя Комитета по телевидению Моисей Григорьевич Гуревич. И группа уехала!.. И был снят на 16-миллиметровой пленке фильм «Дают ли юношам полки» о работе пермских школьников в составе эстонской трудовой дружины, о преодолении себя, обретении чувства ответственности – ведь ребятам надо было справляться с нормами (не зря же им платили за это деньги), оплачивать пропитание.

Но какие же «бои» пришлось выдержать после возвращения, когда фильм был смонтирован и готов к эфиру!

Эстонский очень здравый и вполне современный принцип оплаты труда старшеклассников вызвал бурю негодования у руководства студии, да и в райкоме: «Детей приучать к деньгам?!» – А почему бы не приучать? Пусть готовятся к взрослой жизни, знают цену деньгам, – пусть помогут родителям!

Посыпались и другие придирки: то не нравилась весёлая ребячья песня (почему не какая-нибудь комсомольская?), то... «много слишком эстонцев»...

Шесть худсоветов (!) один за другим терзали фильм, вырывая «кровью» лучшие куски!..

Когда кончилась эта вивисекция, М.Г. Гуревич – он всё понимал! – отправил фильм на зональный фестиваль молодежных и юношеских программ в Новосибирск, где он получил Первую премию и диплом, прошёл по телевидению. И только тогда, на следующий день, его дали в эфир в Перми...

А на следующий год на Всесоюзном фестивале в Киеве, завершающем конкурсы, он получил высшую награду – Гран-при. (Хрустальная ваза «Шуховская башня» – приз – красуется у Гали на шкафу!)

Это было время, когда в стране делалась серьёзная ставка на молодёжь. На ЦТ процветали молодёжные объединения. Студия «Горизонт» постоянно проводила семинары по проблемам подростков, и Галина Лебедева была непременно их участником. Её передачи были в «обойме» главных направлений молодёжного вещания и часто выходили на Центральном телевидении в рубрике «Тебе, юность».

В сборнике «Телеэкран приглашает детей» Г. Лебедева рассказала о своем опыте работы над подростковыми программами, в какой-то степени подводя итог этому периоду своей журналистской деятельности:

Конечно, основная задача программы – воспитательная. Только жизнь ответит, каков ее подлинный коэффициент полезного действия, но без организаторских усилий редакции вряд ли ее можно решать. Мы имеем свидетельства, что телевизионные “дни открытых дверей” во многих ПТУ привлекли конкурсное количество поступающих; что возрос приток на вузовских факультетах после выступления программы, увеличилось число участников предметных олимпиад... что не без нее появились в 1973-м первые сто трудовых школьных отрядов... В этом-то, наверное, и есть смысл нашего дела: дать побудительный нравственный и социальный толчок, чтобы родилось отрешение – дальше я сам, мы сами.

Упомянув, что на ТВ атмосфера была более спокойной, а потому более творческой, не могу не сказать, что хранителем её был заместитель председателя по телевидению Моисей Григорьевич Гуревич, известный в городе журналист-фельетонист, обладающий острым умом, чутьём на всё новое. Он ценил творческое начало в людях, любил молодёжь, внимательно следил за её ростом, радовался удачам. Притом, будучи человеком своего времени (и членом своей партии), он бдительно охранял границы дозволенного. Случались и резкие окрики... Галина Лебедева импонировала ему своей цельностью, напором, умением «держать удар». Но и сталкивались они довольно часто – и на летучках, и, бывало, приходилось слышать из-за дверей кабинета их «наскоки» друг на друга на весьма повышенных тонах... Но Гуревич не был злопамятен, если чувствовал, что «перегнул палку», спускался через какое-то время в редакцию и начинал разговор на «нейтральную» тему, расхаживая мимо стола «потерпевшего» и искоса посматривая на него. Мы понимали и про себя посмеивались: Моисей «метёт хвостом» – так мы звали его между собой. И не таили долго обиду – мы любили Гуревича!

На летучках, которые мы никогда не пропускали, царил прямо-таки «разгул демократии»! Здесь было всё – и острая критика, и вспышки полемики, и глубокие рецензии, конструктивный анализ передач, и добрые, обнадеживающие слова. К оценкам Гали всегда прислушивались.

Хочу процитировать фрагмент небольшой заметки Галины Ибрагимовой, напечатанной вместе с другими зарисовками в газете «Эфир» к юбилейной дате Г.Лебедевой.

...И лишь когда на «капитанский мостик» рецензента выходила Галина Михайловна Лебедева, я внутренне успокаивалась. Она анализировала, говорила о глубине и авторском подтексте, пыталась найти возможные варианты интриги, не использованные

дебютанткой. И я чувствовала, как незаметно выпрямлялась моя спина, а внутри меня заполняла волна радости, гордости: мэтр Лебедева похвалила, значит, что-то могу! Чуть позже я пойму: Галина Михайловна – трибун и оппозиционер любой власти – очень бережно относилась к своим творческим коллегам. Помогала, спорила, иногда атакующе, но никогда не была высокомерной, насмешливо-снисходительной...

Да, летучка была самой действенной формой нашей взаимной учебы.

А какие взрывы хохота обрушивались, когда озвучивали какие-то «ляпы», казусы, происшедшие в эфире! И, как всегда, искрометные афоризмы Моисея, достойные быть занесенными на скрижали: «Что написано топором, того не выправить пером!» Галя хватала блокнот, торопяся записать, – и постепенно стала летописцем «летучкиных штучек» разных авторов. Набралось их за долгие годы на целый сборник. Аккуратно перепечатав, она подарила его Гуревичу на летучке в день его 60-летия – и внезапного для всех ухода на пенсию, «санкционированного» обкомом партии.

С его уходом в студии повеяло холодом...

Через пару лет Галя дополнила записи в своем блокноте «афоризмом» иного свойства, произнесенным очередным председателем Комитета на летучке при знакомстве с коллективом: «Я призван сюда железной рукой регламентировать наш общий с вами творческий институт!» И ещё – того же автора: «Никакого творчества мы здесь больше не допустим. Мы будем выполнять указания свыше» (без комментариев).

«В борцовской стойке...»

В конце 70-х Галина Михайловна уже работала в редакции общественно-политических программ. Было жаль уходить от «молодежки», от живого дела. Её уже знали в городе; формы работы с подростками, о которых рассказывалось в её программах, входили в жизнь, в практику школ. Многие старшеклассники – вожатые, выросшие в Клубе юных коммунаров, продолжали работать с детьми; это стало их «личным» делом.

Заниматься «голой пропагандой» Галя не могла. Будучи публицистом по складу характера, по образу мыслей, она искала живую, «горячую» тему.

Наша близкая приятельница, акушер-гинеколог областной больницы Е.А. Шенфельд, как-то с болью рассказывала: «Ну что ни роды – то детская патология! В основном – следствие алкоголизма родителей, “потомственных” алкоголиков!» А её коллега, врач детской

больницы, как-то спросила, не осталось ли ненужных детских вещей. «Зачем?» – «Да у нас в больнице остаются дети, никто их не забирает, так и живут у нас месяцами».

Со съёмочной группой Галя объехала несколько больниц – оказывается, во многих больницах также живут брошенные родителями дети. Их подбирают на вокзалах, в поездах, больных привозят в больницы, где они и остаются на попечении сердобольного медперсонала. В детские дома их не берут – они и так уже переполнены...

Передача «Чьи это дети?» вызвала поток горячих, взволнованных откликов, люди возмущались родителями, предавшими детей, предлагали помощь, говорили о том, что причина детского сиротства при живых родителях – пьянство, алкоголизм.

Галина Лебедева уже работала в это время над программой «Прошу слова!», которая стала поистине народной – ведь она о той самой, неизбывной российской беде! Сколько пришлось выслушать исповедей алкоголиков, горестных рассказов их жен, увидеть бездомных, никому не нужных детей, сбившихся в стаи бродяжек... С режиссёром Эллой Хомяковой объезжали вытрезвители, ларьки и палатки, торгующие алкоголем. Надо было бороться с теми, кто открывал водочные ларьки у проходных завода, рядом с учебными заведениями, с теми руководителями предприятий, которые «стимулировали» водкой сверхурочную работу во время авралов.

Письма шли потоком – тема была настолько больной, касалась чуть ли не каждой семьи. Лебедева была в то время необычайно популярна – её узнавали на улицах, люди рассказывали о том, что администрации районов закрывают глаза на незаконное размещение питейных заведений – имея от этого выгоду...

Обычно каждая передача начиналась с таких писем. Галина, будучи человеком дотошным, всегда проверяла достоверность этих сведений, и чаще всего получала ответ: всё законно – ларьки и магазины открыты с разрешения райисполкома. Она понимала, что возникла и процветает административно-торговая мафия, бороться с которой будет трудно. Жесткий непримиримый тон её передач раздражал – уже были звонки «сверху» руководству телевидения... (А руководство не хотело ссориться с теми, кто «наверху»).

«И грянул гром»... В программу пришли два письма, которые Галина не успела проверить. Наутро был вызов к руководству, следом – на специально созванное заседание Комитета...

Партийное начальство припомнило всё – непокорность, «не те взгляды», отстаивание своего мнения. Обвинения сыпались в духе

«троек» незапамятных времен: «политическая диверсия», «должностное преступление»... Был вынесен вердикт: программу закрыть, Лебедеву от эфира отстранить...

Никто из старых, «битых» и «тертых» журналистов не попытался вникнуть в суть того, что произошло: журналисту, коснувшемуся острой проблемы, заткнули рот!

Полгода Галя просидела за столом, без работы, просто приходила – и сидела...

Галя и Вера

Когда перебираешь в памяти все годы, начиная с 60-х, то относительно спокойных – «вегетарианских» – набирается немного. Почти всегда – жёсткий политический контроль, непереносимое требование цитирования речи Генсека или ссылки на решения очередного партсъезда. Невозможность высказаться...

Для Галины работа в редакции пропаганды стала невыносимой. Кто-то мог терпеть, живя по пословице «плетью обуха не перешибёшь», – она не могла... Стычки с руководством и всегда поддерживающей его партийной группой... Работать практически не давали. *«Эти годы застоя я ощущала как физическое удушье – удушье-ние! Я задыхалась!»* – часто вспоминает Галя.

В это время старшим редактором художественных передач была Вера Шахова. С Галей они дружили с первых лет работы, обе были «пожирателями» книг, уже не раз вместе писали сценарии, понимали и поддерживали друг друга... Вера работала тогда над циклом передач «Интервью с прошлым» и, зная интерес Гали к истории, предложила работать вместе.

Нельзя сказать, что в нашей редакции мы не испытывали того же давления, но все-таки была возможность что-то делать для души. И у нас была наша «заступница» – Ольга Анатольевна Черемухина, главный редактор художественного вещания. На летучках, на худсоветах, она, как тигрица, бросалась на защиту, если считала критику несправедливой.

Для Гали это стало спасением! Вместе с Верой они днями просиживали в библиотеке, рылись в архивах, в музейных документах, выискивая интересные, яркие события и имена. *«Это была такая отдушина, такое наслаждение!»* – вспоминает Галя.

В передачах этого цикла оживало прошлое Перми, память о российских писателях, просветителях – людях высокого духа, передовой мысли, о тех, чьи пути пролегали через Пермь – Ф. Решетникове, А. Радищеве, Д. Мамине-Сибиряке, В. Короленко, А. Герцене...

Им хорошо работалось вместе – они удачно дополняли друг друга: Вера чувствовала форму передачи, её стиль, настроение, она «мыслила картинкой» – «видела» будущую передачу; Галя, мне кажется, умела сementировать конструкцию передачи текстом.

Но «брать интервью у прошлого», видимо, тоже было небезопасно: возникали какие-то аллюзии... И вот уже на летучке: «Вера Лукьяновна, вы что-то утонули в седой древности. Не слишком ли вы там задержались?»

...Но настоящий скандал разразился на передаче о Пушкине... Литературный спектакль «Бунтовщик хуже Пугачева» (совместная работа В. Шаховой и Г. Лебедевой) шел в «живом» эфире. На экране портреты Пушкина – и рядом Николая I: их напряженный, опасный диалог... Шаховой передают с пульта записку режиссёра: «Вера, убери портрет царя!!!» – но сделать это невозможно...

На летучке «кулаком грохочет» председатель комитета: «Как вы посмели дать портрет царя, физически уничтожившего декабристов?!» Попытка объяснить, что на их взаимоотношениях – на этом диалоге – построена драматургия телеспектакля, остается безуспешной... Зал шумит, Лебедева выкрикивает: «Вы подрезаете нам крылья, так же нельзя работать!» – «Ну, а тем, кому тут подрезали крылья – не дают пропагандировать царя, душителя свободы, – я могу предложить покинуть телевидение!»

Это была одна из лучших передач цикла «литературный театр»!

Помнится история с их более ранним киноочерком «Вы знаете Гинца?» Савватий Михайлович Гинц был в 1960-е годы ярчайшей фигурой в литературном и издательском мире: блестящий журналист, автор книг об А. Гайдаре и В. Каменском, главный редактор Пермского книжного издательства. Очерк снимался к 70-летию С.М. Гинца.

О самых разных сторонах его незаурядной личности рассказывали хорошо знавшие его коллеги, журналисты, писатели. Одним из них был Виктор Петрович Астафьев. Ещё до начала съемки он предупредил: «Ребята, у вас это не пройдет – вас всё равно заставят меня вырезать».

Виктор Петрович уже был в то время для партийного руководства города персоной «нон грата», ему не прощали его резких высказываний, его правды о войне – правды солдата... На собрании в писательской организации он схватился с секретарём обкома партии Кириенко. Такого не спустили! Последовало негласное требование: Астафьева на экран не пускать!

...Так и случилось – интервью с В. Астафьевым пришлось вырезать. Очерк вышел без него.

На летучке киноочерк Лебедевой и Шаховой был высоко оценён, его предложили занести на доску лучших передач. В разгар обсуждений явившийся на летучку председатель обрушил на авторов громы и молнии: «Почему – Гинц?! Это не та фигура, о которой следует делать фильм!»

Удивительно! Но через несколько лет этот же человек, уже будучи пенсионером, на улице бросился к Лебедевой: «Галина Михайловна! Да я только ваши передачи и смотрю – ваши и Шаховой!»

Вспоминая о совместной работе с Верой, Галя часто повторяет: «У нее бывает такое: вот “сверкнёт”! – вдруг какое-то внезапное решение, неожиданный поворот, и оказывается, что это – самое главное». «Передачу надо “придумать”», – это я часто слышала и от Веры.

Вот так, когда они обдумывали передачу для детской программы «Будильник» на ЦТ, «сверкнул» замысел: Иван Семёнов – на пенсии! Ведь все помнят, что этот «второклассник и второгодник», герой повести Льва Давыдычева, мечтал скорее выйти на пенсию...

И сразу все стало получаться! Мы придумывали смешные ситуации – и сами хохотали! Потом в этом маленьком спектакле снялись те же исполнители, что и в фильме К.А. Березовского: Вова Воробей и те же ребята.

В московской редакции выдумку оценили – прислали благодарственное письмо.

Совместная работа всегда обогащает, особенно, когда собираются единомышленники и «думают в одну сторону»... Нам доводилось поработать троём. Особенно мне помнится наш видеоочерк «Дом, в котором я живу». Можно сказать, это был многоликий портрет одного дома на улице Ленина – его все называли «стометровкой».

Когда познакомились с нашими будущими героями, – а среди них были капитан речного флота, семья врачей, пекарь хлебозавода, в этом же доме на 6-м этаже были мастерские художников, – надо было понять, как и чем живут эти люди, что их сближает, и в то же время найти «особость» каждого, чтобы высветился он «лица необычим выраженьем». Задача была сложная, и мы трудно работали над сценарием... Помню одну ночь, когда мы что-то переделывали, перекраивали и измучили чуть не до обморока нашу подругу Риту Константинову, которая стойчески перепечатывала всё заново.

Съёмки начинались вечером, когда наши герои возвращались с работы, да и у нас днём были дела в редакции. Уставали... Вспоминается сцена наших сборов на съёмку: «Валидол взяла?.. Так, анальгин есть, папаверин тоже...» И Галин бодрый голос: «Клячи, за мной!»

Но радовали люди, их доверчивость, открытость; от общения с ними оставалось чувство тепла и сердечности... Мне кажется, что передача получилась и даже, в какой-то степени, являла собой «срез» общества середины 80-х.

Многие стороны дарования моих подруг тогда не могли найти применения в журналистике – они реализовывались в студийных «капустниках». Это тоже было творчество – причём, свободное, бесцензурное, а потому особенно радостное. Были времена, когда все мы были сравнительно молоды, и процесс этот захватывал всю студию. К праздникам, юбилеям коллег создавались целые шоу – со съёмками, куплетами, театральными сценами... Основными авторами сценариев всегда были Лебедева и Шахова – вот где проявлялись их юмор и неистощимая фантазия! Подключались и другие, в стихах и прозе писали пародии на передачи, высмеивали наши промахи и ошибки – «ляпы» в эфире.

«Действо» обычно проходило в самой студии и транслировалось по внутреннему каналу в фойе, куда к телевизорам сбегались сотрудники из всех цехов. И часто через толстые звукопроницаемые двери студии мы слышали взрывы хохота!

Эти «капустники» были отдушиной для всех и, хоть на время, объединяли нас.

Но наступал новый день, и каждый шел к своему «станку», и снова нужны были силы, чтобы «держаться стойку».

«Но в памяти моей такая скрыта боль...»

Когда задумываешься, – откуда такие характеры – стойкие, бескомпромиссные и в то же время ранимые, откликающиеся на человеческую и общественную боль, – приходишь к мысли: из детства. Что упало в почву детской души – то и проросло...

Из первых Галиных воспоминаний – арест тети Дуси, любимой маминой сестры, она была оперной певицей; жили некоторое время в Китае, а после возвращения в Россию её муж был расстрелян – «за шпионаж в пользу японцев». За год до этого, в 37-м, «исчез» мамин брат Николай, а в доме появился его сын Толик... А потом началась война... Алевтина Петровна, мать Гали, до ночи пропадала в школе – она была директором и старалась после занятий быть с детьми – ведь половина из них были сиротами. Гале пришлось полностью взять на

себя заботу о маленькой сестре, – даже в школу пошла позднее на год. Мать относилась к ней, как к взрослой – больше рассчитывать было не на кого.

«Детства не было, – вспоминает Галя. – Был голод, мысли о еде, добывание еды. И плач Нasti, которая просила есть».

В 1944-м, видя бедственное положение семьи, Алевтине Петровне предложили поехать в сельский район инспектором по детским домам. В Верхне-Калино увидела жуткую картину: нищий, разоренный и обворованный детский дом и 200 голодных и оборванных детей, сирот войны – у одних родители погибли, у других были репрессированы. И Алевтина Петровна осталась здесь работать директором.

Врезалось в память возвращение из лагеря тети Дуси: «Поздно вечером неожиданный стук в дверь – и голос, так похожий на мамин... Я не узнала её: зелёный длинный ватник, подпоясанный ремнём, фанерный чемодан... По телеграмме примчалась мама из Верхне-Калино... Они стояли в темноте прихожей, припав друг к другу, молча, иногда шепча: «Дусенька моя!..» – «Люсенька...»

Много лет спустя Галя прочла воспоминания одного из узников Вятлага и узнала, что там был создан театр, и тетя Дуся играла в нём. И пела арии из опер и любимые украинские песни. И кто знает, скольким людям помогла выжить в лагерном аду эта сильная женщина...

А в 54-м вернулся дядя Коля – с открытой формой туберкулеза. На воле он прожил только год...

Могли ли эти воспоминания не запасть в душу, не оставить след на всю жизнь? Могло ли не отозваться, когда в зале университета им, студентам, читали доклад Н.С. Хрущева на XX съезде, и обратились к собравшимся: есть ли среди них те, кого коснулись эти события, – и по залу пронесся сдавленный стон?

Позднее, когда стали просачиваться подробности о сталинских лагерях, когда по рукам стали ходить пачки «нелегальщины» – затертые листочки машинописных перепечаток романов А. Солженицына, ротапринтные копии зарубежных изданий, – именно у Гали мы могли получить – с превеликой осторожностью! – драгоценные раритеты тех лет. Так же по цепочке передавались тексты речи А. Синявского и Ю. Даниэля на суде, материалы хельсинкской группы...

Мне в руки попала поразительная книга – «Бодался теленок с дубом» А. Солженицына, изданная за рубежом. Читать её было практически невозможно: весь нижний угол страницы до половины

был «изъеден» – истлел от многочисленных прикосновений пальцев. Сколько десятков рук судорожно листали её, торопясь прочесть и передать следующему!

А позже, в 80-е, «открылись шлюзы» – и хлынул поток ранее запрещённой литературы. Это было пиршество! Мне кажется, что встречаясь, мы ни о чём другом не говорили, не спорили.

...Незабываемый день 19 августа 1991 года – путч... Он мог стать последним для молодой демократии, вернуть всё страшное и подлое, что страна по капле изживала в своём прошлом.

В студии растерянность: что делать?! Лебедева идет к заместителю председателя комитета по телевидению, просит камеру для немедленного выезда на съемки. Приказ: никаких действий, никаких передач... Узнаёт, что камеру можно взять в телекомпании «Рифей», где уже есть хорошая техническая база, но в эфир они ещё не выходят. Едет к ним, и с новой портативной камерой и техником – на улицы! Она взяла множество интервью – большинство пермяков поддерживало Ельцина!

На следующий день она в законодательном собрании: отношение к событию разное – на одних лицах нескрываемое торжество, но большинство считает переворот незаконным...

В это время на студии молодой режиссёр Лёша Куприянов, закрывшись в аппаратной, монтирует видеоклип на текст одной из песен И. Талькова – он выходит в эфир 20 августа – и десятки телезрителей потом говорили, что после суток молчания в эфире это было первой вестью перелома и скорой победы, дышать стало легче...

21 августа в «Пермских новостях» вышел сюжет Никиты Чернова и 30-минутный репортаж Галины Лебедевой, смонтированный ночью на студии «Рифей»... И в этот день была победа! События трёх дней в августе 91-го проявили многих... В студии состоялся митинг. Журналисты наступали на руководство: «Почему нам не дали работать? почему мы молчали?!»

Думаю, что «прорыв» Галины Лебедевой повлиял на взгляды многих молодых, укрепил их в убеждении, что журналистика – это действительно передовой край.

«Я начала дышать...»

Девяностые годы – самое начало! – эпоха небывалых надежд, огромного подъёма общественного сознания, человеческой активности. Казалось – изменится вся жизнь!

Мы были прикованы к экранам телевизоров: транслировались заседания Верховного совета. Шли ожесточённые схватки между демократическими силами и приверженцами старого режима,

захватывающие выступления А.Д. Сахарова, который был для нас «совестью эпохи». Все это будоражило, вдохновляло...

Стали упраздняться политзоны – но реабилитации политических заключенных еще не было. Начали открываться спецархивы...

Галяна Лебедева была одним из первых пермских журналистов, которые начали писать о лагерях, размещенных в области, первая поездка в сентябре 91-го года с группой журналистов в колонию «Пермь-35», где еще находились 15 последних политзаключенных, уже был издан Указ Президента Б.Н. Ельцина об освобождении всех политических, но на местах не торопились, – и тогда они объявили голодовку...

Передача называлась «Лицо на групповом портрете». На фоне колючей проволоки мы увидели каждого – это были сильные, несломленные люди, убежденные в том, что нельзя мириться с режимом, где преследуется инакомыслие, где регулярно нарушаются права человека. Среди них были профессора, общественные деятели, военные, накануне выхода из лагеря они готовы были бороться дальше. «Не сниму голодовку – до конца!» – сказал один из них. «До конца» – означало: «до смерти»...

Спрашиваю Гаю: «Как могла “проскочить” в эфир передача открыто “диссидентская”?» – «А это было вскоре после путча – после победы, и дух свободы носился в воздухе, эйфория длилась недолго, но что-то успели сделать».

Галя объездила все бывшее лагеря в Чусовском районе, где находились политзоны.

В лагерь «Пермь-36» на конференцию бывших узников съехались сотни людей – «сидельцы» зон, общественные деятели, журналисты из разных городов и стран. Открывался первый в стране Музей ГУЛАГа. Собственно, музея как такового еще не было – им была вся территория лагеря.

...Расходились по «своим» баракам, узнавали свои камеры, свои нары. Из куска полосатой лагерной одежды кто-то сшил себе шапочку– на память... Невозможно забыть эти лица, эти глаза! Но встретившись «У последней черты ГУЛАГа» (так и называлась передача), они вспоминали не о перенесенных невзгодах, многие повторяли: «Мы не жертвы! Мы знали, за что боролись, на что шли».

Тема не отпускала... В пермском архиве Галя нашла материалы так называемого «пермского дела», получившего огласку в начале 1970-х. По нему проходили более ста человек, но осуждены были двое:

Олег Воробьёв и Рудольф Веденеев, о них и были сняты две серии видеофильма «Пермское дело». Работа над ними шла почти полгода.

Две разных судьбы, по которым прокатилось «красное колесо»... Им было тогда по 30 лет. Р. Веденеев много читал – всё, что было запрещено: Н. Бухарина, А. Лосева, А. Авторханова, – пытался понять ход российской истории, приведшей к тоталитаризму. О. Воробьёв уже участвовал в московских демонстрациях, был знаком с диссидентами, возил мешками литературу в Пермь. «Я знал, что делаю, я шёл на лагерь», – вспоминал он.

Съёмки фильма погрузили обоих в воспоминания об аресте, о том, как шел процесс, – оба отказались от адвокатов, на суде защищались сами... Незабываемы эпизоды, когда их привезли в те места, где они отбывали срок: Воробьёв – в зоне «Пермь-36», Веденеев – в Широковской зоне Кизеллага. Нахлынувшее прошлое подступало к горлу... И опять мы услышали: «Мы не жертвы. Мы отстаивали право иметь своё мнение. Мы боролись за то, чтобы общество освободилось от кошмара тоталитарного прошлого».

Над фильмом вместе с Г. Лебедевой работали режиссер Г. Малиновская, оператор В. Кириллов, звукорежиссер В. Лысков – слаженная группа, и не только профессионализм, но и человеческое понимание, сопереживание сделало этот фильм волнующим, остроэмоциональным. Пишу об этом так подробно, потому что в этих фильмах особенно ярко проявились убеждения Галины Лебедевой, ее гражданская и человеческая позиция – то самое «не могу молчать».

И еще потому, что кроме «отдельных представителей» нашего поколения об этих событиях – о нашумевшем некогда «пермском деле» – уже никто не помнит...

В апреле 1992 года Г.М. Лебедева была аккредитована в качестве специального корреспондента при пресс-центре 6-го Съезда Верховного совета РФ.

Хочу привести воспоминания режиссера Галины Малиновской, с которой они работали над разными программами много лет:

...Особенно вспоминаю наши с ней поездки в Москву, когда шла сессия Верховного Совета, – позднее – заседания Государственной Думы. В перерывах журналисты всех телекомпаний “штурмовали” депутатов, отлавливали их в курилках и коридорах. Надо было молниеносно сориентироваться. Нам удалось тогда взять интервью у многих политиков, известных журналистов и общественных деятелей, среди которых были Марк Захаров, Олег Басилашвили, Сергей Шахрай. А Галину Старовойтову мы снимали целый день, передачу так и назвали: “Прогулки по Кремлю с Галиной

Старовойтовой». Тогда так остро всех интересовала политическая жизнь страны, хотелось выявить позиции депутатов, узнать прогнозы. Со всеми, с кем Галина Михайловна работала, возникали удивительный контакт, доверительность и уважение друг к другу.

Галина привезла тогда из Москвы «обойму» передач, заряженных такой энергией, такой остротой политической борьбы и верой в демократические силы страны! Ее точно поставленные вопросы требовали таких же прямых ответов, почему «буксуют» реформы, почему не принимается один из главных законов – «О земле». Депутаты открыто говорили о жестком противостоянии сил: идет борьба за власть, и победа будет нелегкой. «Этот съезд – момент истины, теперь видно, кто есть кто», – сказал один из них.

Местом для разговора с Г. Старовойтовой съемочная группа специально выбрала Кремль, где все дышит историей, где каждый памятник – символ, и потому становился точкой отправления для новой темы в разговоре. И Г. Старовойтова раскрылась не только как политик, но как человек, размышляющий о нашей истории и ее движущих силах, о духовности и нравственности, о нетерпимости к отголоскам сталинского режима. Но больше всего – о человеке, о том, что выше человека, его свободы нет ничего.

Когда все эти передачи, одна за другой, вышли в эфир, мы были поражены! Даже тогдашний президент Пермской телерадиокомпании «Т7» Г. Волчек, особо не жалующий журналистов, вынужден был признать: «Ну, Галина Михайловна, – такой драйв!»

...Это было лучшее Галино время – по ее собственным словам. «Я начала дышать – я почувствовала свободу! Было ощущение полета... Я жила!»!

Папка с «ботиночными» шнурками

Обычно Галя, читая книги, просматривая десятки журналов, делала выписки, собирала вырезки из газет – ее интересовали сведения об истории, мемуары, воспоминания об известных поэтах и писателях, публикации архивных документов. Для нее работа в фондах музея и в архивах была любимым делом – почти страстью! Какие-то выписки, рукописи, перепечатки лежали горами. Мы посмеивались над ее «архивизмом» – и дарили ей толстые канцелярские папки с «ботиночными» шнурками и пугающей надписью «Дело №...». Постепенно они заняли все пространство подоконника и полки шкафов в ее комнате.

Но эта тяга к собирательству и «исследовательству» оставалась «тайной любовью» – она не могла быть реализована в редакции пропаганды, где работала Галина Лебедева.

В самом конце 90-х, когда наша телекомпания «Г7» стала дочерним предприятием ВГТРК и пермские передачи должны были вписываться в сетку российского канала, для крупных проектов вообще не было места. Приходилось довольствоваться 10-минутными отрезками. Галя старалась использовать каждую возможность. В год, когда Пермь готовилась отметить 275-летие, она создала цикл передач о первых летописцах и краеведах Перми: В. Шишонко, В. Верхоланцеве, А. Дмитриеве, В. Трапезникове – четыре небольших фильма, построенных на музейных фотографиях и документах.

В то же время у нас с Галей возник проект телевизионного альманаха «Пермский медведь» (очень нравилось само название, и надеялись, что в юбилейный год нашу заявку утвердят). Разработали тематику, придумали много рубрик, которые охватывали бы разные периоды, разные стороны жизни города в прошлом и настоящем... И хотя проект был одобрен, ему не суждено было осуществиться: телевидение уже было «в рынке»... Надо было искать спонсоров – но таковых не нашлось.

Кое-что из задуманного все же удалось воплотить: нам предложили делать юбилейный «Пермский альбом».

Снова вместе – с Галей и Верой – сидели в фондах музея, просматривали множество документов, старинных фотографий. Искали яркие события, интересные детали, которые помогли бы вдохнуть жизнь в каждый сюжет. Воссоздать атмосферу помогали музейные экспонаты; какие-то ситуации инсценировали и озвучивали актеры, десять страниц альбома – десять маленьких очерков, в каждом – своя тема: «отцы» города, его основатели; городская дума; купцы-пароходчики и предприниматели, меценаты, благодаря которым Пермь строилась и развивалась; архитекторы – их здания до сих пор самые красивые в городе... И конечно, сами пермяки – их профессии, образ жизни.

Просматривая видеозапись сюжетов Альбома, заново удивлялась: какие значительные, полные достоинства лица у купцов и заводских рабочих, какой симпатичный, уютный город, какая налаженная, обустроенная, по-своему мудрая жизнь Перми на рубеже двух прошедших столетий.

...Вот так, работая в фондах музея, Галя Лебедева обнаружила в дореволюционных документах фамилию своего деда по матери – Кунтенкова Петра Алексеевича.

Возможно, с этого все и началось...

«Кто ты? Какого ты роду-племени?» – Как часто мы встречала этот вопрос еще с детских сказках и былинах. Желание узнать о своих

предках, почувствовать себя звеном длинной цепи, уходящей в глубину лет, рано или поздно приходит к каждому. «Но кто мы и откуда...» – этот вопрос задают чаще всего, когда спросить уже некого.

Наверное, это чувство корней дает понимание непрерывности жизни делает человека мудрым...

От того давнего документа с дедовской фамилией Галя начала разматывать клубок «исторической памяти». В церковных книгах нашла записи о рождении, крещении многочисленного потомства Петра и Анастасии Кунтенковых – Галиной матери, ее сестер и братьев.

А дальше нить потянулась в нижний Новгород, откуда родом была бабушка. Галя ездила туда, искала документы, удостоверяющие ее девичью фамилию – и нить протянулась еще дальше в века... Обо всем, что узнала за несколько лет непрерывных поисков в пермских архивах и церковных книгах, переписки с архивами других городов – она пишет. Пока – для себя; ей необходимо передать вот это – обретенное! – чувство своих корней... Но книга – а судя по тем главам, что я прочла, это повествование о судьбах семьи – будет интересна многим. Всё, о чём раньше с таким увлечением вычитывала в книгах М. Осоргина, в летописях В. Верхоланцева и А. Дмитриева – описание города, быта и занятий пермяков, – ожило для нее, стало фоном, меняющимся, как кадры кино, в который вписалась жизнь ее родных. Но впереди еще немало работы – ведь найдены новые следы... И главное – написать о самом родном человеке – о маме.

...Незабываемое у Чингиза Айтматова: «Помни имя свое...»
Помни мать свою, род свой... Этой великой связью поколений держится человек, держится мир.

Сейчас в архиве пермского края есть фонд Галины Лебедевой – она сдала множество своих сценариев, фотографий, писем. Она убеждена, что каждый человек – свидетель своего времени, и в будущем документы его жизни будут ценным материалом для историков. Через какие-то пару сотен лет далекие потомки с таким же волнением, как мы сейчас, прикоснутся к папкам (впрочем, какие папки?! – компьютеризация охватит все стороны жизни!).

Во всяком случае, герои её очерков и видеофильмов – те, с кем свела её журналистская судьба, у кого брала интервью и вела долгие беседы на экране, каждый в отдельности и все вместе – портрет нашего времени.

В трудовой книжке Галины Михайловны Лебедевой – единственная запись о приеме на работу: «4 августа 1958 года,

Пермский областной комитет по телевидению и радиовещанию». Она – одна из «последних могикан», тех, с кого начиналось в 1958 году Пермское телевидение.

Видеофильм «Призвание – небо» и «До свидания, мальчики», посвященные работе с трудными подростками, в 1969 году на Всесоюзном фестивале молодёжных и детских программ в Тбилиси удостоены специального приза жюри.

Видеофильм «Дают ли юношам полки» на Зональном фестивале телевизионных молодежных и юношеских программ в Новосибирске в 1972 году отмечен первой премией и дипломом.

В январе следующего года на всесоюзном фестивале, завершающем зональные конкурсы, эта же работа получила Гран-при.

По материалам передач, посвященных проблемам нравственного и социального становления юношества, с конца 60-х написаны несколько книжек в серии «Юноше, обдумывающему житье», выпускаемой Пермским книжным издательством: «Науки юношей питают», «Мал – мала меньше», «Кто, если не ты?» и др.

В апреле 1980 года за безупречную и добросовестную работу Государственным Комитетом СССР по телевидению и радиовещанию награждена Знаком «Отличник телевидения и радио».

В 1988 году за серию передач «На контроле – производство минеральных удобрений» и «Дневник строительства пермской ГРЭС» награждена дипломом пермского отделения Союза журналистов СССР в рамках ежегодного конкурса имени А. Гайдара. Одновременно за освещение успехов в развитии народного хозяйства области удостоена «Бронзовой медали» ВДНХ. В 1992 году за видеофильмы «Лицо на групповом портрете» и «У последней черты ГУЛАГа» на международном фестивале публицистических и художественных программ в Воронеже удостоена специального почетного приза жюри.

В эти же годы за серию выпусков публицистического видеоканала «Авось» в конкурсе имени А. Гайдара награждена дипломом 1-й степени. В 1995 году программа «Авось» отмечена почетной грамотой Госкомитета РФ за журналистский поиск и успешное воплощение на телеэкране актуальных тем и проблем современности.

Г.М. Лебедевой присвоено звание Заслуженного работника культуры Российской Федерации.

М.В.Левин,

Председатель Совета ветеранов Пермского ВГТРК

ЖУРНАЛИСТ ЭДУАРД ШУМОВ

Помните фильм Никиты Михалкова «Свой среди чужих. Чужой среди своих»? Так вот, там есть такие кадры: когда в разговоре между собой одни из главных участников действия упоминают фамилию Шилов, то на их лицах обязательно появляется добрая улыбка и теплеют взоры. Никак не могли они поверить, что этот Егор Шилов мог стать предателем.

Это я к тому, что, с кем бы я ни заговорил об Эдуарде Шумове, всегда добрели глаза у собеседников, и лица озаряла улыбка. Вот такой он был человек – **Шумов Эдуард Владимирович**, или просто Эдик. Так его называли друзья и просто знакомые. И те, и другие всегда говорили, что у Шумова не могло быть врагов. Не умел он их наживать. А главный редактор газеты, в которой работал Э. Шумов, рассказывал, что было много обид у жителей Пермского района, которые поздно узнали и не смогли проводить Эдуарда Владимировича в последний путь. Так редактор и сказал, что Шумов за тридцать с лишним лет работы в газете объездил весь район, знал всех и его все знали. Его материалы в газете ждали и читали. Ему верили. Вот главное слово – верили! Потому что он никогда в своих заметках, статьях, зарисовках не соврал. Даже в официальных материалах не писал лишь бы как. Всегда находил неожиданный поворот, главную ниточку, важный факт. Так что материалы с заседаний Земского собрания, Совета глав поселений или Совета директоров обычно поручалось писать ему. Что говорить – профессионал. С большой буквы.

Поэтому неудивительно, что предложение о присвоении Эдуарду Шумову звания «Почётный гражданин муниципального образования Пермский район» было принято единогласно.

Случилось это в декабре 2005 года. Тогда Эдуарду Владимировичу исполнилось семьдесят лет. Помню, мой приход к нему домой: он показывал мне и этот документ о присвоении звания, и знак специальный, и Почётную грамоту, подписанную главой района.

Показывал как-то смущённо, но и радостно. Ведь недаром говорится, что ласковое слово и кошке приятно. Сколько таких добрых, хороших слов написал он за свою долгую журналистскую жизнь про людей земли нашей пермской. Вот и вернулись они к нему общим признанием.

А ведь мог стать учителем. И даже был им. Недолго, но был. Среднюю школу он закончил в Кунгуре. Как серебряного медалиста на филологический факультет Пермского государственного университета его приняли без экзаменов. На выбор места учёбы, наверное, повлияло то обстоятельство, что родители Эдика были связаны с образованием. Отец был заведующим районным отделом образования, а мать – учительницей начальных классов. И ещё немаловажная деталь – Эдуард очень любил читать. Вот так и попал он в студенческий коллектив, состоящий в основном из девушек. Конечно, на высокого, красивого парня девчата заглядывались. Их привлекала не только его внешность, но и интеллект. Как рассказывала жена Эдуарда: «девы» на него смотрели, а он – на меня. Так что на пятом курсе не устояла Лилия Анатольевна и дала положительный ответ на предложение руки и сердца. Студенческую свадьбу сыграли в квартире однокурсника Ивана Нагаева. Молодым подарили стёганое одеяло, и стали они жить в небольшом деревянном доме у матери невесты, где и так была куча народу.

Распределили их – дальше некуда – в село Кочёво Коми-пермяцкого округа. Август 1958 года. Дорог хороших ещё не было. До Кудымкара долетели на самолёте, а дальше – всю ночь на машине. В Кочёво приехали рано утром. Молодым педагогам предоставили маленький домик, дали матрас, одеяло и они, уставшие с дороги, легли спать. А когда проснулись, то увидели в окнах ребячьи лица. Весть о приезде новых учителей быстро разнеслась по селу. Так началась у молодой четы Шумовых самостоятельная жизнь. Супруг стал преподавать русский язык, литературу и математику в классах с пятого по десятый. Причём, это были сборные классы из украинцев, белорусов, прибалтов. Дети спецпереселенцев. А супруга преподавала русский язык, литературу, историю и географию в классах коми-пермяцких детей. Понятно, что пара эта заметно выделялась на общем деревенском фоне и культурой поведения, и учёностью своей. Именно там Эдуард вдруг пристрастился писать заметки в районную газету, которые у него охотно принимали и печатали. А в школе стал издавать рукописную газету. Так бы они и сеяли разумное, доброе, вечное, но... молодая супруга забеременела и после окончания учебного года уехала к маме в Пермь. Эдуарда сначала не отпускали, поэтому ему пришлось начать второй учебный год, но к ноябрю всё-таки отпустили. В Перми Шумовы устроились преподавать на подготовительных курсах при политехническом институте. В декабре Лилия родила сына, а Эдик подался на областное радио. Так в январе 1960 года Эдуард Шумов стал радиожурналистом.

Родился Э. Шумов в с. Черновском, приехал из Коми округа, может, поэтому и попал сначала в редакцию сельхозпередач областного радио, но недолго там пробыл. В том же году перешёл работать в редакцию детских и молодёжных передач, которую возглавлял тогда Павел Эпштейн. Ещё через год П. Эпштейн ушёл работать на телевидение и все бразды правления редакцией перешли к Э. Шумову. Все, кто с ним работал тогда в молодёжной редакции, а это и Галина Лебедева, и Надежда Гашева, вспоминают эти годы как одни из лучших в своей жизни. В их редакционной комнате всегда было многолюдно и шумно. Идеи и проекты рождались на ходу. Ах, если бы не главный редактор... если бы не цензура... Но и так они, молодые и задорные журналисты, делали передачи для детей и молодёжи не только яркими, интересными, запоминающимися, но и дающими повод к спорам и разборкам на общерадийных «летучках».

Вот что писала в 1991 году в своих воспоминаниях о недолгой работе на радио Надежда Гашева.

Однако вскоре мне стало хорошо в узкой длинной комнате молодёжной редакции, где часто стоял шум, где все острили, где наш общий начальник мог в разгар работы забраться на усилитель и с его высоты слушать, что же вышло у нас всех из очередного выпуска молодёжной передачи «Бригантина», где мы были и авторами, и корреспондентами, и актёрами, и дикторами.

Шумов пишет лирический радиоочерк «Перистые облака», и заезжий московский «мэтр» замечает эту удачу и поддерживает молодого журналиста на летучке, прямо ставит его в пример старшим. Галя Лебедева ведёт бои местного значения с райкомом комсомола, поддерживая школяров Мотовилихи, которым до смерти надоел бюрократичный комсомол, и выигрывает, и везёт ребят в Эстонию. Я делаю цикл передач «Подростки на перекрёстке», в результате чего издательство заказывает мне небольшую книжку в молодёжной серии, а потом и на работу приглашают, и это оказывается судьбой...

Я понимаю теперь, что Шумов и Лебедева уже тогда спорили с застойным стилем жизни и журналистики, с косным руководством просто самим фактом собственного стиля в жизни и журналистике. Нас они не учили писать (да и возможно ли это?). Учили работать – без украшения, без подмены факта (особенно когда ты недобрал материал) завитушками и финтифлюшками.

А заканчивала Надежда свой материал такими словами, обращёнными к Эдику Шумову: «Ты был моим лучшим начальником за всю жизнь». *Представляете! Такие слова дорогого стоят».*

Да, не стал Эдуард Владимирович школьным педагогом. Но вот учителем он всё-таки был всегда. И на радио, когда учил молодых журналистов хитростям – премудростям радиожурналистики, и в газете, когда приходилось просто по авральному, срочно, спасать номер, моментально надиктовывая нужный в данный момент материал. Да и просто в жизни. Вот пример. Немало ребят, которых он всего-то один год учил в Кочёвской школе, потом приехали в Пермь поступать в вузы. Так вот, кто тут в городе им был наставник и учитель? Шумов. Они приходили к нему домой за советом, а он не только эти советы давал, но и учил их азам жизни, вплоть до того – как завязывать галстук. А вот ещё интересный факт. Его рассказал сын Эдуарда – Константин. Кстати, сам педагог и журналист. Так вот, приехал Константин в 1991 году в командировку в город Красновишерск, и там у него обострилась язва. Попал в больницу. Врач спрашивает: «А вы не родственник ли Эдуарду Владимировичу?» Оказалось, что этот врач учился у Э. Шумова в Кочёво. Сколько лет прошло! Да и контакт ведь был не так продолжителен. А запомнился человек. На всю жизнь запомнился. Вот такой он – Эдуард Шумов.

А теперь вернёмся к словам Надежды Гашевой, где она говорит про издательство и книжку, которую ей заказали написать. Так вот, такую же книжку для подростков заказали и Эдуарду Шумову. Она, кстати, теперь есть в моей домашней библиотеке. Серия – «Юноше, обдумывающему жизнь». Называется книжка «Пусть всегда будет мама!», вышла в 1965 году. Вот где опять проявились педагогические способности Эдуарда. Эта книжка написана в форме разговора с юным другом. Назидательная, конечно, но интересная, с примерами из жизни. Как помнить родню и родину. Как выбирать профессию. Как дружить. Как не забывать маму. А заканчивается она так.

Ты живёшь на земле, радуешься солнцу и хорошей весне, познаёшь мир и цену настоящей дружбы. Ты гордишься беспредельным человеческим разумом.

Ещё только первые осмысленные шаги делаешь ты по планете. И к ним внимательно присматриваются умные спокойные глаза твоих старших товарищей. Они радуются твоим успехам и огорчаются досадным срывам.

Этим людям очень хочется, чтоб ты не обманул их ожиданий. Вырос бы честным и благородным человеком, нашедшим себя в труде, полюбившим всё самое прекрасное, что есть на земле.

Ты постоянно чувствуешь их дружескую руку. В безбрежном море жизни ты плывёшь, ведомый испытанными в бурях лопманами, которые наперёд знают все рифы и мели.

У тебя большое щедрое сердце. Его хватает на друзей, на увлечение космосом и даже другими галактиками.

Пусть найдётся в этом сердце место и для взрослых людей, твоих старших товарищей. Для сыновнего долга родителям, уважения к тому, кто много прожил на свете, кто научил тебя держать рабочий инструмент в руках и понимать прелесть музыки Чайковского. Пусть найдётся в твоём сердце место для чувства простой человеческой благодарности этим людям. И в этом тоже большой смысл твоей жизни.

Так писал Э. Шумов для ребят, вступающих в самостоятельную жизнь. Но ведь он и сам старался соответствовать этим словам. О его щедром сердце мне говорили многие, о его умении дружить рассказывала жена Лилия Анатольевна. Она с восхищением говорила о великолепной пятёрке, которая пронесла дружбу со школьной скамьи: Эдик Шумов, Юра Соболев, Толя Потешкин, Гена Селянин, Иван Накоряков. Все они жили в разных городах, но обязательно каждый год собирались у Эдика в Перми. А друзья – подруги по университету? И с ними он никогда не переставал дружить. А коллеги по работе...

Лично я не так уж и много поработал с ним рядом, в бытность его на радио, а запал он мне в душу на всю жизнь. Поэтому когда мне представилась возможность появиться у него в квартире по делу, то я был этому очень рад и попросил его тогда что-нибудь написать о тех годах и тех людях, когда начиналась его радиожурналистика. И он написал. А закончил свои воспоминания так.

Радио – это юность моя, пора мечтаний и открытий, поиска форм. Почти четырнадцать лет отдал я радиоделу. Прошло более тридцати лет, а в душе я остаюсь радийцем.

Стоит сказать, что Эдуард Шумов поработал на радио не только в молодёжной редакции, но и в редакции пропаганды. Его – беспартийного – утвердили в Обкоме партии на должность руководителя этого, главного в те годы, отдела. Может быть, не последнюю роль в этом сыграла Почётная грамота, которой ЦК ВЛКСМ наградил Шумова в связи с 50-летием комсомола. А может, и тот факт, что Эдик Шумов часто «звучал» не только по областному радио, но и по Всесоюзному. Программа «Юность» охотно принимала его радиоматериалы.

Сюда, в редакцию пропаганды, после окончания университета пришёл работать Вениамин Сопин, и именно Э. Шумов был его первым наставником. И, видимо, хорошим, поскольку Вениамин потом стал главным редактором радио. И верным товарищем. Он часто заходил к Э. Шумову, когда тот серьёзно заболел, искренне горевал,

когда Эдика не стало. Конечно, горевал не он один. На прощальной панихиде в тот зимний морозный день народу много было. А какие слова говорили... Если бы мог их Эдик услышать, не казённые слова сочувствия... Жаль, нет у меня возможности передать их здесь.

А как быстро разнеслась по Перми весть о том, что Эдика избили хулиганы и он в больнице. Было это ещё в 80-е годы. Не было сотовых телефонов, да и простые были не у всех, а узнали быстро. Переживали. И Эдик не только выжил, но и снова вышел на работу. А примерно через десяток лет новая беда – операция на гортани. И снова он не сдался. И снова – работа. До семидесяти лет работал.

Помню, собирался к нему в гости, позвонил, чтобы узнать, что купить больному. Ответ меня поразил: побольше газет. Он и в свои трудные дни продолжал интересоваться жизнью, много читал. Не только газеты. Книги перечитывал. Классику. Но и детективы разные читал.

А ещё он любил петь. Особенно романсы, нежные песни. Конечно, Б. Окуджава был у него в чести. Пел и В. Высоцкого. Помню, были мы как-то у нашего общего друга на дне рождения. Небольшая компания. Сидели, разговаривали. А потом Эдик вышел из-за стола, присел на корточки, прислонился спиной к стене и запел, немного запрокинув назад голову. До сих пор у меня перед глазами эта картина: мужики за столом до этого пели громко, «рвали», как они сами говорили, а Эдик запел спокойно, нежно. И все замолкли – никто не стал встревать в песню, чтобы не испортить её. Как он потом, после операции, жил без пения, ведь и говорить-то толком уже не мог. Но слушать песни продолжал любить.

Многое у него отобрала жизнь: красоту, здоровье, голос. Но не сумела отобрать главное – сущность его. Он таким и остался: умным, верным, добрым, бескорыстным. Ничего не накопил, конечно. Скромная квартира, в которой главное богатство – книги. Приехал в Пермь в чужих брюках и рубашке, жил впроголодь в общежитии, да и первые годы семейной жизни тоже были не очень лёгкими.

Всякое испытал. Делал ошибки? А как же. Кто без них проживёт! Но умел их признавать и исправлять. В отличие от некоторых сверстников сумел перестроиться и в работе, и в жизни, когда поменялся наш общественный строй. Не ныл, не поддавался обидам, не сваливал свои проблемы на других. За это его и любили. И будут помнить. Остались, конечно, в фонотеке краевого радио передачи, которые делал Эдуард Шумов. Остались и газеты с его статьями. Остались и люди, с которыми он дружил, с которыми жил, о которых писал. И всё это делал с любовью.

ВЫШЕДШИЙ ИЗ ШИНЕЛИ

Все, наверно, помнят ещё по средней школе фразу Ф.Достоевского о писателях своего поколения: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Немного перефразируя, можно сказать так и о замечательном прикамском журналисте **Альберте Александровиче Ничиперовиче**. Почему – об этом немного позднее.

Почти всю свою сознательную жизнь он был филологом, гуманитарием, краеведом и – самое главное – блестящим газетчиком. Откуда что взялось, сегодня, наверно, не скажет никто. Иных уж нет, а те далеке. Хотя вспоминают Альберта Александровича коллеги и друзья по-разному.

– Ничиперович. Строгий он был очень, – говорит один.

– Газету знал, как семинарист знает «Отче наш», – считает другой.

– Характер был – кремень! – это уже тот, кто попал как-то под горячую руку.

– Мужчина был импозантный, привлекательный, – это кто-то из женского пола, кто познакомился с Ничиперовичем, будучи далеко от бальзаковского возраста. То есть весьма юной. А Ничиперович тогда был «в самом соку».

– Как же он здорово людям помогал! – восхищаются некоторые «технические» сотрудники Пермской областной газеты «Звезда». Это сейчас она стала краевой и независимой.

– Без него как заместителя Главного «Звезды» не было бы в 1980–90-е. – Опять коллеги, но без тени зависти.

– Характерец ещё тот... – cedят другие. И тоже коллеги.

Заинтриговал? Тогда идем дальше.

Интрига с «шинелью». Собственно *Ничипора*, как его называли всю долгую жизнь в «Звезде», знавали и в Кудымкаре, и в Верхнекамье (Березники, Соликамск), и в умершей стране СССР. На истфиле ПГУ, приехав учиться из Кудымкара, он оказался в непривычной для себя среде. Но желания «стать таким, как все», у него не было. Ощущение, сложившееся из разговоров с его однокашниками (мало их осталось), что Альберт просто хотел подняться до тех, кто учился за соседним столом, прочитав больше, узнав больше, почувствовав глубже. Клеймо человека «из глубинки»

он, похоже, носил на себе довольно долго. И мучительно трудно его стирал. Не знаю, как это у А. Ничиперовича получалось, но... филистовские (или истфиловские) девушки таяли при виде его. Высокий. Обаятельный. Умный. Набранный, извините за слово, недополученное в школе своим упорством. Он был «почти что военный». Почему? Возраст-то не военный был. На занятиях по холодному времени года щеголял Альберт в шинели и сапогах. Конечно, была и другая одежда, но почему-то она никому не запомнилась. Поначалу ухаживать за девушками не умел – опыта нигде было набраться. Но под конец учебы стал чуть ли не записным ловеласом.

Для современной молодёжи многое в рассказе о А.А. Ничиперовиче будет просто непонятно. Поэтому пойдем через отступления.

Отступление 1. У моего папы была похожая ситуация. Пусть и чуть позже, чем у А. Ничиперовича. Папа приехал учиться на истфил из Кунгура. В тапочках, которые чистил зубным порошком, косоворотке и шароварах. Пальтишко, треух и старые ботинки – вот и весь гардероб. Жил в общежитии, в комнате на первом этаже, в ней же жили еще 11 человек, включая юристов. Его старший брат – дядя Юра – вернулся со службы на флоте. С клёшами. Папа их выпросил. Поносить. Отгладил с вечера так, что можно было воздух, как ножом масло, резать. Ночью в общежитии клёши спёрли – кто-то через окошко залез. Так и остался папа в шароварах. И жил на стипендию 20 рублей, еще из скудного семейного бюджета присылала «десятку» моя бабушка, школьный учитель. Дедушка умер еще до войны.

Жизнь в университете для других «не пермских» студентов мало чем отличалась. А. Ничиперович, постарше остальных, постоянно подрабатывал и, как утверждают однокурсники, какие-то деньги отправлял домой. Хотя в Кудымкаре прожить своим огородом было проще, чем в городе. Получал «продуктовые» посылки из дома, делился, как было принято, со всеми, кто его окружал. И... всеми силами старался изжить свою неловкость и провинциальность. Получилось удачно. Армейская выправка, стремление быть впереди – «Гайдаром» – сформировались еще во время жизни в Кудымкаре.

Кудымкар, Гайны. Семья была сослана. Раскулаченные. Из теплых краёв они попали на холодный Север, в глушь, в лесной посёлок Сергеевский, что в 40 километрах от райцентра Гайны, где с цивилизацией было туговато. Жили впроголодь, особой работы не было. Но привычная к труду семья поднялась на ноги.

Именно уничтожению крестьянства А. Ничиперович посвятил одну из лучших своих публикаций в газете «Звезда» за всю свою журналистскую карьеру в 1989 году «Как раскрестьянивали деревню».

Тогда уже стало можно писать о том, что происходило в стране в период становления «нового строя». Эту боль он пронёс через годы и выплеснул на газетную полосу только тогда, когда сердце и разум уже не могли выдерживать давления правды. Кстати, не нашёл в «Звезде» его полосных публикаций формата А2. Кроме этой. Писал А. Ничиперович обычно коротко – строк в 200 – максимум. А тут – не менее тысячи!

Цитата. *Была ли альтернатива сталинской политике в деревне? Была. Напомню, еще в 1921 году В.И. Ленин писал, что крестьянство в общей массе стало середняцким... По официальной статистике в 1927 году зажиточные (кулацкие) на нынешней территории области (Пермской – авт.) составляли 1,7%. Но местным администрациям было выгодно зачислять как можно больше крестьян в кулаки. Это давало возможность применять против них индивидуальное обложение, изымающее весь годовой доход, нередко сверх него...*

Эта преамбула показывает, как умело Альберт Александрович выстраивает композицию.

Из письма в ОГП:

Сганивают коров в более крупные хлевы, но ставят грудно, привязывают, а скот не привык, рвётся, разбивается. С овцами ещё хуже, содержание их хаотичное, кормят плохо... 4 марта 1930 года...

Неизвестны ни судьба письма, ни судьба автора. Но использование документа из архивов – свидетельство умения работать не только с людьми.

В официальных документах предписывалось оставлять раскулаченным необходимые вещи (белье, одежду, посуду), трехмесячную норму продовольствия. Но разве мы умели когда-то выполнять какую-нибудь директиву, не перегибая палку. Да и что церемониться с корнями капитализма, которые подлежат уничтожению.

Это уже совершенно по-журналистски: скупое, но точно дан комментарий, в котором – всё отношение автора к теме.

В Кишертском районе выселили 70-летнего старика со старухой за то, что их сын, живущий в городе, занимался торговлей. В Уинском в суточный срок у 28 семей конфисковали имущество... В Нытвенском районе у раскулаченных отобрали теплую одежду, все продовольствие, выдали лишь по 20 фунтов хлеба на семью. Беременных женщин и матерей с грудными детьми отправляли на поселение пешком.

Более всего Альберт Александрович переживал за «перегибы на местах» и хлётко обозначил их, просто цитируя документы.

Курсантка советско-партийной школы Анастасия Андриановна Тюрина написала в окружном партии: «...Ночью члены коммуны... едут к назначенным лицам и делают опись имущества, начиная с инвентаря и скота до маленького гвоздика. Если попадает съестное, то разносят, кто сколько сможет взять. Был факт при отчуждении... Снимали валенки с ног, платья с женщин, отбирали постели и деньги. У одной старухи были взяты даже 20 коп. Увозили ухваты, лопаты...

Не добавить, не прибавить... Что ещё очень важно в этой вроде бы аналитической публикации для понимания журналистского таланта Альберта Ничиперовича? Есть журналисты, которые идут от человека к проблеме. Есть журналисты, идущие от проблемы к человеку. А. Ничиперович умело сочетал оба подхода. Беда страны показана через беды ее граждан, а не только через сухую статистику. Хотя и статистику он использовал толково, что удаётся далеко не каждому журналисту.

Наш герой испытал все «прелести» раскулачивания на своей шкуре. Но ни разу не упомянул о «личном» в этой полосной публикации. Честь и хвала ему! Не упомянул не потому, что боялся – в «органах» об этом факте биографии хорошо знали. Видимо, не считал нужным.

И при тех боли и скорби, желания выбраться из более чем скромного существования в Кудымкаре, давления клейма раскулаченного А.А. Ничиперович смог дойти до вершины карьеры журналиста XX века. В Пермской области – как минимум. Смог прорваться в профессию, которая во все времена ассоциировалась с властью. Властью несправедливо наказанный и властью поднятый до высот. В этом, собственно, и его душевный конфликт. Из «шинели» он вышел через газету за счет таланта, умения трудиться и упорства на грани с упрямством. А ещё он попал в нужное время в нужное место.

Отступление 2. А как изыгть душевную скорбь? В монастырь уйти? Во времена СССР это означало конец жизни не только для себя (сам ушел от мира), но и для всех родственников и близких. Уходили обычно в то, что культурно называется *винопитием* или *внутренней эмиграцией*. Один мой знакомый журналист так и ушел в мир иной через *алкогольный протест*. Однажды утром не проснулся. А кто-то уходил в книжный мир – до темноты сидел в библиотеке, при свече читал *самиздат*, за который можно было бы и схлопотать срок. Читал «слепые» пятые-шестые экземпляры: «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Мой верный Руслан» Г. Владимова, «Кольмские рассказы» В. Шаламова; стихи А. Ахматовой, М. Цветаевой,

О. Мандельштама. Всё то, что «вернулось» в СССР в начале 1990-х годов. Почему пятые-шестые экземпляры? Принтеров и компьютеров не было, книги печатали на пишущих машинках с несколькими закладками «копирки». Чем дальше от первого экземпляра, тем бледнее копия. Одно время пишущие машинки были на учете в «органах», чтобы можно было определить по шрифту, на каком именно аппарате печатали *самиздат* или подпольные листовки.

А.А. Ничиперович, по свидетельству своих коллег, человеком был весьма начитанным. Да и журналисту быть малообразованным по тем временам было просто невозможно. По некоторым свидетельствам он почитывал и *самиздат*. Но ещё одну отдушину использовал, как и многие другие студенты. Это – стенная газета факультета. В ней можно было допускать и некоторое вольнодумство, особенно «держат фигу в кармане», используя умение советского человека читать «между строк». Чем и пользовались студенты.

Довольно рано, ещё курсе на втором, Альберт Ничиперович стал писать для пермских газет. Не очень много, но вполне хватало, чтобы стать *студкором*, что очень пригодилось в дальнейшей журналистской карьере. Немаловажно было и то, что он довольно рано вступил в КПСС, пройдя через комсомольскую карьеру ещё в ПГУ. Это было неизбежно, беспартийных журналистов можно было найти разве что в молодежных изданиях и в «районках». А А. Ничиперович планку для себя поднимал высоко. Трудно сказать, заработал бы он в центральных газетах, ходили слухи, что его звали не то в «Изнестия», не то в «Правду». Потенциал был. Возможно, пресловутая «пятая графа» и пятно в биографии семьи не позволили расти как журналисту дальше.

А «пятая графа» – не более чем недомыслие чиновников разного рода. Происхождение фамилии – украинско-белорусско-польское. Генеалогическое древо отдельных её ветвей составляет только сегодня. А Ничиперовы были тульскими боярами XV–XVII вв. Фамилия никак не местечковая.

Первая черта профессионала. Одинаково хорошо он писал обо всём, хотя делал это реже, чем мог бы. Пока «перестройка и ускорение» не грянули. И мы не ввалились в «капитализм с человеческим лицом». Писать о партийных, комсомольских и профсоюзных форумах было тяжело, но – надо...

Цитата из репортажа по титано-магниевому комбинату в Березниках.

Думаю, даже такие скупые данные (речь идет о взаимодействии партийных органов с производством) дают представление о деловой и политической зрелости. Одно из

проявлений этой зрелости – умение видеть перспективу, сосредоточивать внимание коммунистов и всего коллектива на главных, основных направлениях...

– Виновата не пурга, – заметил секретарь парткома. – Вчера на совещании в горисполкоме нам сделано замечание: недостаточно выделяем техники для уборки снега на улицах.

Представить такой диалог на страницах сегодняшних газет просто невозможно! Но Ничиперович «дожимает» ситуацию «досуха» в своей публикации. Вывод простой – партийная власть и производство плохо дружат между собой... Для тех времен – смело!

Первая черта профессионала – смелость.

Редактор газеты «Звезда» Сергей Трушников вспоминает.

– Шла уже перестройка. И хотя партия в Перми всё еще была сильна, сурова и неподсудна, партийные нравы потихоньку смягчались. И вот в феврале 1988 года мне выпал случай подвергнуть в «Звезде» критике Бориса Всеволодовича Коноплева... Обычно в субботу вел номер заместитель редактора (Ничиперович), а тут сам Юрий Николаевич (Вахлаков – редактор газеты «Звезда» – авт.) звонит чуть ли не через каждый час по внутреннему телефону: ну, скоро ли ты, давай поторапливайся! ... В понедельник отчет, занявший почти всю первую полосу воскресной «Звезды», признали на редакционной планерке лучшим в номере. Меня поздравляли. Кто-то, правда, сквозь зубы, как и при всяком чужом успехе. Но не заместитель редактора! Ничиперович был совершенно искренен.

Отступление 3. Во времена Советского Союза было негласное, но неуклонное правило для журналистов. Критиковать можно только то начальство, которое ниже твоего. Не поняли? Поясню. Если учредителем газеты является обком КПСС (была такая партия!), можно критиковать горком, райком (любой), партком предприятия. Или отдельных членов обкома. Но ни в коем разе – организацию в целом. Хочешь покритиковать – отправляй свою публикацию прямоком в ЦК КПСС (ужас!). Кто-то, положим, выкручивался следующим образом – отправлял текст своей публикации в вышестоящие инстанции типа горкома ВЛКСМ или КПСС. Тексты спускали ниже – тем, кого критиковали. И оставалось только ждать результата. Получалось не всегда. Ничиперович умел добиваться ответов на публикации и с начальством не особенно церемонился.

Вторая черта профессионала. Когда Альберт Александрович вступил в должность заместителя редактора, ему зачастую приходилось делать работу редактора самому. Это связано с тем, что во времена Советского Союза редактор областной партийной газеты должен был быть членом областного бюро КПСС. Должность-то –

номенклатурная. Членство в бюро предполагало активную работу с аппаратом, рядовыми членами КПСС, участие в пленумах, партконференциях. Времени представительская функция отнимала немало. В отсутствие редактора его функции автоматически переходили к заместителю. Работа эта тяжелая, не дай бог «накосячишь» – тогда полетит голова и редактора, и твоя собственная. А быть уволенным из органа обкома КПСС – означало почти что получить «волчий билет».

А. Ничиперович, как говаривают журналисты «Звезды», «лепил» первую и вторую полосы. Они были самыми тяжелыми. Информация – нулевая, сплошной «официоз». Речи Л.Брежнев, Ю.Андропова, К.Черненко, М.Горбачева, Б.Ельцина. Отчеты о пленумах ЦК КПСС и съездах, официальная информация ТАСС...

Но делал он это как заместитель редактора совершенно профессионально.

– *Я бы сказал, виртуозно*, – говорит редактор «Звезды» Сергей Трушников, который начинал работать собкором газеты в те времена, когда Альберт Александрович только перешел на должность зам. редактора. – *Он очень тонко и точно чувствовал газету. Это была одна из его отличительных черт как журналиста.*

Все коллеги, которым удалось поработать с А.А. Ничиперовичем, отмечают, что он всегда был безукоризненно ответственен. И требовал такой ответственности и дисциплины от своих подчиненных... вплоть до того, что ссорился со многими ещё в начале рабочего дня.

– *Утром встречаешь в коридоре, а он начинает воспитывать*, – вспоминает один из журналистов со стажем (просил фамилию не указывать). – *То не так, другое не так, почему спишь со своим материалом, давно должна была сдать. Распоясались все, один отдел новостей работает! Сам он тогда этот отдел и курировал. И был более благосклонен к той мужской компании.*

– *Попробовал Ничиперович меня один раз по струнке построить*, – рассказывает другой журналист (тоже, что характерно, просил фамилию не называть). – *Я его отбрил так, что больше не наезжал. Мы с ним одинаково начинали – с собкоров, я успел районкой поруководить. Так что и по возрасту, и по опыту – разница была не очень большая.*

Планерки А. Ничиперович проводит в манере довольно жёсткой, «на орехи» доставалось многим, кого-то и до слёз мог довести, но, в конечном счёте, скрепя сердце, соглашались. Возможно, именно поэтому несколько человек, успевших поработать в «Звезде» с

Альбертом Александровичем, не хотят называть свои фамилии. Воспоминания – не из самых приятных.

Так что стиль руководства был тот ещё, в манере разносов на партийных совещаниях с председателями колхозов. Может быть, такой и нужен был в областном партийном издании...

Третья черта профессионала. Ещё одно, что А. Ничиперович высоко ценил в любом человеке, – равнодушие. И считал его одним из главных профессиональных свойств журналиста и партийного работника. Он ясно видел проблемы взаимодействия партийца и общества. Вот одна из них. Заместитель главного редактора размышляет над письмами читателей. «Равнодушие – не просто пассивность» (1987).

...Один из молодых товарищей по истечении кандидатского срока отказался вступать в партию. Мотивировал свой поступок он тем, что местная парторганизация, по его мнению, неавторитетна. Некоторые коммунисты проходят мимо недостатков, проявляют равнодушие и нетребовательность...

Там отмечались серьезные недостатки в воспитании молодых коммунистов, низкая требовательность к членам партии, допускающим различные нарушения...

Партия не приемлет равнодушия. Никому не позволено прикрываться авторитетом КПСС. Авторитет этот ни на кого не переносится автоматически, а завоевывается личным примером, активной жизненной позицией.

А. Ничиперович всегда считал, что членство в партии налагает ответственность большую, чем для беспартийных. Для него членский билет никогда не был отмычкой к благам, и в этой публикации он четко показывает, что ответственность напрямую связана с равнодушием.

Среди авторов писем и коммунисты, и беспартийные. И все они единодушно осуждают черствость, равнодушие, которые не совместимы с обликом советского человека и званием члена партии тем более. Особенно нетерпимы эти качества у людей, которым доверены руководящие должности. Вместо того, чтобы внимательно вникнуть в конкретные человеческие заботы, они делают вид, что заняты какими-то другими, более важными делами.

История не знает сослагательного наклонения. Но, не сомневаюсь, Альберт Александрович говорил бы те же слова о равнодушии и черствости современных чиновников, депутатов и «партийцев», только с большим накалом страстей, ведь журналистика

за 30 лет очень поменялась. Он мог бы это сделать – с убийственной иронией и даже сарказмом.

Снова и снова повторяется простая истина: от настроения людей на работе и дома, уважительного отношения к ним в немалой мере зависят судьба наших планов, производственных показателей.

Неравнодушие А. Ничиперович выносит на первый план дискуссии. Если убрать «дежурные» цитаты из речей партийных лидеров и документов, вполне современная публикация получилась. Кстати, цитат немного: в тексте строк на 400 слово *КПСС* встречается три раза, фамилия *Брежнев* – всего один. В публикации на первом месте – проблемы людей.

Отступление 4. Конечно, сегодня в тех массовых масштабах, как 30 лет назад, «нарушения партийной дисциплины» не встречаются. Да и партий стало больше. Тем более, вряд ли кто-то из молодых знает, что такое «кандидатский срок». И как вступающие в компартию через комсомол молодые люди целый год ходили в «кандидатах в члены КПСС», участвуя в жизни парторганизации. Бывало, им срок продляли. И как готовились к проверке на «совете ветеранов», старых большевиков, которые были весьма скрупулезны и дотошны. Характерный пример. Мария Проскуракова, которая входила в состав Президиума Облсовпрофа, семь (!) лет проходила в кандидатах, пока её ни приняли. Была из семьи репрессированных, отречься от родителей отказалась.

А.А. Ничиперовичу повезло больше. Семейное «пятно» в биографии не особенно повлияло на его карьеру в Перми. И от родителей он не отрекался.

Четвертая черта профессионала. Кроме неравнодушия, профессионал должен обладать и такой чертой, как человечность.

Неравнодушным человеком называют А. Ничиперовича и многие, кто работал с ним рука об руку. Квартирный дефицит и дефицит товарный диктовали в те времена особые производственные отношения. Уродливое словечко *блат* и явление, которое оно обозначает, «приползло» в СССР из голодной эпохи 1920–30-х годов, из бандитских подворотен и «малин». Был *блат* и номенклатурный – пресловутые «продовольственные заказы», которые получали партийные, комсомольские и профсоюзные работники. Чем выше ранг, тем богаче «заказ»: от сосисок, банки шпрот и банки сгущенки до красной икры, сервелата и копченого лосося. Квартиры через Облисполком и Обком КПСС распределялись целевым способом. Но существовали некоторые ограничения.

«Звезда» как орган партийной печати умела «выбивать» дефицит для своих сотрудников к большим праздникам, а «номенклатурные» получали свои «заказы».

– У дочки день рождения приближался. – Вспоминает один из бывших технических сотрудников газеты. – *А мы в растерянности – что на стол ставить – на рынке нам не по карману покупать. Альберт Александрович по собственной инициативе подарил нам шампанское, баночку икры, сервелат. Громадный дефицит по тем временам. Я потом узнала, что он иногда делал такие подарки.*

А другой сотрудник как-то обмолвился, что живут они очень стесненно. Альберт Александрович промолчал. Через полгода семья уже получила от государства квартиру, вне очереди.

Эту его черту вспоминают несколько человек, но опять же, на правах анонимности. Парадоксально! Впрочем, и человеком Ничиперович был парадоксальным. Он «гонял» журналистов, которые могли позволить себе приложиться к рюмочке во время рабочего дня. Но после 16 часов позволял себе и сам. Сначала в кругу трех человек из отдела и только после сдачи номера в печать, потом и пораньше, и в одиночестве, иногда начинал свой рабочий день, принимая 100 граммов. Как считают коллеги, это пристрастие его и сгубило, он постепенно сдавал и сдавал как журналист и как работник редактората.

Он старался избавиться от своего тяжелого «кудумкарского» периода. Но при этом до последних дней жизни не терял связи с земляками – работниками тоже весьма высокого уровня. Чуть ли не еженедельно они ходили вместе в баню. Рыбачили. Охотились. И сказали самые проникновенные слова на похоронах...

Пятая черта профессионала. Для Ничиперовича очень важным качеством было умение писать чётко, доступно и при этом образно. Он не терпел небрежности и неточности в журналистской речи. Нешадно вычеркивал неудачные выражения, абзацами сокращал длинноты. Для журналистов «Звезды», – а в газету приходили не желторотые птенцы, – это было хорошей школой.

Стилистика сегодняшних СМИ в целом поменялась.

Представить себе в сегодняшней газете заголовочный комплекс 1960-80-х годов практически невозможно: *«Работать сегодня лучше, чем вчера. Социалистические обязательства Пермского завода имени Дзержинского»;* *«Коварные планы США в Северной Африке»;* *«Без больших капитальных затрат»;* *«Рабочие титано-магниевого комбината перевыполнили план за квартал»;* *«Пятилетний план в совхозе «Ленинский» перевыполнен».* На сегодняшний взгляд – просто ужас какой-то. И совсем не потому, что у заместителя редактора (именно в его обязанности входит работа над заголовками) не хватало фантазии. У А. Ничиперовича она присутствовала в избытке. Но не

принято было в партийной газете «играть» заголовками. Только на последней полосе, где размещались «Спорт», «Культура» и «Юмор».

Со временем заголовки и темы стали меняться. Он за них и отвечал. В результате газета «заиграла»: *«Нужна ли нам реклама?»*; *«Местная мафия пошла на посадку»*; *«Ваучеры: за или против?»*; *«Талоны на мясные изделия сохраняются»*; *«Проститутки: кто они?»*.

Согласитесь, как на ладони, видны проблемы общества 1990-х! Журналистика стала более острой, более информативной, стилистически приблизилась к разговорной речи. Уверен, что «корявости», которые встречаются на страницах наших газет и в интернет-СМИ, Альберт Александрович высмеял бы в своем фельтоне. Только вот этот жанр сегодня тоже не в чести.

При всей остроте современные СМИ растеряли больше половины своей «эффективности». Сегодня на страницах российских печатных изданий рубрика «Газета выступила, что изменилось» – редкий зверь. А в советские времена каждая критическая публикация ставилась на контроль партийными или профсоюзными органами. «Отмазы» встречались и тогда, но чаще меры принимались действенные. Вот только было невозможно встретить критическую публикацию в адрес Генерального Секретаря ЦК КПСС. Сегодня – всегда пожалуйста! Хоть на Президента, хоть на Премьера, да хоть на Господа Бога! А дальше – ждите ответа... Многие публикации обсуждались на общих партийных, комсомольских и профсоюзных собраниях. По ним выносились резолюции, которые отправляли в адрес руководителей разных уровней. Сегодня же пишут преимущественно Президенту и Прокурору.

В «Звезде» сегодняшней традиция, к которой А. Ничиперович относился с трепетом, продолжается.

Горбачёвские «перестройку» и «ускорение» Альберт Александрович воспринял несколько настороженно. Он не высказывался однозначно, но не прятал камень за пазухой. И эта реакция – совершенно правильная по тем временам. К чему мы придём, с какими потерями, что приобретем – было непонятно. Потеряли, похоже, больше, чем приобрели. По крайней мере, в журналистике.

ОТДУШИНА. За время профессиональной журналистской работы А.А. Ничиперович стал шестикратным лауреатом областной журналистской премии имени А. Гайдара (больше «гайдаровских звезд» только у пермской журналистки Ольги Штраус – 7). Рядом с ними никого больше нет, разве что журналист той же «Звезды» Наталия Семенова – четыре раза. Так же, как мой папа, радио- и

газетный журналист Эдуард Шумов – тоже четыре раза. И это с 1966 года. Альберт Ничиперович и сам был «гайдаром». В том понимании слова, которое стало легендарным – «скачущий впереди». А у Аркадия Петровича Голикова, о котором А. Ничиперович писал три раза в «Звезде», было несколько пристрастий, кстати, характерных для советских журналистов. Очень он любил «тихую охоту» и то, без чего никакая охота не обходится.

Отступление 5. Рассказывает Александр Екубенко, скульптор, художник-график.

– Он же у нас на даче жил, папа мне рассказывал (папа Саши – известный пермский скульптор). Шёл Гайдар в лес с корзинкой, в ней склянка с уксусом, перец, соль и бутылка водочки. Дойдёт до первого белого гриба, срезает, ножку в корзинку, шляпку кладет на землячку, наливает в неё чуток уксуса, соль-перец сыплет, вешку ставит. И дальше идет. Со следующим белым грибом делает то же самое. И вешку ставит. Когда наберет штук пятнадцать, возвращается к первому. Выпивает 30 граммулек, закусывает шляпкой, которая уже подмариновалась. И идет дальше по вешкам. К концу похода уже и сыт, и пьян!

А поутру ложился в колоду с холоднющей водой из ручья, приходил в себя и садился работать.

Кстати, Альберт Александрович тоже бывал на даче у А. Екубенко. Когда-то там собиралась интеллектуальная и творческая элита Перми. По моим представлениям, А. Ничиперович был лауреатом областной премии вовсе не за красивые глаза и шинель, которую он не носил много лет – с выпуска истфила ПГУ. Он **умел рассказать** на второй полосе «Звезды» о главных установках КПСС **так, что можно было читать...**

Умение писать о многом (не обо всём!) – качество для журналиста редкое. У Альберта Ничиперовича это качество было. Он мог абстрагироваться от редакционной текучки и написать что-то для Души.

Не удержусь, процитирую его текст про нашего блестящего журналиста Бориса Назаровского. Написан он был к 80-летию «Звезды».

Журналистика была не единственным делом, которому он посвятил свою жизнь. Краевед, историк, преподаватель вузов, редактор научной и художественной литературы, общественный деятель... И повсюду Борис Никандрович оставил яркий след, добрые воспоминания. Мы гордимся, что многие годы такой человек был редактором нашей газеты...

Почти все слова, которые писал А. Ничиперович про одного из своих учителей, попадают, как пуля «в десятку», в образ нашего героя. Хотя есть и некоторые расхождения, связанные с особенностями эпох.

Политикой, по его собственному признанию, не занимался, до 1917 года газет не читал, больше увлекался художественной литературой...

Во времена, когда А.А. Ничиперович формировался как личность и профессионал, невозможно было не интересоваться политикой и не читать газет.

Отношение редактора зависело от отношения человека к делу. Оно было благожелательное, но не благостное. За промахи в работе строго спрашивал, но выговорами не разбрасывался... За малейшую ошибку материал вообще не оплачивался. Многие из этих уроков Назаровского стали традиционными, живут в наши дни.

Сам А. Ничиперович работал и руководил именно так.

Редактором не может быть человек с холодными рыбьими глазами. Редактору свойственна заинтересованность в авторе.

И это – тоже о Ничиперовиче.

Блестящий краевед, знаток истории своего края.

И это – Ничиперович. Свое тонкое знание истории коми-пермяков и их культуры Альберт Александрович показал в публикации брошюры 1990 года «Размытые корни // Миян шог». Публикация проблемная – об утрате самобытной культуры целого народа. На неё есть ссылки в двух кандидатских диссертациях, защищенных в начале XXI века в Ижевске и Москве. На публикацию «Спецпереселенцы» имеется ссылка ещё в одной кандидатской диссертации. Только за 1987 год Альберт Ничиперович публикует в «Звезде» четыре краеведческие статьи. При этом он не просто переписывает чьи-то книги, он работает в архивах. А это уже – свойство исследователя.

«Березниковско-соликамский период» работы получил свое воплощение в книжке «Сильвинит: Страницы истории» (2000 год) и нескольких краеведческих статьях. Для него эти работы были отдушиной, способом отойти от журналистской рутины. А её в профессии хватает.

Закончу цитатой из публикации самого А.А. Ничиперовича о Назаровском.

Да, по-настоящему талантливый, умный, волевой человек редко бывает одномерным. В любом деле он умеет проявить себя, показать свои способности...

Эти слова очень подходят к Альберту Александровичу Ничиперовичу.

Т.П. Чернова,
заслуженный работник культуры РФ,
член Союза журналистов

ДИРИЖЕР СВОЕЙ СУДЬБЫ

Безграничная ограниченность... Парадоксальное словосочетание, но оно удивительным образом подходит к **Галине Дубниковой**. Ограниченная в физическом движении, она – главный редактор единственного в России издательства, чьи книги, брошюры и газета помогают больным людям, инвалидам справиться со своим недугом.

Легкой её собственную судьбу не назовёшь... Подъём в пять утра. Час приходится потратить на экипировку – передвигаться она может, только надев ортопедические аппараты. На работе в издательстве Галина Дубникова привыкла быть вовремя. День всегда насыщенный: просмотреть почту, ответить на звонки, отредактировать статью, деловые встречи. Она не делает себе никаких поблажек, привыкла жить в определенном ритме.

Вся жизнь невольно обращивается вечным сопротивлением обстоятельствам и постоянной борьбой за право быть такой, как здоровые.

Шёл 1959 год. Время оттепели. Впрочем, в нашем университете (особенно на гуманитарных факультетах) и раньше царил демократический дух творчества и свободолюбия, поэтому необычную студентку на костылях приняли по-доброму. Её знали в лицо все преподаватели, и каждый старался чем-то помочь.

В то время куратором был Соломон Юрьевич Адливанкин – великолепный педагог, человек высокой культуры и истинной интеллигентности. Знакомиться с новой студенткой Соломон Юрьевич пришел сразу, что определило характер их добрых и дружеских отношений. Галина его доверие оправдала – занималась с усердием и училась хорошо. Только, чтобы каждый раз не ездить на такси, приходилось раз в неделю, учитывая свободное посещение лекций, оставаться на ночь в университете. Здесь на кафедре русского языка и застала её однажды поздним вечером Мария Александровна Генкель, зав. кафедрой, ученый с большими степенями, строгая, но справедливая. Журить не стала, наоборот – выдала ключи от комнаты и попыталась создать более комфортные условия для отдыха. Долгие годы дружбы связывали студентку, а потом и выпускницу университета с Анастасией Ивановной Шориной – великолепным

знатоком своего предмета и добрейшей души человеком. Словом, на факультете Дубникова не только познавала секреты великого могучего русского языка, но и обрела веру в огромную силу дружбы.

Получив в 1964 году диплом, Г. Дубникова попала в издательство «Звезда», где стала корректором. С рождением газеты «Вечерняя Пермь» в 1968 перешла туда также корректором, а по сути выполняла роль литературного редактора. Великолепное знание языка, умение найти точное слово и яркую метафору, толерантность и тактичность в служебных отношениях – таков её стиль. Любой из журналистов считал за честь, если Дубникова «прикасалась» к его тексту. Но после 24 лет работы в редакции она вдруг подала заявление об уходе.

– Как члену президиума Пермского отделения Всероссийского общества инвалидов мне посчастливилось побывать в Англии, где я была буквально потрясена великолепной системой организации помощи и поддержки инвалидов. Социальная и медицинская поддержка обеспечивалась серьезной информационной службой... У нас об этом можно было только мечтать...

Галина мечтать не стала, а решила: если не я, то кто?! Так на страницах «Вечёрки» появились тематические страницы о жизни инвалидов, а потом осуществились и более дерзкие планы. Именно тогда, в 1991-м, и «заболела» Галина Александровна идеей создать в Перми издательство для людей с ограниченными возможностями.

Идея создания газеты для инвалидов многим казалась бредовой, невыполнимой идеей. Но Дубникову поддержал директор самого крупного в ту пору в Прикамье издательства «Звезда» Борис Шараев.

Перестройка... Сколько слёз она пролила, сколько звонков сделала чиновникам, сколько кабинетов обошла на костылях, но всё-таки дело с мертвой точки сдвинулось.

Первый номер газеты «Здравствуй!» вышел в свет 12 апреля 1993 года. Эта газета оказалась нужна инвалидам как «вздох». Кстати, любопытная деталь – выход газеты совпал с очередной годовщиной старта космического корабля. Разве не символично?

Сегодня редакционно-издательский центр «Здравствуй» работает по шести направлениям, каждое из которых адресовано людям с ограниченными физическими возможностями. Это и публикация законов и правовых актов, рассказы о судьбах людей, победивших свои невзгоды, советы и рекомендации врачей, детская серия, документальная литература и выпуск собственной газеты.

Подобное специализированное издательство, замечу, единственное в России – уже выпустило книг и брошюр общим

тиражом 350 тысяч экземпляров и завоевало на различных конкурсах и фестивалях более пятидесяти дипломов и наград.

За 20 лет РИЦ сменил адрес, «оброс» солидным авторским активом, есть постоянные редакторы и авторы, имеется и профессиональный специалист в технологических вопросах. Без единомышленников серьезного проекта не осилить, но едва ли идея получила бы свое воплощение, если бы не энтузиазм и напор Галины. Некоторых своих авторов главный редактор по-матерински опекает, помогая становлению талантливой личности. Да и духовная поддержка, рассказ о возможностях и свершениях личности и самого общества инвалидов становятся внушительным доказательством и стимулом к действию.

В уютной маленькой «хрущевке» Галины Дубниковой часто собираются друзья, чтобы послушать стихи, которых она знает немало. Любит путешествовать, хотя без помощников ей не обойтись.

...Жизнь сама по себе уже чудо, но такая, как у нее, сродни подвигу, хотя сама Дубникова так не считает.

Впрочем, о человеке и его профессиональной состоятельности обычно судят по его делам, и в этом нет никакого открытия. Поэтому и было решено дополнить рассказ о журналисте Галине Дубниковой словами её коллег и авторов материалов газеты «Здравствуй!», главным редактором которой она является 20 лет.

Е.Ширинкина,

заслуженный работник культуры РФ,
член Союза журналистов России

Её 20 апрелей

Её жизнь, отношение к своему любимому делу заслуживают искреннего восхищения. Но, зная характер Галины Александровны, её неумолимое требование никогда не преувеличивать роль личности в истории, невольно вспоминаешь строки, прочитанные в газете «Здравствуй!»: «Не восхищайтесь мною. Желание жить полной жизнью не заслуживает восхищения». И они как нельзя лучше передают независимый дух и силу характера этого человека, ставшего двадцать лет назад организатором и редактором областной (краевой) газеты для инвалидов «Здравствуй!», а также и редакционно-издательского центра – единственного такого центра в России.

Почти двадцать лет – с апреля 1993 года – РИЦ «Здравствуй» обеспечивает информационную связь инвалидов Пермского края с обществом, помогает людям найти себя, возвратиться в жизнь, вооружает их полезными знаниями, дает возможность реализовать

свои творческие способности, рассказывает о людях, событиях и добрых делах.

Двадцать апрелей в биографии Дубниковой – многочисленные авторы, эксперты, издатели и журналисты, надежные друзья, которые вместе с нею четыре пятилетки стоят на непростой вахте, призванной просвещать и помогать.

Традиционная колонка редактора, публицистические статьи, репортажи, очерки, зарисовки, интервью – все формы и жанры, все творческие приемы использует Дубникова в своей газете, чтобы вести предметный и заинтересованный диалог с читателем, с властью, с обществом. Читаешь заголовки этих материалов, а в каждом – идея, настроение, жизнь Галины Александровны. Вот лишь некоторые из них.

Выжить вопреки. Галина Дубникова стала инвалидом первой группы в раннем детстве. Вопреки всему она окончила филологический факультет Пермского государственного университета. Хорошую школу прошла в газете «Вечерняя Пермь». Ее творческие работы публиковались в журнале «Огонёк», в газете «Комсомольская правда», в местной прессе. Дубникова стояла у истоков создания Всероссийского и краевого общества инвалидов, участвовала в учредительной конференции в Москве. Сегодня Галина Александровна – Почетный член ВОИ, награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, знаком уполномоченного по правам человека Пермского края «За защиту прав», победитель фестиваля «Женщина года» в номинации «Феномен». И только она да самые близкие знают, чего стоят ей каждый успех и просто каждый шаг.

Установка только на победу! Нерастрченный творческий потенциал, накопленный опыт, желание активно помогать людям помогли ей принять важное решение в жизни. В сложные 1990-е, когда рушились привычные устои, менялись государственные приоритеты, Дубникова обошла (объехала на коляске!) не один десяток различных организаций, вербуя союзников, заражая их своей идеей, и ценой немислимых усилий добилась её реализации. Сегодня, по оценкам специалистов, газете «Здравствуй!» нет среди региональных изданий для инвалидов равных по насыщенности разнообразными материалами, по их остроте. Среди наград газеты около 50 дипломов, почетных грамот, благодарностей, она неоднократно становилась победителем конкурсов, в том числе обладателем первой премии в престижном конкурсе среди социальных изданий России.

Позовите – помогу. Эти слова – не только принцип редакции газеты «Здравствуй!», но и жизненное кредо редактора. Не счесть писем с просьбами о помощи, которые поступили в редакцию. И ни одно не осталось без внимания. Галина Александровна щедро делится своими советами, заинтересованным участием, оптимизмом. Она обращается во властные структуры с предложениями, мольбой, требованием оказать людям, находящимся в сложной ситуации, конкретную помощь и содействие.

Просто надо любить. Для Галины Александровны Дубниковой любовь значит многое в жизни. Она беспредельно любит свою работу, годами выстраданное дело. Как профессионал-филолог, она любит литературу и всегда рада помочь в исканиях тем, кто делает первые шаги в творчестве. Но более всего она умеет любить людей и дорожит теми, с кем сводит ее судьба.

Хотите начистоту? Ей очень хорошо знакомо чувство отчаяния. Когда дело стопорилось и казалось, завтра не наступит никогда, она искренне делилась своими переживаниями с читателями, пыталась понять сама и объяснить другим, почему опускаются руки. Наука выживания учила черпать силы в себе и в сердечном отзыве читателей. Так и идут они по жизни двадцать лет вместе, помогая друг другу, читатели газеты «Здравствуй!» и ее редактор.

Чем душа жива. Дубникова умеет мечтать и строить интересные планы. Галину Александровну радует каждый новый день, каждое новое имя в газете. Вдохновляет движение вперед: молодой читатель взрослеет на глазах, а кто постарше – щедро делится верой и надеждой. Добрые всходы заметны: в Прикамье формируется благоприятное общественное мнение по отношению к людям с инвалидностью. Впереди новые проекты, освоение нового пространства.

Число инвалидов в Пермском крае, увы, не уменьшается, а это значит, что очень многие нуждаются в опыте преодоления жизненных трудностей, пытаются обрести друзей, стремятся реализовать в обществе свою активную гражданскую позицию. Им есть на кого рассчитывать...

* * *

Однако есть ещё мнение читателей и авторов газеты. Многие из них заочно перезнакомились друг с другом, активно сотрудничают с изданием. Каждый автор – как своего рода инструмент оркестра. Услышать его звучание помогут отрывки из книги «Друзьям на память, или Калейдоскоп души» (Литературно-публицистический сборник, посвященный 20-летию газеты «Здравствуй!»). Ее

подготовила одна из постоянных авторов газеты Р.Ю. Сибеева. И вышла целая антология стихов и прозы 17 авторов (600 страниц!), связанных со своим изданием на протяжении почти всех 20 лет.

Р.Сибеева,
составитель

Даже не верится, что такой огромный жизненный путь позади. Спасибо, «Здравствуй!», что ты есть, что познакомила и подружила нас. Спасибо, что заметила наши творческие искания и помогаешь их развивать. Спасибо, что просто помогаешь жить: ведь каждый твой номер – это бальзам на душу, это «окно» в мир, это проверка дел и судеб. Ты – островок нашего счастья, наш верный и преданный друг. Ты подарила и даришь мир красоты человеческой жизни. Горжусь твоими героями и радуюсь за авторов. Спасибо! Будь!

Анна Ганюшкина,
поэт, с. Никольское Сакмарского района
Оренбургской области

Когда-то давно я взяла в руки эту газету, прочла ее и уже не смогла расстаться с ней. Притяжение было настолько сильным, что каждый новый номер ждала с большим нетерпением: прочесть, вдуматься, посмотреть с некой высоты на свою жизнь, сравнить ее с жизнью другого, такого же, как и ты, – беспомощного и слабого, но ищущего опоры, не утратившего веры в себя. И еще: откровенная, доверительная, дружеская, умеющая вселить надежду «Колонка редактора», которая прочитывалась в первую очередь. Не часто встретишь в печатных изданиях такое участие главного редактора к читателю, когда его разговор-беседа, как общение с близким человеком, вносит ощущение праздника и света в твои серые будни. Живое теплое слово будоражит, тормошит тебя, поднимает и вытаскивает из болота апатии, лени, равнодушия. И куда-то уходит отчаяние, нерадостное настроение, утихают боли и обиды, будто Ангел надежды встает рядом с тобой, укрепляя твою душу.

Спасибо моей газете за то, что с ней я духовно выросла и возмужала, обрела мудрость и понимание, укрепила свой характер, стала образованней, умнее, сильнее. Спасибо творцам газеты за труд души и сердца. Спасибо моим друзьям-коллегам по перу и читателям за чуткость и внимание, за дружеское плечо.

*Мощная поддержка – с нами «Здравствуй!»
В этой жизни вместе с ней участвуй!
Телом слаб? – духовно возрождайся,*

*Только не сдавайся, не сдавайся!
Открывай свой мир – он пред тобою,
Птицей воспаря над злой судьбою.
Каждый день – от Бога нам подарок,
Сделай так, чтоб был он чист и ярок.
Мрака в мысль не допустить старайся.
Не сдавайся! Слышишь, не сдавайся!*

* * *

*Выхожу на арену «Здравствуй»
С доброй мыслью и взглядом здоровым,
Расскажу о своей проблеме,
Поделюсь тем, что есть, со всеми.
Распахну свое сердце другу
И вернусь к житейскому кругу.
От участия и слов совета
Вся наполнюсь солнечным светом.*

Василий Семеновых,
ст. Ферма

Души твоей прикосновение...

С чем или с кем можно сравнить возраст газеты или журнала и провести аналогию? С человеческой жизнью?! Не убедительно и субъективно. С другими изданиями прессы? Возможно, но неоднозначно. Наверное, жизнь печатного издания зависит прежде всего от профессиональной пригодности-состоятельности журналистов, финансового обеспечения и от заинтересованности читателей в этом. А в наше жесткое время и при обилии множества источников информации трудно удержаться на плаву и дышать, как бы хотелось.

Но краевая газета «Здравствуй!» – газета особого рода. Настроенная на определенную аудиторию и категорию людей. Впрочем, я думаю, что ее читают не только инвалиды. И 20-летие газеты – это довольно солидный возраст и стаж. Тем более, если знать нюансы ее зарождения, с какими трудностями приходится встречаться для выпуска очередного номера и «изворачиваться» родителю и главному редактору газеты. Но о редакционных сложностях, как и обо всем, что касается ее личной жизни, Галина Александровна предпочитает не рассказывать. А читатели чувствуют, что она прекрасный и опытный журналист, филолог... из её разных корреспонденций, репортажей, очерков, «Колонки редактора».

Так уж случилось, что с газетой я познакомился случайно, когда 10 лет назад мне принесла почта один из ее номеров. С тех пор – я не

только постоянный читатель, но и внештатный автор. Перелистывая старые номера газеты, вижу неуспокоенных, неординарных и интересных людей с различными взглядами и устремлениями. Мы живем не в изоляции друг от друга, не на необитаемых островах. И хотя инвалидность кого-то ограничивает в движении и даже «приковывает» к постели, зато душа, мысли, мышление не могут оставаться замкнутыми в пространстве квартиры. И на страницах газеты «пульс» автора чувствуют земляки. Отраднo, что земля пермская щедра талантами.

*20 лет для газеты – история,
20 лет – это целая жизнь.
Это творческий путь, у которого
Светофором горел оптимизм.
Это время не мышкою серою
Со страниц промелькнуло для нас.
Не пером – оголенными нервами
Наши судьбы писались не раз.*

* * *

*Наши боли и радости снова
На страницах газеты бурлят...
Животворное действие слова –
Это как панацеи заряд.
Пусть не будет поставлена точка
В диалогах газеты с людьми.
Как весной на дереве почки,
Так с газетою связаны мы.*

Мария Паршакова,
г. Пермь

Родной газете

*Обширно пишущее братство.
Газет кругом не перечесть,
Но все же в «Здравствуй!» без лукавства
Особенное что-то есть.
И ты, несведущий читатель,
За пафос это не сочти.
Она – наш маленький спасатель,
Сотрудник МЧС почти.
Попавшим в кораблекрушение
Метнёт спасательный жилет.
Из одиночества, забвения
Укажет путь на белый свет.
Лижем, как островитянин,
Узрев на горизонте плот, –
Со свежим номером газеты
К нам вновь спасение идет.*

Анатолий Касьянов,
кандидат филологических наук,
(Здравствуй!, 2008, 4 августа)

Шаг навстречу непройденному

Не могу не коснуться 15-летия «Здравствуй!». На мой взгляд, получился праздник одной большой семьи. И слава Богу, что была возможность «слететься» вот так, всем вместе. Спасибо всем-всем за тепло, за внимание, за добросердечность, радостные улыбки, искрящиеся глаза!.. Отраднo, что наши ряды из года в год пополняются молодыми, талантливыми авторами.

Не стоит забывать и еще об одном немаловажном моменте. О том, что подобными мероприятиями мы во всеуслышание заявляем о своих немалых успехах, а значит, о своей социальной активности и, более того, о своей социальной значимости.

Нас часто преследует заблуждение, что после следующего рубежа – будь то законченное дело или достижение определенного возраста – станет легче. Отнюдь. И успехи наши, и возраст прибавляют чувства ответственности, возрастает ощущение долга, обнажается совесть. И чем дальше идёшь, тем отчетливее понимаешь, что осилил лишь малую толику своего пути. С прожитым постигаешь, что, карабкаясь вверх, часто скатывался вниз, а начиная что-то новое, порой не завершал намеченное. Душа устает, изнашивается, стареет и, как правило, не от работы, а от неумных желаний и страстей. Труд же, напротив, возрождает нас, мобилизует жизненные, духовные и телесные силы, побуждает двигаться дальше, отгоняя прочь болезни, усталость и хандру.

Газета «Надежда», 2010, № 6
(орган Центрального правления ВОИ,
Москва; по поводу юбилея Г.Дубниковой)

Газета под руководством Галины Александровны является одним из лучших печатных органов всей российской инвапрессы, а издательский центр превратился в авторитетное специализированное издательство. Книги издательства «Здравствуй» стали важным звеном в общей цепочке: информационное просвещение – морально-психологическая поддержка – реабилитация информационными средствами.

Успехи, достигнутые Г.А. Дубниковой на избранном ею поприще, еще раз доказывают известную истину: безграничные возможности силы духа и творчества побеждают любые физические ограничения.

Юбилей – это богатство Ваших трудных трудовых лет, это участие неравнодушного сердца в судьбах ближних и дальних своих, это неутомимая творческая работа мысли, ищущей воплощения своих замыслов в реальность дела. Ваша авторская рубрика, предваряющая «вход» в газету, – это особый настрой, в котором оптимистическое начало и жизнеутверждающая нота звучат со всей силой страсти Вашего беспокойного сердца, и эти живые солнечные строчки проникают в самые глубины наших душ и творят чудо с нашим настроением.

Галина Дубникова,
из колонок редактора

Я, мне, нам? или мы сами?

*Не смотри на меня, как на равного, –
Помоги, подсоби, поддержи.
И сегодня, поверь, равноправие –
Не для тела, не для души...*

Так откликнулся мой знакомый на девиз очередного мероприятия общества инвалидов «Смотри на меня, как на равного». И подумалось тогда: действительно, ну как воспринимать меня ровней какой-либо пышущей здоровьем девице, или крутой даме, вершащей оборотистые дела, наконец, простой труженице, пусть обремененной семьей, если я...

Если я всего-навсего, мягко скажем, не первой молодости, если «махровый инвалид» и хожу с превеликим трудом, если от здоровья даже среднего уровня далека, если семья моя – «сам один», а все деловые потуги обусловлены неизбежностью долга...

Пожалуй, в этом доводе все и сказано. Да! Я не хочу, чтобы на меня смотрели с долей недоверия: мол, неужели на что-то она еще способна? Я не хочу, чтобы результатом моих дел умилялись, как от сотворённого ребенком или идиотом. И в то же время я не хочу, чтобы проходили мимо, когда мне требуется очевидная помощь.

Лозунг «Смотри на меня, как на равного» не так прост и однозначен. Он вмещает в себя и сострадание, и готовность подать руку. Да, как на равного, если видеть во мне человека со всеми моими возможностями, способностями, желаниями, ничуть не меньшими, чем у других, вне зависимости от моих физических возможностей или отсутствия таковых. Скажете, рассуждаю так от гордости? От независимости? Ничего себе, независимость, когда абсолютно не можешь обойтись без поддержки и помощи и всем существом молча

вопишь: «Помоги! Подсоби! Поддержи!». Однако на то мы и люди-человеки, чтобы воспринимать все не на одноклеточном уровне.

Невольно захотелось привести один эпизод из моей жизни, о котором до сих пор вспоминаю с укором совести.

Англия. Благотворительный ужин в респектабельном ресторане. За довольно внушительным и роскошно сервированным столом – гости: благополучные мужчины и дамы, и почти рядом с каждым... очень больные люди. Инвалиды с нечленораздельной речью, блуждающим взглядом, движениями невпопад, обильным слюноотечением... При всем при том все они нарядно одеты, и, что больше всего поражало, на лицах – явное выражение удовольствия и даже радости.

Я тупо взирала на все это, пытаюсь понять: «Зачем это? Самообман богатых, играющих в благотворительность?» Спустя несколько дней я все-таки задала мучивший меня вопрос. Мне объясняли долго, как неразумному: так ведь они же люди! Собаки тоже не говорят, а их холят, держат – любят! А это же – люди! После чего возникла пауза. Я замолчала, устыженная простотой ответа, они – от непонимания моего непонимания...

А помощь, поддержка друг друга пусть находят самые разные формы – от готовности улыбнуться навстречу до обустройства мира, в котором живем. Или я не права?

А жить стоит!

Не ждите бравурных и ничего по сути не значащих призывов. По крайней мере от меня. А просто на пару минут всего-то реально взвесьте на мысленных весах имеющееся богатство – Жизнь. Сколько говорено прекрасных слов о ней. Вот и я о том же: о жизни – подарке каждому из нас. Именно мы сами в конечном счете распоряжаемся этим подарком. Безусловно, не может быть все благополучно. И лавина невзгод откуда несущихся бед и несчастий, и, кажется, никакой перспективы впереди, и... Вот тут следует поставить точку и перевести взгляд совсем на другое, выходя из позиции беспрекословного подчинения обстоятельствам и упертого в одну точку взгляда. Я не психолог, я такой же, как все, человек со своим набором несчастий. Но и счастливых тоже. Их стараюсь вбирать, как свежий острый воздух, из всего. На них опираюсь, их благодарю. Потому что в конце концов они создают картину моей жизни. А по сути – моего отношения и позиции ко всему.

Если вы молоды – мечтайте энергичнее, чем здоровые, делайте себя: ищите, заполняйте знаниями, найдите свой интерес и

профессионально совершенствуйтесь. Делайте все возможное (и невозможное тоже), чтобы стать привлекательным, содержательным и интересным человеком для других. Не определились в своем выборе, что вас больше всего привлекает?

Ищите, пробуйте, пытайтесь! Если что-то привлечет вас, то станете прежде всего интересны самому себе, определитесь со смыслом своей жизни. И не витайте в облаках! Мечтать, конечно, не вредно, но чувствовать под собой твердую почву – необходимо.

Человеку более зрелому, которому придется как-то высвободиться из-под лавины несчастья, тот же самый совет: уходите от скорби по самому себе. Из прошлого выбирайте в качестве опоры добрые моменты, подарившие подлинную радость. Светлые моменты станут вашим фундаментом для выстраивания себя самого в новых условиях и установках.

И еще по поводу того, что жить стоит. Столько непредсказуемо прекрасного впереди! Главное – настроиться на эту волну и с этих позиций смотреть на все: на природу (у которой, как звучит в песне, нет плохой погоды), на окружающих (пусть не все твои друзья и благосклонны к тебе), на свои желания и планы, наконец, на все сложности, которых у каждого предостаточно.

Непреложными «соучастниками» и вашим «инструментарием», помимо собственной установки, могут стать ваша благорасположенность, умение обуздывать эмоции, улыбка и достойная уверенность в своей правоте. Конечно, много чего еще требуется, чтобы встречать новый день как подарок. Наверно, не менее важным является желание самому доставить радость другому, у кого в глазах не видишь живые огоньки.

Вместо эпилога

Эти короткие воспоминания об одной из тысяч и тысяч выпускников Пермского государственного университета можно рассматривать как своего рода опровержение её будущего, предначертанного руководством вуза при поступлении: мол, куда не устроиться, и никому не потребуется диплом, а потому не стоит учиться вообще. Так что освоение «жизненного пространства» не заочно, а по полной – и учебы, и работы – явилось очевидным доказательством очень важных моментов, главным из которых стала вера в Человека. А ещё – готовность очень и очень многих людей поддержать Человека.

К.А. Старосельцева,
журналист

ФОНАРЬ ДИОГЕНА

*Имя **Василия Бубнова** появилось в пермской прессе в самом начале 1970-х годов – в газетах «Молодая гвардия» и «Вечерняя Пермь», где выпускник университетского филфака выступал в качестве фельетониста, в издании Камского речного пароходства «Большая Кама», а затем и в областной «Звезде». Публикации, подписанные фамилией этого автора, становились, как правило, заметным явлением в общественной и культурной жизни края, ибо имели не только запоминающееся содержание, но и свой стиль, свой язык. В приведенном ниже интервью журналист поделился мыслями о сущности газетной работы и – шире – некоторыми взглядами на жизнь.*

– Василий Михайлович, как вы пришли в журналистику? Это был осознанный выбор жизненного пути?

– Газетчиком я стал совершенно случайно. Никогда не мечтал «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете» – была такая советская песня о журналистах. По складу ума и характера я несколько иной человек, вечному газетному авралу предпочитаю академизм неспешных размышлений. Но в силу неких печальных обстоятельств я был уволен из научной лаборатории и лишен возможности получить работу в Перми в обозримом будущем. Надо было как-то кормить молодую жену и только что родившегося сына. Бедствовали несказанно. Сдавали букинистам книги и фортепианные ноты. Однажды, пересилив отвращение к презренным торгашам и их постыдному делу – торгашеству, отправились на «толкучку» и продали цепкому кавказцу красивую кофточку жены. В те дни от малодушия и отчаяния меня оберегла простенькая немецкая поговорка, утверждающая, что «Geld verlor – nichts verlor, Ehre verlor – viele verlor, Mut verlor – alles verlor», то есть потеря денег и даже чести – ничто по сравнению с потерей мужества. Бродя по студенческим улицам в поисках хотя бы поденщины, я повторял, как считалочку, нехитрую сентенцию старых добрых бюргеров. Это помогало.

Через полтора года мытарств мне предложили место стажера младшего литработника отдела информации в областной «Звезде». Я не поверил случайной милости судьбы, тут же поднялся с восьмого на одиннадцатый этаж газетного издательства в «Молодую гвардию» (там трудился мой друг, будущий московский писатель и автор постмодернистских романов Толя Королев), чтобы посоветоваться с

ним – а не попрут ли и отсюда? Толя позвал важного человека – ответственного секретаря «молодушки» Александра Калиха (ныне руководителя пермской организации общества «Мемориал»). Тот авторитетно заявил, что уж если такое солидное заведение пригласило, то ни за что «не попрет». И как завзятый искуситель, еще и арифметические выкладки привел.

– Тебе здорово повезло, что берут в отдел информации, – поведал Калих. – Там работа непыльная и ума особого не требует – сиди себе пиши информации одну за другой. Каждая стоит рублей пять. За день можно написать штук десять. Итого пятьдесят рублей в смену. Умножаем на двадцать два рабочих дня и получаем тысячу сто рублей одного только гонорара! А ведь будет еще и оклад.

Я обалдел. Доктора наук, профессура – высокооплачиваемая в советское время категория работников – получали в два-три раза меньше того, что посулил мне многоопытный ответственный секретарь. Это за что мне такое счастье привалило? У меня в ту пору не водилось денег совсем никаких – ни на общественный транспорт, ни на обед, ни на зимнее пальто и ботинки. Да что там пальто! Я даже курил исключительно «стрелу», то есть – по терминологии того времени – был «ворошиловским стрелком», «стрелял» сигареты у знакомых и чужих людей – была раньше такая практика. И вдруг – волшебный поворот судьбы, библейская манна приготовилась лететь с небес в мою тарелку... Неужели я наконец-то накормлю и осчастливлю свою семью! О, Калих, Калих... О, демоны моих сумерек... Я спустился на восьмой «звездинский» этаж и поспешил написать заявление о приеме на работу.

Надо ли говорить, что я никогда так и не получил в газете не то что огромных, а даже более-менее достаточных для безбедного существования денег. Весь первый год с окладом восемьдесят восемь рублей меня использовали на рутинной работе, которую никому не хотелось делать, – я отвечал на письма трудящихся, приходившие в большом количестве, ежедневно созванивался с районными газетчиками и правил их сообщения. Гонораров почти не видел. И только с приходом в отдел нового заведующего Альберта Ничиперовича – энергичного, умного, волевого журналиста, тоже выпускника университетского филфака – полусонная, нетворческая жизнь резко повернула в иную сторону.

Ничиперович был находкой для «Звезды». Сделав отдел информации самым сильным и самым творчески интересным в газете, он всю «Звезду», как паровоз, потащил за собой – она стала тематически разнообразной, информационно насыщенной, она

заговорила со своими читателями человеческим языком, рассказывая о проблемах, интересных читателям, а не только обкому КПСС. Газета стала современной, и это понравилось многим журналистам, и многие охотно поддержали этот процесс. В начале 1970-х новый заводделом информации областной партийной газеты «Звезда», естественно, слыхом не слыхивал о креативной управленческой теории неолибералов – о мощном локомотиве, то есть передовой отрасли производства, вытаскивающем за собой поочередно все другие отрасли экономики. Однако у Ничиперовича в газете именно так и получилось в отличие от нынешних либеральных теоретиков и практиков. У них-то локомотив летит, набирая обороты собственной прибыли, а весь состав так и не двинулся с места, ржавеет и дряхлеет в тупике.

– **Можно сказать, вы всю жизнь посвятили газете...**

– Нет, свою жизнь газете я не посвящал. В газете я зарабатывал на хлеб. Мое журналистское *ego* и внерабочее *alter ego* – это разные субстанции. Сожительство этих противоречивых сущностей создавало проблемы. Они угнетали, и мне далеко не всегда удавалось разрешить проблемы безболезненно как для себя, так и по отношению к своим близким. Раздражало и то, что временное (как я полагал) пребывание в газете становится постоянной кабалой.

Амбивалентность бытия и сознания усугублялась тем, что я не очень высоко ценил профессию, которая становилась моей судьбой. Я понимал, что есть в жизни более важные дела – учить, лечить, строить, пахать землю. Без этого действительно обойтись нельзя. Но мои коллеги, тщеславные представители древней профессии, – люди зачастую необоснованно амбициозные, посредственные, а то и малообразованные – очень гордились своим местом под солнцем, причисляли себя к особому, элитному кругу общества. Это выглядело очень смешно.

Я работал во многих изданиях, редактировал (или как сейчас говорят, был главным редактором) несколько газет уже в постперестроечное время, и мое мнение по поводу журналистской братии не изменилось. Пригодность к выбранной стезе сегодняшних сервильных молодых журналистов у меня вообще вызывает серьезные сомнения: переписывать, да еще и безграмотно, пресс-релизы администраций различного уровня – это не журналистика.

И ещё. Не надо забывать, что средства массовой информации сильно виноваты – и не только в России – перед доверчивой народной массой. Это газеты, радио и телевидение по заказу власть имущих провоцируют в общественной жизни суггестивный паралич либо такой

же внушенный энтузиазм, дезинформируют население, промывают мозги, моделируют сознание людей в угоду актуальным потребностям власти.

– Тем не менее, можете ли вы назвать привлекательные стороны работы в газете?

– Ежедневная газета прожорлива. Значит надо постоянно подбрасывать в топку уголь. «Звезде», например, я благодарен за необходимость постоянного журналистского контакта с самыми разными людьми. Работа газетчика, если подходить к делу серьезно, сродни настойчивому поиску древнегреческого философа Диогена Синопского. «Ищу человека!» – так отвечал мыслитель на вопросы о том, зачем он бродит днем по городу с зажженным фонарем. Мои «поиски человека» часто бывали результативны.

С кем только я не беседовал, выполняя газетное задание. Вышние военные чины и беглый солдатик, люди искусства и депутаты всех мастей, помощник первого президента России и вор в законе, федеральные министры и священнослужители, спортсмены и космонавты, офицер сталинской охраны и банкиры, участники программы по созданию Большого адронного коллайдера и переселенцы из отравленных атомными взрывами северных районов края – лица сотен собеседников с достаточной степенью отчетливости проявляет моя память.

Эти встречи уже на первых порах газетной работы открыли мне простую истину: всякий человек многообразен, неоднозначен. Героическое легко уживается в человеке рядом с комическим, а гений совсем не чужд злодейству.

Помню, как боевой, легендарный маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков, которого я интервьюировал по телефону перед его приездом в Пермь в конце 1970-х, проявил неожиданный интерес к мощностям полиграфической базы Перми. Оказалось, что рекогносцировка местности носила совсем не случайный характер. Маршал выяснял, возможно ли реализовать задумку опубликовать здесь свои мемуары, спрашивал о размерах предполагаемых гонораров. Как выяснилось, Василий Иванович «покорил» уже несколько провинциальных издательств и теперь готовил «пермскую операцию» по всем правилам военной науки.

А вот руководитель первого в мире музыкального театра для детей Наталья Ильинична Сац удивила меня карикатурно барским поведением. Я был свидетелем того, как своенравная Героиня Социалистического Труда и орденоносца шпыняла на манер Салтычихи свою безответную помощницу, словно крепостную

дворовую девку. Мне показалось даже, что, не скрывая злобного раздражения, Сац ущипнула несчастную. Сложный характер Натальи Ильиничны проявился и в дарственной надписи на книге «Новеллы моей жизни», преподнесенной мне народной артисткой. Цитирую, поскольку помню наизусть эту эпистола: «Товарища Василия Михайловича Бубнова поздравляю с приближением Великого Праздника. Нат. Сац. Пермь, 1987, октябрь, 30-е». Какой непробиваемый железобетон вместо душевных слов на память о себе! Но как она чувствовала и понимала детскую аудиторию...

– Наверное, в вашей богатой газетной биографии были встречи, которые запомнились особо?

– Например, с беглым зеком. В феврале 1988 года я, вероятно, первым в перестроечной стране рассказал о страшноватых буднях пенитенциарной системы, побывав в соликамской исправительно-трудовой колонии № 6, на территории которой находится известный всем зекам «Белый лебедь» – место «перековки» авторитетных уголовников. Репортаж из «шестерки» имел оглушительный резонанс. Письма зеков о порядках в колониях приходили в редакцию каждый день. Некоторые граждане с тюремным стажем звонили по телефону, иные считали необходимым лично засвидетельствовать почтение перестройке.

Однажды в редакции появился зек, совершивший побег. Кто-то ему сказал, что «Звезда» может помочь, и он трое суток пробирался тайком в Пермь. Я храню копию заявления в прокуратуру, которое мы с коллегой Гришей Бажутиным помогли написать беглецу, предварительно накормив его и снабдив куревом. Это – скорбный документ. Зек Коханчук сообщал, в частности, что до освобождения ему осталось 6 месяцев, но он боится сорваться и ответить на провокационные выпады начальника поселения в поселке Сим и отрядного капитана. Сбежал он не для того, чтобы погулять на свободе. Зная, что в Соликамске невозможно повлиять на дальнейшую судьбу, он решил добраться до Перми и обратиться в областную прокуратуру. Он не просил выпустить его раньше положенного срока. Он просил отправить его на другое поселение, где нет таких издевательств, как в Симе.

Я порой вспоминаю о нем – ушедшем от отчаяния в побег зеке, дальнейшая судьба которого была незавидна. Это история не только о нем. Она обо всех нас, о нашей несчастной родине, нагло облапошенной нынешними нибелунгами-плутократами. В годы перестройки все мы – кроме посвященных – сыграли роль восторженных простаков. А затем нас за ненадобностью, образно

говоря, опять отправили на поселение в Сим, добавили срок и за неумную и глупую перестроечную восторженность наказали нищетой и разрухой, из коих безуспешно выбираемся по сей день.

Запомнилась мне поучительная встреча с умной актрисой Ией Саввиной, но это долгий разговор.

До сих пор вызывает чувство великой досады то, что по своей вине не сумел поговорить без газетной суеты и спешки с легендарным ленинградским художником, уроженцем нашего края Валентином Ивановичем Курдовым, еще в 30-е годы прошлого века создавшим классические иллюстрации к книгам Р.Киплинга и В.Бианки.

Во время его приезда в Пермь в конце лета 1989 года я открыл для себя замечательного собеседника и очень одинокого человека. Он рассказывал мне о подробностях творческой жизни питерского послереволюционного художественного авангарда, заметной фигурой которого был он сам, о работе в блокадном Ленинграде, о поездках во время войны на Волховский фронт и о жизни среди партизан в 1943 году, о работе над иллюстрациями к эпосу «Калевала». Но когда он завел разговор о Маяковском, о Лиле Брик, я остановил Валентина Ивановича. Осмыслить это богатство воспоминаний за один присест было невозможно, да и газете столько не требовалось. Договорились встретиться через месяц – Курдов обещал привезти интересные документы о Лиле Каган-Брик, нелюбовь к которой не скрывал.

А через неделю пришло сообщение о скоропостижной кончине 85-летнего художника. Господь задернул занавес для нелюбопытных.

– Вас называют представителем и даже родоначальником интеллектуальной журналистики в Перми. Как вы к этому относитесь?

– Прошу прощения, но, как говорят в подобных случаях, не воткнулся. Я не мастак определять стилевое и жанровое разнообразие газетных текстов. Видимо, речь идет о материалах, в которых можно обнаружить авторскую мысль, а сам автор обладает умением не только описывать факты, но и анализировать их. Да, я считаю, что журналистика должна быть только умной – и никакой другой она не имеет права быть, если взяла на себя ответственность говорить с народом.

Умным журналистом был Альберт Ничиперович. Он находил возможность настоящего серьезного разговора с читателями даже в материалах «на партийные темы». Юлиан Надеждин из «Вечёрки» был несомненным умницей, эрудитом и газетным асом. Писатель Дмитрий Ризов, долгое время работавший в газете, донныне остается образцовым публицистом. Всегда с интересом читаю публикации Романа Юшкова

– мастера отточенной мысли и ясного языка. Умным, острым, талантливым пером обладают звездинские Сергей – Трушников, Журавлев, Иванов. Убедительным анализом и замечательным слогом отличаются публикации известного редактора книги Надежды Гашевой, ученого-филолога Нины Васильевой, писателя Алексея Иванова. Так что у умного жанра в Перми много родителей.

– Ваши друзья Королев и Юзефович давно перебрались в Москву. Вас не прельщала перспектива тоже отправиться в столицу?

– Еще в советские годы мне поступали весьма лестные предложения центральных изданий. Нужно было только вступить в ряды членов КПСС, без чего карьера – за редчайшими исключениями – была тогда немислима. А я даже комсомольцем не был, уже в школе считал вступление в какой-либо союз или в партию ущемлением личной свободы. Прагматичная максима вождя гугенотов, а в дальнейшем короля католической Франции Генриха Наваррского «Paris vaut bien une messe» меня не убеждала – я всегда наивно полагал, что не все средства годны для достижения цели. Беспартийность не однажды мешала мне в жизни. Но это был мой выбор. Это была моя свобода. Для меня Москва не стоила партийной мессы.

– Сегодня излюбленным жанром читателей являются воспоминания-разоблачения. Вам не хотелось бы осветить «фонарем Диогена» события, связанные с политическим процессом Воробьева-Веденеева 1971 года в Перми, предварившие процесс Якира-Красина 1973 года в Москве? Ведь эта история наделала много шума, но о ней как-то странно молчат. Вы, как известно, были одним из фигурантов дела, что повлияло на вашу судьбу и неожиданным образом привело вас в газету.

– Самым активным фигурантом тех печальных событий нашей незабываемой молодости был мой объемный и очень крепкий зеленовато-серый портфель болгарского производства. До чего же качественную продукцию делали наши братья в соцлагере! Портфель был незаменим при организации дружеских студенческих пирушек - в него входило десять бутылок сухого вина по 0,75 литра «стоймя», и еще две «гранаты» можно было положить сверху. Несмотря на brutальный внешний вид, на грубую фактуру своей кожи, он оказался истинным и благородным героем того политического процесса: он знал больше всех, но был исключительно молчаливым свидетелем. Курьеры, осуществлявшие связь между Москвой и Пермью, перевозили в нем десятки килограммов самиздатовской

«антисоветчины». Он не однажды бывал в самом логове столичных диссидентов и слышал их горячие провокационные речи, закончившиеся позорным публичным раскаянием «главарей» – создателей Инициативной группы по защите прав человека в СССР Петра Якира и Виктора Красина.

Я не был фигурантом самого судебного процесса. Надо понимать, что на суд вызвали только тех, кто был, так сказать, разговорчив во время следствия. Им-то и доверила власть рассказать сокровенное перед судьями на глазах других свидетелей, ожидавших очереди выйти на сцену и тоже дать показания, избличавшие коварство не только обвиняемых Олега Воробьева и прямодушного правдоискателя Рудика Веденева, но и своих коллег, друзей-приятелей и даже членов семей.

Напомню, что на суд в Перми были вызваны не два-три человека, а десятки (!) свидетелей-изобличителей. В основном, люди интеллигентных профессий. Не думаю, что их признания пролили на что-то свет. Не в этом заключалась задача «ловцов человек». Комитетчики прекрасно были осведомлены обо всем. Например, за нашей студенческой компанией Виниченко–Королев–Юзефович–Бубнов открыто велось наружное наблюдение. Мы знали номера их «Волг». Они знали всё, чем и с кем мы занимались, что запрещённое читали и от кого получали. Как я понимаю, главным в этом процессе для КГБ было намерение прощупать, до какой степени интеллигенция готова пойти на сотрудничество с органами. Был поставлен масштабный психологический опыт, чтобы определить, насколько чувство самосохранения сильнее чувства собственного достоинства, уз дружбы или морального регламента элементарной порядочности. Органы добились замечательных результатов – и в Перми, и в Москве.

У меня нет желания кого-либо осуждать сегодня: дело прошлое, а геройствовать перед жестким накатом государственной машины легко и приятно только в книжках. Однако писать об этой истории мне неохота. Как многим не хочется – но по другим причинам – вспоминать об этой истории.

Жаль, что некоторые средства массовой информации время от времени публикуют небывлицы как о самом процессе, так и о связанных с ним событиях и людях. Так, одна пермская писательница, никакого отношения не имевшая к печальным событиям, в своем интервью поведала, например, о каких-то мифических листовках, расклеиваемых в Перми с помощью малинового варенья (!), о жутких преследованиях студентов и интеллигенции силами КГБ за одну лишь попытку мыслить – и далее все в таком же духе. Какая надуманная

литературщина! Автор этих пассажей, если вспомнить, все силы отдавала в ту пору активному и естественному для молодой женщины устройству личной жизни. На инакомыслие, на роль Свободы на баррикадах у нее времени не оставалось. Что же касается массовых и жестоких преследований «мыслителей», то они – эти преследования – могли привидеться только в бредовых снах перетрусившей пермской «антисоветской» тусовки, дружно сдававшей органам «пароли и явки» и вполне заслужившей своим поведением экспрессивной ленинской оценки интеллигенции.

– **Василий Михайлович, я знаю, что ваши статьи ксерокопировались и пускались по рукам – настолько серьезны и остры были ваши публикации о проблемах русской культуры. Таково было признание читателей – редкая в наши дни общественная награда! Статьи сказать, именно вы первым среди пермских журналистов заняли оборону против атаки «культурной революции», проводившейся в Перми командой Чиркунов–Гельман–Мильграм. Пока остальные присматривались к происходившим метаморфозам, вы уже поняли, с какой угрозой столкнулась Пермь, и предупреждали об этом общество в таких своих публикациях, как «Сделайте нам Бильбао», «Бегом от Аристотеля», «По улицам скандал водили», «Падшие ангелы – это бесь», «Концерт для кран-балки с оркестром», «Сява достал из широких штанин...» и многих других. И вдруг вы – энергичный и творчески состоявшийся журналист с именем – уходите из «Звезды» и порываете всяческие связи со средствами массовой информации. Что произошло?**

– В недавнем интервью той же «Звезде» Леонид Юзефович сказал, что нынче – не его время. Я только могу повторить эти слова – настало не мое время.

– **Почему?**

– Леонид не объяснил своей позиции, чтобы, видимо, не запутать читателей: ведь настоящие успех и признание как писателя и киносценариста пришли к нему как раз в последние годы, которые он своим временем не считает. А я готов объясниться.

Писатель все-таки в условиях «нееговременья» вполне может продолжать писать. Ведь его художественный мир находится в его собственной голове и мало зависит от окружающей реальности. А у газетчика все наоборот. Он суровыми нитками пришит к прозе реальной жизни. Я не могу изображать восторг в газетных материалах, оплаченных нашим циничным региональным министерством культуры, описывая мнимые достижения программы «Задрюпинск –

территория культуры», как это делают некоторые издания и журналисты. И ведь прекрасно знают, что в любом нашем районном Задрюпинске, где пьянь и грязь являются главными достопримечательностями, надо совсем другими – серьезными – делами заниматься.

То же касается шизоидной идеи «Пермь – культурная столица Европы», на мощный пиар которой потрачены колоссальные средства, а в Перми тем временем как не было, так и нет нормальных общественных туалетов, по существу нет скверов и парков для отдыха от городского шума, трудно передвигаться по кривым и разбитым тротуарам. Беспробудно пьяное, наглое и шумное неработающее быдло в загаженных пермских дворах – это точный маркер наших успехов на ниве цивилизации.

Объясните мне, зачем привезли в Пермь дирижера-грека с оркестром, увы, совсем не мирового звучания, а среднего молодежного уровня и заключили с гостем баснословно дорогой и не выгодный городу и театру контракт? Оказывается, грек теперь – наш пермский бренд! Заезжому греку, широко известному только в узком кругу друзей-красавцев в Париже или Вене, где он пропадает большую часть года и никак, кстати сказать, не афиширует свою нынешнюю принадлежность Перми, нам денег не жалко. А в то же время в пермских государственных вузах из-за безденежья происходит тотальное сокращение «часов», программ и целых направлений, образование заменяется набором «компетенций», по сути уничтожается высококвалифицированный профессорско-преподавательский корпус. Власть аплодирует греку и молчит о трагедии высшего образования (впрочем, ректоры и президенты пермских государственных вузов с вызывающе огромными окладами жалованья и премиями об этой трагедии тоже предусмотрительно молчат).

Продолжать список печальных атрибутов нынешней пермской модели цивилизационного и культурного процессов можно было бы достаточно долго, да смысла в этом нет – время идет, а ничего не меняется. Вот ведь Чиркунов наконец-то убыл из Перми, собирается отчалить в Москву Мильграм, Гельман отправился покорять другие города. Однако клиническая дурость наших, прости Господи, культурных министров неизбежна. Новый чиновник заявляет, что теперь у них иные многообещающие планы – сделать Пермь Меккой киноиндустрии. (*Уточнение первое. Этого креативного министра уже забрала себе столица.*) Согласитесь, здесь даже комментировать было нечего. (*Уточнение второе. Пока готовился выпуск этого*

сборника, всё, по сути, вернулось на круги своя. Мильграм и Гельман вновь замечательно трудоустроены в Перми. Они вместе с Гурфинкелем и тоже непотопляемой госпожой Вайсман, как и прежде, фактически рулят пермской культурой. Их баснословная кормушка – мыльный пузырь под названием «Белые ночи в Перми», получивший благосклонное одобрение и нового губернатора, – имеет уже фантастический бюджет, истинные размеры которого, чтобы не пугать налогоплательщиков, председателем регионального правительства Тушинолововым закрыты для разглашения. Словом, пили – не хочу! А в это время краевой бюджет испытывает дефицит такого размера, который грозит финансовой катастрофой.)

Дурью отмечены любые властные деяния. Искать крупицу смысла в куче их навоза – дело лукавое и неприличное. А обличать и занудствовать не хочется – сколько можно!

Великий Хам долго присматривался и пристраивался к России. И вот он воцарился в ней. Планомерное обольванивание общества происходит, конечно, не только в Перми – мы, возможно, в последние годы лишь продвинулись дальше всех в этом незавидном направлении. А процесс набирает силу, и его, как асфальтовый каток, не остановить. Шоу и шопинг вытеснили культуру, основанную на красоте, мысли, сострадании и добродетели. Художественную ценность произведений искусства заменили их рыночной стоимостью. Жестокость, эгоизм и алчность стали нормой новой морали. Власть стала товаром. Человек стоит столько, сколько денег на его банковском счете. То есть большая часть населения не стоит ничего. На этом фоне «ягуары» и «бентли», яхты и бриллианты, приморские виллы и альпийские шале, а также собственные острова наших вельмож и их отпрысков выглядят откровенной наглостью. От чего ушли в 1917-м, туда и вернулись нынче.

Конечно, мир никогда не был идеален. И никогда все дороги не вели к храму. Однако сегодня, на мой взгляд, у человека общества потребления вообще снят вопрос о том, куда ведет дорога. Ему это не интересно. У него парадигма другого засола. Поэтому обращаться к нему с «проклятыми вопросами» не имеет смысла. Вряд ли *«homo novus»* с сочувственным пониманием отнесется к гениальным строчкам Велимира Хлебникова, написанным в 1922 году о времени нэпа, так созвучного нашему времени и тревожно непредсказуемой его перспективе:

*Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!*

Не приведи, конечно, Господь, свершиться этому поэтическому прозрению, уже однажды предупреждавшему расшалившегося Хама. Но идем-то в том направлении.

Однако, стоп!

Вспомним совет незабвенного любимца миллионов – телевизионного мага Кашпировского – и настроимся на доброе.

Завершая интервью, я хотел бы предложить вниманию благосклонного читателя небольшое эссе об удивительной русской женщине. Это – в память о замечательной героине повествования и о том времени, когда я бродил с «фонарем Диогена» в руке.

Приложение

Ино еще побредем...

Валентина Алексеевна Сухова, бывшая крестьянка из Сивинского района Пермского края, завершив хождения по мукам своей судьбы, совершила главное, по ее мысли, дело жизни: написала книгу о русской деревенской глубинке, о неистребимости и негибимости русского духа.

...Еще вполне мелодичный и звонкий голос моей гостьи высоко выводит: «Скоморох ходил по улице, да молодой ходил по широкой. Он стучится-колотится, да ночевать в избу просится...» В эту песню, как в некий музыкальный венок, другая вплетается: «Хрен ты, мой хрен, полевой-садовой, кто тебя сеял, кто поливал?» С какой грацией передвигается, приплясывая, моя 75-летняя певунья! С каким озорным лукавством поглядывает на меня, рассказывая о том, как играла на рождественских или крещенских посиделках молодежь, как радостно верещали якобы напуганные девки под гогот довольных парней.

Я смотрел и слушал, поражаясь тому, как можно прожить тяжелейшую во всех отношениях жизнь, наполненную каторжным трудом, и сохранить бодрый, жизнелюбивый дух, сохранить тягу к прекрасному.

Валентина Алексеевна Сухова родилась в 1930 году в Сивинском районе, в песенной деревне с тройным названием Новоселы–Трошково–Тюничи. Наверное, именно песенное веселье да хороводы притягивали сюда жителей соседних деревень в Пасху, в Троицу, в Духов день, в другие праздники.

– Бабы-то всегда шли на работу или возвращались с песнями, умели веселиться, – вспоминает моя гостья. – До войны под большой березой хороводы любили водить. А старики хвалились: наши деды как ухнут песню враз, так гасла лампа керосиновая. Вот, например, такую: «Знаю, ворон, твой обычай, ты сейчас от мертвых тел! Ты с кровавою добычей к нам в деревню прилетел. Где же ты летал по свету? Где кружился мертвецом? Где же ты спохитил руку? Руку белую с кольцом?»

– А у вас какая любимая песня была?

– Много было. С 14 лет меня зазывали на вечерки, усаживали запевать среди взрослых девушек. И одна любила петь. Иду из школы – это 15 километров до нашей деревни. Кругом луга, поля. И пою я во весь голос свою любимую:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?*

Сердце замирает от этой народной песни: ведь это наши русские люди плывут к чужим берегам, потому что своя неволя шибче чужой. Вот вы смотрите: идет одно столетие за другим, а в России простой народ страдает все больше и больше. Когда жить хорошо будем?

Валентина Алексеевна имеет право на такие выводы. Свой, а не книжный опыт приобрела за долгую, полную и лишений, и радостей жизнь. Лишений, как водится, было в избытке.

– В деревне дети взрослеют рано, – говорит моя собеседница. – Помню, как я, девчонкой еще, иду запрягать лошадь. А роста не хватает, чтобы хомут надеть. Стоишь около лошади и реवेशь, пока кто-нибудь не пожалеет и не поможет. Каждое утро бригадир не только взрослых, но и детей наряжал: возить сено, солому, резать в лесу дрова, молотить зерно или боронить землю верхом на лошади. Малыши дома поливали огороды, пасли телят, стерегли курей от коршунов.

В семь лет маленькая Валя уже умела прясть пряжу и вязать себе чулки и варежки. Купленного-то ничего не было.

– Как я благодарна маме за то, что она приучила нас быть трудолюбивыми, – с чувством произносит Валентина Алексеевна. – Если бы мы выросли лентяями, то пропали бы в этой жизни.

Жизнь Валентины Суховой никогда не была медом. Сначала тяжелейшее военное детство в колхозе. Потом – работа в леспромхозе, на сплаве. Паспорт и трудовую книжку получила только в 20 лет – когда вышла замуж. Муж оказался большим человеком: во время войны в Литве попал в засаду «лесных братьев», ему отбили внутренности, нанесли другие увечья – он рано умер. На руках оказались двое детей и мать. Работала за всех сразу: сутки поваром в солдатской столовой, двое суток в колхозе, чтобы не отняли приусадебный участок – без него не прокормиться. Косила, гребла сено, возила навоз и дрова. В 60-е годы пришлось научиться пахать, иначе кто же огородик-то твой на неудобьях распахнет? Вот сама и ходила с плугом за лошадкой.

Всякая работа Валентине Алексеевне была по душе. В военной части под Свердловском – это уже когда второй раз замуж вышла – была прачкой.

– Очень мне понравилось в прачечной, – вспоминает Сухова. – Центрифуга сушильная, два стиральных аппарата, гладильный

германский станок – это ли не работа! Я и для детей все перестираю, все переглажу. И дома чистота и порядок.

А через какое-то время вслед за мужем, командированным в Узбекистан, потянулась и Валентина Алексеевна с детьми – в пустыню, в Уч-Кудук. Может быть, кто-то еще помнит шлягер узбекской группы «Ялла»: «Уч-Кудук – три колодца, защити, защити нас от солнца, ты в пустыне спасительный друг, Уч-Кудук»? Каким «спасительным другом» он оказался на самом деле, бывшая крестьянка испытала сполна. Семь лет она отработала в пустыне машинисткой на станции по добыче урана в этом Уч-Кудуке. Машинист – это очень красиво сказано. Больше приходилось ломом да лопатой работать, обслуживая длинный – 800 метров – конвейер, который бежал от огромного роторного экскаватора, снимавшего землю до рудоносного уранового слоя.

– Ни один мужчина не шел в машинисты – тяжело, – словно оправдывая сильный пол, вздыхает сивинская певунья. – Особенно трудно было зимой, когда вынутая изнутри теплая глина налипала на конвейер и механизмы, работающие под напряжением 6 тысяч вольт! Берешь совковую лопату и все восемь часов откидываешь комья. Иной раз и поесть не успеваешь: упадешь на кучу земли, пореешь навзрыд и снова начинаешь кидать. Правда, платили неплохо – в последнее время до 350 рублей выходило (для сравнения скажу, что в горячем цехе я получала 75 рублей). Вредности мы не боялись. Ну уран и уран. Как он выглядит? Такая плотная масса, похожая на глину, только темно-синяя.

Судьба распорядилась так, что семья – без отца и мужа – снова вернулась в пермские края. Купили домик на окраине Перми. И пришлось Суховой осваивать очередную вредную профессию на химическом производстве, обитая среди сильнейших кислот и контролируя их убийственное для человека качество. Пенсию заработала небольшую – Москва как раз перед выходом Валентины Алексеевны на «заслуженный отдых» отменила «вредность» ее профессии. Но бездельничать она не привыкла и еще 10 лет работала уборщицей в магазине, потому что надо было поднимать на ноги сначала троих детей, а потом и внуков – их семеро да еще правнучка есть. Приходилось живность держать, чтобы всем помочь. В общем, не разгибала спины.

Крепкий женский характер веками не слабеет на Руси. Может, поэтому еще и жива Русь. Жаль, что памятника величию и упорству русской женщины так нигде и не поставлено. А их подвиги заслуживают грандиозного монумента.

Вспомним, как, например, за 300 лет до мытарств Суховой брели из Даурии, из очередной ссылки, пред светлые очи тишайшего царя Алексея Михайловича расколочальник протопоп Аввакум с женой и малыми детьми. Шли, падая от усталости. Анастасия иной раз пеняла мужу:

- Долго ли мука сия, протопоп, будет?
А он ей отвечал:
– Марковна, до самой смерти!
И встав, говорила протопопица со вздохом:
– Добро, Петрович, ино еще побредем...

У моей собеседницы немало исторических и литературных родственников. Одна из них – это солженицынская Матрёна. Сходны у них родовые приметы: трудолюбие, нестяжательство, умение охранить очаг и защитить ближнего. А ещё незлобивость и тяга к светлomu. Но Матрёна – образ, а Сухова – вот она, передо мной. Женщина поразительной жизненной силы. От своих мытарств, от хождений по мукам родилась у нее неожиданная идея – она на склоне лет книгу задумала сделать.

Протягивает мне четыре толстых тетради: в них – вся жизнь описана.

– Когда мне исполнилось 68 лет, я вдруг подумала о том, что уйдем мы с грешной земли – и никто не узнает настоящую правду о том, как мы жили, любили, страдали, работали, – говорит Валентина Алексеевна.

Эту книгу надо читать. Она горькая и веселая, наивная и мудрая. И что особенно удивительно и приятно, написано повествование прекрасным русским языком, и это только подчеркивает убожество того якобы креативного диалекта, на котором общаются сегодня «продвинутые россияны».

Полюбуйтесь живописью языка в «книге жизни» Суховой: «Как-то вышла я на берег Обвы в деревне Кубарево. Берег высокий. Отсюда мы мужиков на войну провожали, у переезда через реку. Смотрю вниз, а на дне большие каменные плиты, окаймленные бахромой. Бахрома зеленая, мягкая, качается под водой. Вон против течения плывет рыба, важно покачивает хвостом туда-сюда. Вода чистая, прозрачная, и видна галька на мелководье. От золотистых струй, блестящих на солнце, не оторвать глаз. А вон в глубокой и тихой заводи цветут кувшинки. Хорошо здесь отдохнуть вечером, после покоса. Тихо, пахнет водой, зеленью и цветами».

Встречаются в книге и весьма озорные страницы. Сухова их не чурается, ибо понимает, что из песни жизни, чтобы она не обеднела, слов не выкинешь: «Ванька Кирихин все чудил, смешил баб. Однажды Мария Тишина – красивая молодая девка – поехала за льном на луга. Уложила на берегу Обвы воз и, чтобы он не развалился, решила придавить длинным березовым шестом – бастрыгом. Подобрала юбку, закинула на телегу ногу, чтобы упереться и затянуть потуже веревку, а тут из-под воза Ванька и вылезит. Ну охальник! Мы ведь, глухая сторонака, под юбкой исподнего не носили. Мария бросила работу – и бежать. Ваньке пришлось самому привезти воз в деревню. А Мария еще долго не могла смотреть на Ваньку, стыдилась».

А какие образы и характеристики встречаются у Суховой – застрелись, писательская братия! Вот как Валентина Алексеевна вспоминает, например, послевоенное время: «Лошади после войны, как и люди, были заезженные: спокойны и терпеливы».

Книга щедрой россыпью усеяна интереснейшими подробностями навсегда ушедшего быта. Для энтузиастов застолья приведен подробнейший рецепт и технология выработки напитка, о котором автор книги отзывается так: «Брага густая, пенная и полезная. Мужик утром выпьет ковш и, не евши, может работать до обеда. Какие это были крепкие, краснощекие мужики, не боявшиеся ни холода, ни самой тяжелой работы».

Радостью детства и кулинарной поэзией веет, когда читаешь о том, как, например, готовились к Масленице: «С утра мама стряпает «орешки» из пресного теста на сметане, яйцах, масле. Тесто мама обязательно оставит и для нас – детей. Из него мы делаем ватрушки, «восмерки», «девятки», пряники. И вот стол завален стряпней: пирожки с морковкой, свеклой, капустой, шаньги с картошкой, творогом, сметаной. Сметанные шаньги – это уральский деликатес. Сметана долго и упорно размешивается до крупенистой массы. В неё добавляется мягкая горячая картошка, три столовые ложки муки и немного масла. Из этой массы и делают шанежки: круглые, с загнутыми краями, чтобы не вылезла сметана».

Господи, как вкусно! И какая нелегкая, но размеренная, здоровая и осмысленная жизнь. А ведь время, которое описывает бывшая крестьянка, имело и другую окраску. В одном из номеров давних уже лет газета «Звезда» среди прочих событий сообщила о факте, читать о котором без смеха сегодня невозможно: «В клубе «Коммунальщик» беспартийный рабочий Ханжин с женой «октябрил» свою дочь. Имя новорожденной дано Роза Люксембург. Она принимается в ряды юных пионеров. Родители клятвенно обещали товарищам воспитывать свою крошку в коммунистическом духе и сделать из нее борца за идею революции во всем мире».

Наша первая встреча с Валентиной Алексеевной состоялась незадолго до празднования 60-летия Победы. Естественно, я спросил, как жила в годы войны ее деревня.

– Очень тяжело, – ответила Сухова.

Война для меня самого, как и для большинства моих сверстников, – не пустой звук. Кожей, кровеносными сосудами вобрал я трагический военный опыт моей семьи. Мой отец добровольцем ушел защищать родной Ленинград, выходил из окружения; в 42-м, когда наградами не баловали, заслужил медаль «За отвагу», цену которой знают только фронтовики. Он был тяжело ранен и остался инвалидом. С фронта не вернулись его братья и братья моей мамы. Мои питерские бабушка и дедушка погибли в блокаду от голода. И это, увы, не единственная в нашей семье жертва блокадного голода. Моя тетушка – конструктор кораблей – осталась в блокадном

Ленинграде и работала, не выходя с завода сутками. Иногда к проходной прибегал соскучившийся и голодный пятилетний сын. У нее мертвело сердце, потому что с живым сердцем невозможно было видеть, как бежит малыш обратно по простреливаемой улице блокадного Ленинграда в голод, холод и одиночество – а помочь ему ничем нельзя.

Зная об этих и о других тяжелых семейных потерях, я воображал, что защищен этим знанием, имею сильный иммунитет к ужасам войны.

Однако слушал я Валентину Алексеевну, и душа надрывалась:

– Голодали сильно. Ночью выйдешь хлеб молотить, а тебя мутит, ноги подкашиваются. Старый председатель колхоза сдал государству хлеб и колхозникам сколько надо оставил, чтобы самим прокормиться и скотину кормить. И ушел воевать. А новый председатель из города Сергей Чудинов отобрал наше зерно и сдал хлеб сверх плана. Он был коммунист, ему было все позволено. И был он на броню до конца войны. И броня была крепка. Когда колхозники писали на него письма, то письма приходили обратно в колхоз. Всю войну он сдавал хлеб и все, что можно и нельзя, сверх плана, получал премии – то велосипед, то швейную машинку. А у нас животина гибла, кони еле таскали ноги, бабы умирали с голода. Вы думаете, он так разговаривал, как мы с вами? Он только орал. Женщинам говорил: «Не дашь – с голоду содохнешь». А что делать? Детей-то жалко. Почти все ложились под председателя. А моя мама – ни в какую. Уж он и матом на неё, и в сельсовете запирали на ночь, чтобы одумалась. Он ей пообещал: «Ты мое говно есть будешь!» В итоге мама сбежала из деревни. Под этим иглом мы прожили всю войну. Я и сейчас помню этого Чудинова с рыжей большой головой и крупными кулачищами, покрытыми рыжим волосом. Помню, как он орал на баб и стучал кулаками по столу.

– Чем же деревня питалась?

– Ели гнилую солому: лепешки из нее пекли. В пищу шло все: очистки картофеля с крахмального завода, липовый лист, проскок – растение с большими листьями, пиканы, пистики, клеверная шишка. Все это рубили, варили, смешивали с мукой (300 граммов на трудодень давали) и стряпали лепешки. Вот это всю войну и ели. Дети лежали лежкой в избах. Мой маленький племянник Коля так рыдал. Все просил: «Если нет хлеба, то хотя бы морковку дайте...» А где её взять – ничего не было. Вот этого я никогда не забуду.

Сегодня либеральные критики истории всячески пытаются снизить величие подвига русского народа, договорившись даже до того, что народу нашему надо покаяться за грехи мировой бойни. Мы выдержали главные тяготы войны, мы проливали невидимые миру слезы – но не сдались, а победили. Так не за это ли должна каяться Валентина Алексеевна Сухова перед сытым Западом?

Как-то Сухова позвонила мне: приезжай, мол, чаю с вареньем попьём.

– Вот собираюсь на родину, хотя и тяжело стало ездить, – сообщила Валентина Алексеевна. – Электричкой до Верещагино, а потом еще 40 километров на автобусе. Я ведь с пустыми-то руками не привыкла приезжать. Везу всякие подарки. В деревне сейчас плохо живут. Работы нет. Раньше в нашем Кизьвенском сельсовете по Обве вниз до Карагая три колхоза было. Теперь все разрушено. Страшно пьют и мужчины, и женщины. Пошли самоубийства, о чем раньше и не слыхивали.

Мы долго разговаривали с ней об этой беде, и она обнаруживала ясное понимание внутренних и внешних причин этой проблемы. Нет, она, конечно, не сыпала книжными формулировками. Дескать, масла в огонь наших бедствий подливает Международный валютный фонд. Что это он настаивает на прекращении субсидирования русского сельского хозяйства и ориентирует нашу страну не на расширение воспроизводства и инвестиции в промышленность, а на движение денежных средств между потребительскими банками и бюджетной сферой. Что это он подталкивает нас на свертывание промышленного производства и сельского хозяйства, не дающих быстрого оборота денег.

Не знает Сухова этих козней МВФ. Но как бывалый и мудрый человек понимает: лихо само по себе не родится, пока его не позовут. Не знает она, слава Создателю, и циничной формулировки: «Власть – это тоже товар, только очень дорогой, значит, он должен принадлежать богатым». Но она знает, что не надо ломать устои ради призрачных и сомнительных перспектив – в этом причина многих проблем. Разрушив деревню, полагает она, мы разрушим и человека: и станет он ни в городе Иван, ни в селе Селифан.

Кстати сказать, в городе Сухова обустроилась, как в деревне. Первым делом, приехав из азиатской пустыни в Пермь, выкопала на опушке полевые цветы и посадила в своем огороде, где растут, услаждая взор и вкус, черемуха, яблони, ирга, малина, сирень. В теплице – помидорчики и огурчики. А в доме две кошки да комнатная собачка. Весело живут.

– Чай-то с чем пьёте, Валентина Алексеевна?

– С черной смородиной – запах дает, с черемухой – от гастрита помогает. С иван-чаем. С малиной. Все это в огороде растёт. А зверобой в лесу беру, когда веники ломаю. Банька-то у меня уж очень хороша.

Удивительно живые, прямо-таки лучистые глаза у этой сухощавой и не по возрасту бойкой женщины. Старушкой её назвать язык не поворачивается. Не укатали ее крутые горки. Может, интерес к жизни она сохранила как раз потому, что и крутые горки, и невзгоды она преодолевала с верой в лучшее, и руководили ею не отчаяние, а русское упорство и надежда.

Светлые полосы жизни вспоминает Валентина Алексеевна с душевным трепетом, бережно сохраняя эти воспоминания и в своей книге. Какие завораживающие строки рождаются у нее: «Я стою в поле. Мне еще нет и тридцати. Я смотрю на мою деревню и синие дали. На мне ситцевое платье в крупный горошек – красный и синий. Я раскидываю руки. Теплый ветер обдувает меня. Как хорошо, как радостно и грустно: такие прекрасные дали, поля, леса, луга – и я среди этого чудесного мира. Как здесь вольно дышится. И нигде в мире нет уголка, прекраснее этого».

Ну что можно добавить к этим сокровенным словам? Разве только слова стойкости и надежды несгибаемой протопопицы, жены Аввакумовой Анастасии Марковны – «ино еще побредем...»

Василий БУБНОВ,
газета «С», 2005 г.

В.И.Сопин

член союза журналистов России

ЛИНИЯ ЖИЗНИ ВО ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН

Сказали: «Будь умницей!» – вот и стараюсь. Как-то на редакционной летучке в «Вечерней Перми» молодой сотрудник, рецензент, анализируя опубликованные за неделю материалы, мимоходом бросил: «Культурная тематик, как тихая гавань в газете». При этом он мило улыбнулся: дескать, стоит ли подробно останавливаться на этих публикациях. Галина Куличкина, заведующая отделом культуры, не удержалась: «Когда мы пишем о культуре, то говорим о драме, о трагедии и даже о культурной революции. Какая же это тихая гавань?»

Она не свой отдел защищала, речь – о другом: откуда пошло деление тем на первый, второй или иной сорт? Заслуженный работник культуры России, лауреат престижных творческих конкурсов, известный в стране театральный критик, она убеждена, что дело не в темах. У талантливого человека любая тема заиграет, и только такие материалы затрагивают читателя.

Понимание всего этого, наверно, приходит с годами. В начале 1970-х, когда она окончила филфак университета, очень непросто было стать журналистом в Перми. Прежде всего, надо было пережить проблемы с отработкой в школе полученного диплома и только потом определяться с выбором издания. Признаться, выбор был небольшой: областных газет было всего две – «Звезда» и «Молодая гвардия». И ещё в областном центре становилась на ноги городская газета

«Вечерняя Пермь». Правда, на крупных промышленных предприятиях были многотиражки, но формат таких газет существенно ограничивал возможности журналистов. Так уж получилось, что именно «Вечерняя Пермь» для Галины Куличкиной стала своей на многие-многие годы. Для этого должна была выстроиться в определенном порядке череда случайностей.

Ей попала на глаза опубликованная в областной газете рецензия на спектакль Пермского театра юного зрителя. Она тоже видела постановку и с трактовкой автора рецензии просто не согласилась. Написала о своем видении замысла режиссера и принесла материал в ту же газету, посчитав, что разные мнения будут интересны читателю.

– У нас не принято на один и тот же спектакль по две рецензии печатать, – ответили ей. Однако, материал, видимо, понравился. – Попробуйте предложить его «Вечерней Перми».

И там её ждало разочарование.

– На этот спектакль рецензия уже есть, – заведующий отделом культуры всё же стал читать принесенный материал. Читал не торопясь, порой кивал головой, словно соглашался с написанным. – А вы могли бы для нас на другой спектакль подготовить рецензию? Как раз в том же ТЮЗе выпустил премьеру новый главный режиссер Семен Либман.

Это было первое редакционное задание в ее жизни. Тот спектакль она помнит в мельчайших подробностях до сих пор: «Не тревожься, мама» Нодара Думбадзе с Валерием Пешковым в главной роли. Впоследствии Пешков стал ведущим актером театра, заслуженным артистом Российской Федерации. А рецензия была её первой публикацией.

Думается, важным моментом в той череде случайностей был именно Иван Михайлович Байгулов, тот самый заведующий отделом «Вечёрки», который посчитал нужным поддержать молодого автора.

И вот один материал напечатан, другой, третий, и Байгулов предложил ей стать нештатным корреспондентом редакции, точнее его отдела: «Ты учительница, значит, разбираешься в проблемах образования, само собой за тобой театр, ну ещё закрепим художественную самодеятельность. Пиши».

Через год появилась вакансия, и Галину приняли в редакцию «Вечерней Перми» уже на постоянную работу. Редакция размещалась на десятом этаже Дома печати. Из окна кабинета, где размещался отдел культуры, открывалась прекрасная панорама города. Рождалось чувство полета, свободы, желание творить, только было единственное условие – вовремя сдавать материалы. Каждодневный рабочий график

был напряженным: к 11 часам утра материал должен лежать на столе ответственного секретаря – «Вечёрка» создавалась для того, чтобы все последние новости в тот же день доходили до читателя.

– *Когда Байгулов выпустил очередную книгу и решил стать профессиональным писателем, уходя из редакции, он подарил мне свою новую книгу с коротким напутствием «Будь умницей!» Вот и стараюсь. Вообще, мне везет на умных, ярких людей...* – Галина как бы подытожила впечатления первого периода своей журналистской работы.

Все складывалось удачно. И даже личная жизнь. В отделе новостей газеты появился новый сотрудник Александр Куличкин. Общая газета, общие журналистские интересы – поводов для знакомства хоть отбавляй, и через некоторое время Александр и Галина стали мужем и женой. Кстати, жилищная проблема у наших молодоженов решилась легко. Каждый имел по комнате в коммуналке, которые им предоставила редакция (было и такое!), после свадьбы те комнаты легко обменяли на двухкомнатную квартиру. Два журналиста в одной семье, оба с активным творческим настроем. Галине доверяют руководство отделом в своей газете, Александр станет заместителем главного редактора в газете «Звезда». Правда, это случится позднее.

Встречи с творческими людьми оставляли заметный след в её журналистской работе. Писатели, художники, режиссёры и актёры, музыканты, фотохудожники – представители каждой из этих творческих профессий обогащали её кругозор, многому учили. Сегодня в её домашней библиотеке хранятся книги, подаренные некоторыми из них с теплыми авторскими надписями на титульном листе, картины, преподнесенные художниками ей в ответ на публикации.

Галине Куличкиной подвластны любые темы, многие жанры, но то, что она решила вести в газете театральную тематику, говорит о многом. Театральная критика – явление не часто встречающееся в газетах, это трудное направление в журналистике. И если, к примеру, проследить её становление как театрального критика, то перед нами предстает широта её художнических интересов, творческих возможностей.

Почему всё-таки театр? Еще в школьную пору, когда впервые побывала в театре, она долго жила впечатлениями от спектакля. И с необъяснимым волнением ждала каждой новой встречи с театром, и действие на сцене воспринималось ею как некое таинство. Так, видимо, рождается любовь к театру. Тема её дипломной работы в университете «Традиции Чехова в современной драматургии» – это

уже сознательный выбор глубокого изучения драмы как рода литературы и театрального искусства. Руководителем той работы была профессор Римма Васильевна Комина, её влияние на студентов и, в частности на Галину, трудно переоценить.

– *Для меня Римма Васильевна была воплощением идеала благородства, идеала удивительно талантливого человека,* – рассказывает Галина Куличкина. – *Поражал её аналитический ум, её естественное великодушие, она обладала редкой способностью объёмно видеть художественный образ. Римма Васильевна прекрасно знала театр, её рецензии на постановки пермских театров были заметным явлением. Ещё важно, что для себя и для других она устанавливала высокую планку знаний и культуры мышления.*

Галина училась в Пермском госуниверситете в 60-е годы. Необычное было время – время надежд на перемены в обществе, этим жила творческая интеллигенция, дух свободы царил в студенческих аудиториях. Молодежь впитывала идеалы демократии и гуманизма.

В ту пору театр переживал подъём, режиссёры много экспериментировали. Учитывая особенный характер театрального искусства, власти тогда очень внимательно относились к подготовке и воспитанию театральных критиков. Велась индивидуальная кропотливая работа. По линии Всесоюзного театрального общества Галину Куличкину пригласили на учебу в столицу, в союзную творческую лабораторию. Группа небольшая – отбор был строгий. Перед ними выступали известные в стране режиссёры, знаменитые актёры, искусствоведы: их вводили в атмосферу творческих исканий современного театра, раскрывали особенности различных направлений театральной жизни.

– *Мы смотрели в московских театрах постановки, которые вызывали общественный интерес, о которых много говорили и спорили.* – Чувствовалось, насколько приятны ей воспоминания.

Редакция соглашалась с периодическими командировками своей сотрудницы, только надо было оставлять материалы для газеты на время каждой поездки.

– *Кроме Москвы,* – продолжила она, – *мы побывали в Ленинграде, Таллинне, Ташкенте, Самарканде, Иркутске и других городах Союза, знакомимся с различными театрами, с их работами. А затем пошли зарубежные творческие поездки: в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Турцию. Знакомимся с их театральными коллективами и порой, признаться, с неожиданными для нас спектаклями. Я побывала не во всех заграничных творческих командировках из-за рождения детей. У меня была мечта съездить в*

Англию, увидеть там шекспировские спектакли. Но мечта так и осталась мечтой.

К сожалению, прежний опыт российскими властями сегодня забыт, и теряет от этого театральная жизнь, теряет зритель, теряет пресса. Театральная критика держится лишь на энтузиазме тех, кто по-прежнему любит театр и верит в его общественное предназначение.

– Помню, в Перми проходили гастроли Ленинградского БДТ, – рассказывает Галина Куличкина. – У меня родилась дочь, я ещё была кормящей матерью, но каждый вечер шла в театр. И встретила там Римму Васильевну Кожину. Увидев меня, она спросила: «А как же дочка?» Я ответила, что четыре часа между кормлениями она выдерживает. А за малышкой в мое отсутствие следит муж. Она промолчала, а потом сказала: «Вообще-то вы правильно поступаете. Надо успевать, пока дети маленькие...» Интересно, что ранее, после окончания вуза, она мне советовала: «Успевайте, пока нет детей». Да, как быстро меняется наша жизнь...

В пермской областной журналистской организации как-то заметили, что за многие годы лишь у двух журналисток было трое детей, одной из них была Галина Куличкина. Она уточнила, что в их семье главным были дети и работа. Стоит подчеркнуть: любимые дети и любимая, очень нелегкая журналистская работа. Научилась работать в любой обстановке, знала, что пока какое-то свободное время есть, надо писать, другого не будет, и дома уже не сесть за письменный стол, там другие заботы.

Журналиста, освещающего театральную жизнь, обычно называют театральным критиком. Однако его работа далека от привычного понимания критики как отрицательного суждения, выявления недостатков, это всё-таки область литературного творчества, отражающая текущую деятельность театра, когда рассматриваются многообразные связи сценического искусства с действительностью, обобщается художественный опыт театра, тенденции его развития.

У Галины Куличкиной несомненный дар заметить и обязательно обратить внимание других на талант в человеке. Она одна из первых написала об основателе театра «У моста» Сергее Федотове как о молодом талантливом режиссёре. Одна из первых познакомила читателей с незаурядным балетмейстером Евгением Панфиловым. Также одна из первых рассказала о Марине Оленевой, которая создала «Новую драму» как интеллектуальный элитный театр времен перестройки. И о Б. Мильграме в свое время, когда он ещё не был министром культуры Пермского края, первой написала. О его

постановке по пьесе Э. Олби «В зоопарке», с которой он объездил Европу. Открыть талант в людях, считает она, это лишь полдела, важно затем вести, отслеживать их творческий путь, отмечать успехи, поддерживать при неудачах, радоваться их росту.

И наступал момент, когда они перерастали пермский уровень, о них начинала писать центральная и зарубежная пресса. Около них появлялись другие, весомые для их творческого полёта критики. Это другой уровень внимания, и они, естественно, переключались на тех критиков.

Трудно удержаться от вопроса: а всё-таки, когда у них были неудачи и они видели об этом материал в газете, как они воспринимали критику? Как тогда складывались отношения?

– Конечно, творческие люди ранимы, – рассказывает Галина Куличкина, – и реагировали на критику по-разному. Но жизнь есть жизнь, и от проблем не уйти. Помню, когда у Евгения Панфилова были финансовые трудности, ему предложили коммерческий проект – поставить для варьете эротический спектакль на русские мотивы. И он подписал контракт и сделал зрелище, где девушки были в прозрачных и коротких русских сарафанах с декольте под грудью. Он переиначил в духе модерна русские культурные традиции. Варьете «шло» во Франции. А перед поездкой туда он показал спектакль для избранных здесь. Конечно, чувствовал коммерческую составляющую и набрал для варьете новый состав молодых танцовщиц. Я написала тогда, что это опасный путь... Он прочитал материал, и, несмотря на отсутствие в нём поддержки его проекта, сохранил ко мне тёплое отношение.

Конечно, у театрального критика из столицы, приехавшего, например, в Пермь познакомиться с театральной жизнью, всё складывается просто: посмотрел спектакли, написал о своих впечатлениях и уехал. А каково живущему здесь, когда постоянно встречаешься с актёрами, режиссёрами, хорошо их знаешь, со многими в близких, доверительных отношениях, и возникают вдруг острые ситуации в театральном коллективе, которые вызывают общественный резонанс. Об этом приходится писать, зная, что кому-то внимание рецензента к проблеме может не понравиться. В журналистской практике Галины Куличкиной такие моменты встречались, и после выхода материала порой портились отношения, но для неё важным было придерживаться объективной оценки случившегося.

У того же Сергея Федотова однажды возникли сложности в отношениях с труппой. Галина об этом написала, не остались в

стороне и другие театральные критики. Он резко воспринял выступления, и на большинство публикаций последовали с его стороны судебные иски. А острой реакции на её материал не было. Но театр «У моста» она на какое-то время перестала посещать. Однажды студенты попросили её сходить вместе с ними на федотовский спектакль. Согласилась и пришла. И в фойе встретила художественного руководителя. Федотов удивленно произнёс: «Какая неожиданность!» А в театральном зале неожиданно для неё обратился к зрителям и сказал, что на сегодняшнем спектакле присутствует театральный критик, которого он ценит, к мнению которого всегда прислушивается. «Галина Васильевна, пожалуйста, встаньте, чтобы Вас видели». Когда его спектакль был удостоен Национальной премии «Золотая маска», Галина Куличкина порадовалась и за театр, и за режиссёра, которому когда-то искренне и бескорыстно помогала «раскручиваться» своей информационной поддержкой.

Таланты Евгения Панфилова, Сергея Федотова, Марины Оленевой раскрылись в новое постсоветское время. Наступила пора жестких рыночных отношений. Театрам было трудно финансово. Они нуждались в информационной поддержке СМИ, и журналисты на их премьеры живо откликались. Сложнее ситуация была с самими СМИ. Если близкие к властям центральные газеты, теле- и радиоканалы имели бюджетную подпитку, а малую прессу – городские и районные газеты – взялись финансировать и вместе с тем жестоко контролировать муниципальные власти, то все остальные издания, особенно областные, краевые оказались совсем без средств и поддержки читательской аудитории. Российскую журналистику новейшего буржуазного времени откровенно, с ухмылкой (дескать, получили своё!) стали сравнивать с одной из древнейших профессий: в публичном доме ещё никому не удавалось сохранить невинность.

В те годы судьба «Вечерней Перми», где работала Галина, тоже стала зависеть от коммерции. Предпринимателем, однако, не всякий редактор может быть. Условия же для газеты становились день ото дня сложнее – росли цены на бумагу, полиграфические услуги, аренду помещений, доставку газеты. Когда-то очень популярная в Перми «Вечёрка» уже с трудом держалась на плаву. Как секретарь первичной журналистской организации в редакции Галина Куличкина вступила в конфликт с главным редактором в 2000-м году, когда тот перестал регулярно выплачивать журналистам гонорар. Он соглашался выдать деньги, если журналист напишет заявление на увольнение. Ему хотелось таким образом избавиться от недовольных и

свободолюбивых. А их было большинство. Очень непросто Галине оказалось защищать коллег.

Семья Куличкиных была большая, поэтому Галина в те годы вынуждена была искать еще работу на стороне. Возможность дополнительного заработка появилась в Пермском институте искусства и культуры, там предложили вести лекции по журналистике для студентов по специальности «Менеджер культуры». В институте считали, что менеджер должен сам писать и разбираться в текстах, которые ему поступают и этому его должны научить.

А редакцию продолжало лихорадить, начались перебои с выпуском газетных номеров. Вскоре она ушла, в числе последних сотрудников, из редакции. Контрольный пакет акций демократической «Вечёрки» в 2000 г. был куплен одним авторитетным бизнесменом, и она превратилась в пиар-проект. Пережить такое никому не пожелаешь. С «Вечёркой» было связано почти тридцать лет творческой жизни. И вот жуткая тишина после ежедневной напряженной работы.

– Не переживайте, переходите в институт на штатную должность. Я вас возьму безо всяких вопросов, – сказал заведующий кафедрой социально-культурной деятельности ПГИИК Геннадий Михайлович Кузицын. Но, зная её преданность журналистике, он всё-таки спросил:

– А, может быть, захотите в другую газету уйти или, к примеру, на радио, на телевидение?

– Нет, в СМИ везде кризис.

– Тогда, если основательно настраиваться на работу в институте, надо делать диссертацию.

Предложение непростое, есть, о чём задуматься. Кафедра профилирующая, серьезная, её ведущее направление – организация досуга для разных социальных групп населения в учреждениях культуры и искусства. А ведь и её журналистская работа напрямую была связана с той же социально-культурной средой. За время работы в институте по совместительству она смогла проявить себя: разработала курсы социальной работы, спецкурсы по социокультурным технологиям. Работы её студентов отмечались на всероссийских конкурсах. Ну, и курсы лекций по журналистике – само собой. Интересно, что она находила аргументы в пользу расширения границ выбранной студентами специальности, и они, например, пробовали себя в средствах массовой информации. Её дипломник Александр Сыпачев творчески руководил молодежным общественным объединением в Краснокамске и сотрудничал с редакцией газеты

«Краснокамская звезда». А сейчас он полностью живет журналистской деятельностью, его работы можно встретить в ИТАР-ТАСС. Валерий Костарев – тоже её выпускник – работал в «Вечёрке», затем в отделе новостей «Звезды», был первым редактором газеты «Пермский обозреватель». Примечательный факт: в Пермском институте искусства и культуры журналистику стали преподавать раньше, чем в головном московском вузе.

А как быть с диссертацией? И что такое диссертация после стольких лет работы в газете? От вопросов этих не уйти, они напоминали о себе. И Кузицын, вроде бы, не торопил, но тоже ждал ответа. Выбрала то, что волновало её в современной практической журналистике: почему, например, получили распространение манипуляции, черный пиар, джинса и тому подобное? Решила разобраться, отчего так всё произошло. Вырисовалась тема: правда и факт в русской журналистике. Галину взял к себе в заочную аспирантуру декан филологического факультета профессор Борис Вадимович Кондаков. Обговорили проблемы, которые надо осветить, и посчитали, что надо докопаться до истоков. Она проанализировала современную журналистику, затем журналистику другого переходного периода, т.е. первых лет советской власти, потом вошла в XIX век с его богатыми событиями и так дошла до XVIII века, где ясно видно было, откуда всё пошло, как развивались представления о правде и факте. Рассмотрено было несколько периодов развития отечественной публицистики, и что удивительно: многое согласуется с современными тенденциями.

Писала диссертацию и параллельно как преподаватель осваивала новые дисциплины в институте. При этом и практическая журналистика не отпускала её: откликалась на острые житейские темы, писала материалы, по-прежнему смотрела спектакли и потом приносила в редакции газет «Пермский вестник», «Профсоюзный курьер» рецензии. С 2003 года стала редактором газеты «Пермь Великая» краевого молодежного культурно-просветительного центра под эгидой ПГИИК. Казалось, такое не под силу одному человеку. И семейные заботы никуда не ушли – детям нужно было её внимание. Старший Петр учился в политехническом институте и одновременно в музыкальном училище. Закончил их, и как быть дальше, чему отдать предпочтение? Тяга к музыке пересилила – поступил на композиторское отделение Московской государственной академии имени Гнесиных. Дочь Елена завершала учебу на филологическом факультете в Пермском госуниверситете, младший сын Василий стал учиться в институте искусства и культуры.

Но все-таки она укладывается в сроки, официально отведенные для написания диссертации, успешно защищается в 2005 году и всегда помнит неоценимую поддержку научного руководителя диссертации профессора Б.В. Кондакова. А еще она с огромной благодарностью вспоминает своего зав. кафедрой Г.М. Кузицына, который оказал ей и финансовую поддержку на финальном этапе защиты диссертации, позже и ПГИИК выдал материальную помощь новоиспеченному кандидату филологических наук.

В 2008 году создается сайт «Permnew.ru», «Новости Перми и Пермского края», одно из журналистских Интернет-изданий на информационном рынке Перми. Надо признать, новый вид современной журналистики увлек Галину. Она активно подключилась к подготовке материалов для этого издания. Оперативность в этом виде СМИ невероятная, не надо ни типографии, ни бумаги, и удивительная доступность для читателя! Вот и получалось, что, несмотря на потрясения, крушение надежд, журналистика не отпускала её, и всё время она оставались в круговерти общественной жизни. Интернет-издание «Permnew.ru» стало информационной площадкой и для студентов политехнического института, где к тому времени преподавал журналистику А.П. Куличкин, и студентов института искусств и культуры, а потом и ПГНИУ. Организаторы сайта стали ежегодно выпускать сборники лучших публикаций за год. Сегодня читать альманах с материалами студентов интересно, они радуют своей искренностью и свободой мысли. Это уже творчество нового поколения.

Судьба бывает благосклонной к журналистам: может неожиданно подарить встречу с героем давних материалов. После европейских гастролей, театральных постановок в столице в Пермь вернулся Борис Мильграм. Его уже ждала должность художественного руководителя Пермского академического театра драмы.

– Б. Мильграм пришел в крепкий профессиональный коллектив, – рассказывает она. – Группу годами подбирали, возвращали народный артист СССР Иван Тимофеевич Бобылёв. Спектакли были стабильно на высоком профессиональном уровне, и театр при нём получил звание академического. Редкий из провинциальных театров добивался такого высокого признания. Театр И.Т. Бобылёва был интересен своей традиционностью. Он был верен МХАТовским традициям, традициям психологического театра, и вместе с тем здесь находили и ставили пьесы современных русских и зарубежных авторов, отражающих остроту сегодняшнего дня. И. Бобылёв был настроен на поиск. Он ставил пьесу М. Шатрова «Синие кони на красной траве», в которой

звучали новые акценты темы революционного прошлого, одним из первых поставил пьесу А. Гельмана «Протокол одного заседания», пьесу В. Розова «Гнездо глухаря». Пьесы отвечали ожиданиям зрителей во времена перестройки.

А Б. Мильграм начал неожиданно: решил убрать прежнее имя театра, а взамен предложил называть его Театр-Театр. Странновато звучит, пермяки ломали головы, пытаясь разгадать тайну нового имени.

Надо отдать должное филологам – те не стали искать смысл там, где его нет:

– Это в одном ряду с кис-кис, мур-мур, гав-гав.

Вот и весь креатив. Подобное новаторство выдавалось за современность и в новых постановках. Зрителей убеждали, что им выдают самое-самое, а они не могли поверить, и всё чаще покидали спектакли в середине действия. Отдадим должное, отдельные спектакли вызвали интерес, но это были чаще всего работы приглашенных режиссёров.

Стоит обратить внимание на такой факт: Галина Куличкина пока не написала ни одной рецензии на спектакли, поставленные Борисом Мильграмом в Перми. Сложно судить о причине этого, но рецензий как не было, так и нет.

С Б. Мильграмом были связаны последующие события в культурной жизни Перми и края, на которые она уже не могла не откликнуться. Речь о культурной революции, внедряемой у нас Борисом Мильграмом и прибывшим с ним из Москвы галеристом и политехнологом Маратом Гельманом, кстати, сыном известного драматурга. Интересен альянс двух этих людей – оба невероятных пробивных способностей. Мильграм стал министром культуры, а затем заместителем председателя пермского правительства, Гельман – директором созданного им музея современного искусства «PERMM». Они продвигали культурную революцию в виде красивого и амбициозного проекта «Пермь – культурная столица Европы». Здесь нет ошибки, именно Европы, как говорится: ни больше – ни меньше. Очаровали этим проектом губернатора Олега Чиркунова, и пролился на них такой золотой бюджетный дождь, какого пермские деятели культуры никогда не видели. И на этот раз не им предназначались эти средства. Мало того, отменялись полностью традиции пермской культуры. Ставка делалась на умело пропиаренные проекты чаще всего московских или других, близких Гельману, «авангардистов».

Постмодернизм предстал в Перми во всем своем блеске. Срочно раскрашиваются заборы, не считаясь с общественным мнением, город

заполняется странными арт-объектами: безголовыми красными человечками, надкушенным яблоком, непонятно что выражающим: плод познания или стыдного греха, бетонными монолитами-буквами, из которых выстраивалось слово «власть», а на площадке близ вокзала появился навал из бревен в виде буквы «П», подталкивающий к сравнению с чем-то буйно заросшим. Появился с москвичами во главе театр «Сцена Молот», где каждый второй спектакль должен был шокировать зрителей либо непристойным сюжетом, либо нецензурной лексикой.

Музей «PERMM» призван был стать центром идеологии культурной революции. Здесь пермяков ждали перформансы, инсталляции, разные придумки, в основе которых откровенное глумление, эпатаж.

Тем для журналистских материалов хоть отбавляй, перо трудно остановить. Этому нашествию революционных преобразований и Галина Куличкина посвятила несколько статей. Одна из них – «Территория: банкет или война миров» на сайте «Permnnew.ru» дает принципиальную и точную оценку «пермской культурной революции».

Пермь – родной город Галины Куличкиной, здесь её небо, её улицы, её Кама. Неторопливая прогулка с ней откроет перед вами многие замечательные страницы истории города. А что тут особенного: её имя и биография в биобиблиографическом справочнике краеведов Прикамья. Друзья только удивляются кругу её интересов.

– Неужели и краеведение тебя увлекло?

– Одно время в «Вечёрке» я сидела в кабинете вместе с Владимиром Гладышевым. Он уже тогда был погружен в историю Перми и края, а теперь является председателем общества «Пермский краевед». К нам в редакцию часто приходили краеведы, приносили материалы с рассказами о своих поисках, об интересных находках. Для них открытия как драгоценные самородки, и они готовы были со всеми поделиться своей радостью. Как тут было самой не увлечься. У каждого краеведа свои темы, свои уголки истории.

– А в Перми что ближе тебе?

– Старинные кварталы, тихие улочки Первогорода, памятники культурного наследия. И было время, когда приходилось спасать памятники культуры, истории города. Проводили акции, поднимали общественность, привлекали внимание властей. Помню акцию по увековечению памяти Юзефа Юлиановича Пиотровского, ссыльного поляка, открывшего в Перми первый книжный магазин. Это здание известно сегодня пермякам как гастроном № 1. По подписке собрали

средства на мемориальную доску, её установили на этом здании. Теперь мраморная доска напоминает всем нам о вкладе Пиотровского в развитие культуры Перми.

– Когда по Сибирской улице шли к Каме, ты рассказывала о здании, в котором провел последние дни Михаил Романов, брат императора Николая II. Как всё-таки правильно: королёвские или корольвские номера?

– *Как-то в архивах искали имя архитектора, который создал это здание для купца Королёва. Купец устроил в нем гостиницу и сдавал номера, в народе их стали называть королёвские. Это здание хотели восстановить и открыть в нем музей, т.к. значимые события были связаны с ним. И вдруг мы узнаем, что здание отдали под общежитие театру оперы и балета. Там уже планировка комнат нарушена, была мозаика красивая, её бы восстановить, а сделали наоборот: взяли и закрасили. Помню, писала статью о нарушении закона об охране памятников истории и культуры. Во властных кругах кипение страстей по поводу публикаций было недолгим. Тихо спускались в «никуда» критические замечания прессы.*

– Стиль работы властей узнаваем.

– *Если общественность проявит инициативу, объединит силы, что-то может получиться. Вот в парке имени Горького смогли восстановить старинную ротонду лишь на пожертвования жителей. У города якобы не было средств. Или возьмем Разгуляй, наш Первогород. Там стоит памятник основателю города Василию Никитичу Татищеву, и напротив через дорогу была поначалу свободная площадка. Объявляли конкурс проектов на создание ансамбля с памятником. Ещё хотели построить там небольшой городок традиционной культуры с лавками изделий народного промысла и традиционных для края товаров. А что в результате имеем? Стоянку автомобилей рядом с супермаркетом. Тенденция потребительского общества победила.*

Она сокрушается, что усилий только краеведов и журналистов, конечно, недостаточно, что в родном городе ещё нет мощных солидарных действий общественности, потому трудно утверждать пермякам что-то своё, близкое, дорогое.

Зная её характер, её целеустремленность и профессионализм, Галину Васильевну Куличкину приглашают быть членом, а часто и возглавлять жюри творческих журналистских конкурсов. Обычно она задает высокую планку требований к мастерству участников. Показателен в этом плане творческий фестиваль «Журналистская весна», ежегодно проводимый в Прикамье. Это фестиваль так

называемой малой прессы, конкурсы проводятся среди городских, районных и многотиражных газет, а также среди журналистов этих изданий. В 2012 году состоялся уже 15-й такой фестиваль, и все 15 лет самое активное участие в работе жюри принимает Галина Васильевна Куличкина. За эти годы настолько вырос уровень этих газет, что в стране их ставят в пример.

Примечательно, что основная нагрузка у нее в Академии искусства и культуры, но она ведет занятия и на кафедре журналистики в Пермском государственном университете – заботится о творческой смене наших газет, телевидения и радио.

Её рабочий день часто заканчивается после полуночи, но она иного ритма жизни не признает. Живет, правда, частенько с постоянным ощущением, что опаздывает: дел много.

...А ещё в её жизни есть дом в деревне. Крестьянский дом, зеленая лужайка, посадки, огород. Особо она следит за баданом, который ей подарил со своего огорода Василий Александрович Мосеев, бывший председатель Пермской организации Союза журналистов России, скоропостижно ушедший от нас.

Там, вдали от городских хлопот, наступает безмятежное время, там летней прохладой приходит ночь с яркими звездами на бескрайнем таинственном небе, и, если присмотреться, можно заметить, как сквозь них пробирается светящаяся точка спутника.

А ещё она любит вместе с друзьями и внуками на той же даче сидеть у ночного костра, слушать треск горящего дерева, стрекотанье кузнечиков и пить чай, пахнущий душистыми травами...

Как-то узнала, что у знакомых рядом с дачей растут дубы. Край наш северный, и вдруг дубы. Она загорелась:

– *Привезите, пожалуйста, желуди, может быть, у нас они тоже прорастут.*

Желуди привезли, а с ними – новую светлую надежду.

Н.А.Бондаренко,
журналист

СОЛО ДЛЯ «ЗОЛОТОГО ГОНГА»

Людмила Каргопольцева приветствует всё передовое и новое (всё нано!), но совсем не жалуется Интернет. Говорит, что в нём опосредованная информация. А ей нужна – из первоисточника, от человека, чтобы глаза в глаза...

Людмила Константиновна Каргопольцева родилась в г. Орске Оренбургской области. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета имени А.М.Горького (1965) и театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (1977).

После окончания Пермского университета работала учителем, затем, с 1969 года, литсотрудником, заведующей отделом областной молодежной газеты «Молодая гвардия». С 1975 года – корреспондент, заведующий отделом, заместитель главного редактора областной газеты «Звезда». С 1990 года – заместитель редактора областной газеты «Пермские новости». С 1998 года по настоящее время – обозреватель, заведующий отделом культуры областной газеты «Звезда». С 1997 по 2002 год работала собкором федеральной «Общей газеты».

Основные темы публикаций – человек, общество, власть; искусство и культура; телевидение.

Неоднократный лауреат областной журналистской премии имени А.Гайдара, лауреат конкурса журналистского мастерства «Золотой абзац» (1999), Всероссийской премии Союза журналистов России «Золотой гонг» (2004), конкурса «Женщины Перми» в номинации «Звезда четвертой власти» (2005), обладатель Диплома общественного признания (2006). Награждена медалью «За трудовое отличие» (1986). Избиралась членом правления областной журналистской организации. Член Союза журналистов России с 1972 года. Из энциклопедии «Журналисты России».

В Пермский университет она поступила, потому что любила учиться. На филфак – потому что любила литературу. Поступать в вуз тогда было трудно, но Людмилу это только бодрило. Более того. Университет и литература были ей интересны настолько, что не смутили даже неожиданные барьеры. Так, для будущих первокурсников в вузах ввели вечернее обучение. Пусть, мол, год работают днём, набираются опыта, а по вечерам учатся, привыкают к жизненным трудностям. Вероятно, из тех же соображений (*учись, брат, барьеры брать*) в вузах отменили в тот год все льготы для медалистов, и они, в том числе и Людмила, должны были сдавать не один, а все четыре экзамена, то есть поступать на общих основаниях.

Вот тут-то возник казус: Людмила пришла на вступительный экзамен «по сочинению» хоть и раньше всех, но... без экзаменационного листа. А ведь всегда была собранной и педантичной. Просто так волновалась, что забыла экзаменационный

лист дома! Увидев катастрофу в глазах абитуриентки, преподаватели, стоявшие в дверях, позволили ей сходить (сбежать!) за злополучным листом, заранее предупредив, что потом дополнительного времени ей на сочинение никто не даст. Домой, к Центральному рынку, а потом назад, на Заимку, Людмила бегала больше часа (на транспорт в те годы не приходилось рассчитывать). И то ругала себя за забывчивость, то мысленно уговаривала, что всё будет хорошо.

За сочинение, даже написанное без черновика, абитуриентка Каргопольцева получила пятёрку. И за все остальные экзамены (устные) – тоже. Тем самым она словно подтвердила кому-то, что медалисткой стала неслучайно. А сейчас и внучкам об этом рассказывает: мол, любой человек, если ему интересно, может стать медалистом, а потом – отличником в своём деле. Главное, чтобы не пропал интерес.

Когда Л. Каргопольцева поступала в университет, то ни о какой журналистике и не думала.

– Родители в мой выбор не вмешивались. Отец – водитель, мама – домохозяйка, в семье – четверо детей. Желание учиться в университете было моим собственным «движением». Знала, что филологический факультет выпускает учителей. Ничего не имела против этой профессии, – вспоминает Людмила Константиновна.

И только спустя девять лет, когда уже были пройдены и университет, и трёхлетняя педагогическая работа в Кизеловском профтехучилище, и год службы мелким клерком в областном управлении культуры, Людмила Каргопольцева вдруг подумала о журналистике. Именно это стало ей теперь интересно.

В редакции газеты «Молодая гвардия», куда она пришла наудачу, ей дали два задания. Одно – написать что-то личное в рубрику типа «Ленин всегда живой», другое – «рассказать о хорошем человеке».

Зарисовка явно не задалась. Выбрав в героини бывшую одноклассницу, действительно ставшую хорошим учителем, автор хотела так много сказать о ней, что в результате родилось что-то сумбурное и сверхсубъективное. А вот эссе о «вечно живом» главного редактора явно заинтересовало. Единственное, обо что он «споткнулся», это мысль об... одиночестве Ленина. Тогда это было, мягко говоря, неожиданным. А если говорить прямо – крамольным. Главный редактор задумчиво посмотрел на Людмилу и – убрал из текста крамолу. А всё остальное распорядился отправить в печать.

В тот же день начинающую журналистку приняли на работу – стажёром с испытательным сроком в шесть месяцев и окладом в 84 рубля. Испытательный срок закончился – Л. Каргопольцеву перевели в полноценные корреспонденты, что, впрочем, мало сказалось на её зарработке. Но ей было не до мелочей – она с головой ушла в работу.

Они нашли друг друга – жаждущая новизны Людмила и газетное дело, природа которого скромно таится, прежде всего, в новизне, в постоянной готовности отвечать интересам (широчайшим интересам!) читателей. Не каждый мог выдержать темпы газетной работы: сбор материала, его осмысление, затем написание будущей публикации. А Людмила принимала всё это с нескрываемой радостью, как единственно необходимое, – прежде всего, для себя.

Она могла, например, поехать в Березники, в «гремевший» тогда громкой славой балетный театр Цыгановой, а ночью, прямо в поезде, написать об этом материал на целую полосу. Или создать на страницах газеты клуб «Светлица», в материалах которого рассказывала, чем живёт сельская молодёжь, о чём мечтает, в чём находит счастье. Мало того! С авторами «Светлицы» журналистка выезжала в сельские клубы и там вела речь о газете, героях её публикаций, о молодёжи, которая находит себя именно в сельском укладе жизни...

А такое безусловное требование журналистской профессии, как наличие сильного характера, было просто очевидно в новоявленной журналистке. Л. Каргопольцева никогда не стеснялась высказывать на страницах газеты своё мнение. Например, могла съездить в какой-нибудь уголок Пермской области «по следам критического письма» и выложить всё, что думает, о сложившейся там ситуации. Невзирая на лица, доказательно и правдиво, тщательно перепроверив каждый острый факт.

Но неопытность иногда сказывалась, и порой именно из-за этого дело доходило до курьёзов. Вот один случай, который вспоминает Людмила.

– Однажды я взялась разобраться в редакционном письме, в котором девушка жаловалась на то, что некий молодой специалист на заводе «являет трудовые подвиги», а вот в быту подкачал: оставил её с ребёнком в общежитии, без родных и близких. Я добросовестно со всеми поговорила – и с молодым человеком, и с девушкой, и с её подругами... И написала статью, в которой «обманутая» девушка получалась не такой уж бедной и несчастной, а скорее хваткой, в общем, не очень-то положительной. Девушка,

видимо, этого не ожидала и стала звонить в редакцию. Браниться и угрожать. Основная её претензия была в том, что в комнате с ней жили две девушки, а не три, как я написала. То есть острые факты я скрупулёзно проверила, а этот, второстепенный, недооценила... Закончилось же всё тем, что, не удовлетворившись общением с редакцией, молодая мамаша пришла с ребёнком на руках в обком комсомола, добилась приёма у секретаря и положила ему на стол младенца: мол, забирайте себе, раз не можете защитить достойного члена ВЛКСМ. Тогда в суды по газетным делам ходить ещё не было принято, а любой обком был в глазах людей поглавней какой-то газеты...

Так приходили знание жизни, профессиональное мастерство. Л. Каргопольцева очень быстро сформировалась как журналист. Она считает, что это происходило во многом благодаря университетским преподавателям. Они не учили её журналистике, но привили внимание к человеку и уважение к нравственным нормам. Остальное довершила среда – творческая атмосфера самой «молодёжки». Начиная журналистка училась там отношению к делу, умению, как тогда говорили на редакционных летучках, любить профессию в себе, а не себя в профессии.

Из размышлений Л. Каргопольцевой:

– Шишки набивала, но старалась всё делать «по максимуму». И к профессиональным азам, которым, рассказывали, учат на факультетах журналистики, я приходила сама, своим трудом, потому что в «Молодой гвардии» не было принято устраивать какие-то уроки. Там сам уровень был тогда неплохой, и нельзя было плохо писать. Помню, в Пермь в первый раз приехала Пугачёва – это было уже после Сопота, где она спела своего «Арлекино». Что я сделала? Сбегала на её концерт, потом помчалась в библиотеку. Было часов девять вечера, а мне надо было про эту певицу знать как можно больше. Нашла какой-то столичный журнал с её интервью, выпросила его на ночь. И уже писала свои впечатления на фоне более глубоких знаний. В итоге читатели получили добротную информацию.

Ну а то, что в «молодогвардейский» период Людмила вышла замуж и родила дочь, поступила в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии на театроведческий факультет и была удостоена престижной премии областной журналистской организации – всё это получилось, как она говорит, само собой. Из того же ряда начал и неизбывного человеческого интереса.

В 1975 году Л. Каргопольцева перешла в «Звезду». В «молодушке» её провожали всем коллективом и в специально сочинённой по этому поводу песне выразили сожаление, что новенькую того и гляди затрут маститые журналисты. В самом деле: уж на что строга и серьёзна Л. Каргопольцева, а «Звезда» ещё строже – эта областная газета была органом обкома КПСС, и журналисты там работали умелые и серьёзные.

Но... не затёрли! Людмила писала много, как правило, большие материалы и в ежедневной газете (большого формата!) публиковалась часто. Сначала работала в отделе пропаганды у Юрия Николаевича Вахлакова и вскоре с интересом отметила, что этот человек, заведующий отделом, оказывается, положительно влияет на неё своей серьёзностью. Они не тратят времени на пустяки, а полностью отдают его делу. В остальном же Людмила была совершенно свободной и продолжала самостоятельно формировать свой творческий почерк. Он с первых дней отличался от сухого протокольного языка большинства газетных материалов. Этого нельзя было не заметить. Тем не менее замечательно то, что стиль новой корреспондентки никто даже не пытался переиначивать и ломать. Разве что строгий Иван Иванович Кривулин, заведующий отделом сельского хозяйства, называл Людмилу и ещё некоторых корреспондентов барственно: «*Литераторы*»... Людмила вспоминает:

– Такого стиля требовало само время. Более того – он уже появился на страницах некоторых центральных изданий, вытесняя сухие материалы журналистов старой партийной школы, так сказать, «документалистов». (Видимо, под «документом» деликатная журналистка имеет в виду всё-таки «протокол».)

Читатели, разумеется, сразу заметили появление нового автора. Подпись *Л. Каргопольцева* люди сразу начинали искать взглядом, как только открывали газету. Стиль журналистки отличался стройной логикой изложения, точным выбором слов, художественными деталями и обязательно – мыслью. Иным – «человеческим» – языком заговорили и авторы материалов, которые Каргопольцева готовила к публикации. Тогда такие – авторские – публикации в советских СМИ были обязательны.

И снова не обошлось без курьёзов. Однажды Л. Каргопольцева получила задание сделать «читабельный» материал под будущую новую рубрику, и автором его должна была стать секретарь по идеологии одного из «сильных» горкомов КПСС. Людмила поехала к ней, выслушала, записала все её мысли (неординарные, кстати), потом

вдохновенно выстроила всё сказанное в газетный материал... Секретарь прочитала, поставила под ним свою подпись.

– Она явно не ожидала, что получится такой красивый материал, но ничего не сказала: слова и мысли были её, только правильно мною построены. Не потому, что я такая талантливая, а потому что это входит в мою профессию.

Статья получилась яркой и интересной, написанной живым, образным языком, в меру эмоциональной, с раздумьями. Настоящий подарок читателям. Достойная презентация рубрики. Но как только материал вышел в свет, в редакцию позвонил первый секретарь горкома со словами: «Не может быть! Не может быть, чтобы моя подчинённая говорила таким живым языком!» А между тем, наступало время именно такого, свободного языка не только в печати, но и в обществе в целом. И журналист Л. Каргопольцева была одним из предвестников этой «весны».

– Уверена, что из-за страсти к новизне я не упиралась рогами в то, что умею, а всегда была готова и дальше усваивать что-то новое. Если потребность в таком языке вызвало само время, то мой стиль менялся вместе со временем,– считает Людмила Константиновна.

Тут необходимо сделать маленькое дополнение. На творческий стиль журналистки оказал влияние и театр. Она с детства страстно любила его, с тех самых пор, когда занималась в драмкружке во Дворце пионеров. Позже, став взрослой, не пропускала ни одной премьеры в пермских театрах, ни одного гастрольного спектакля. И, разумеется, став студенткой-заочницей театроведческого факультета, Каргопольцева не понаслышке познакомилась с репертуаром театрального Ленинграда. Однако писать классические рецензии (с анализом выразительно-изобразительных сценических средств) никогда не любила: ей это было не интересно. В значительной мере её занимали драматургия спектакля, характер и психология героев, их взаимоотношения, и мало интересовало то, какими художественными приёмами это достигнуто. Более того, она всегда подчёркивает, что театр – это часть её жизни за пределами журналистики. Она считает за праздник ходить на спектакли просто так, для себя, зная, что ей потом не нужно будет об этом писать. Правда, такие праздники случаются редко.

А между тем построение фраз, интонация и тем более драматургия её газетных материалов рождались из... чувства театра с его выразительностью. И писать она любила не об идеях, а только о людях, которые обязательно что-то делали, действовали. У неё не

было любимого жанра, а был вот этот любимый объект. Тем не менее, учиться на театроведческом факультете ей было интересно, и на последних курсах учёбы она перешла работать в отдел культуры «Звезды».

Однако вскоре стало понятно, что в этом отделе ей тесновато. Гораздо больше, чем сцена, её волновала жизнь, общественные проблемы. Тем более что в стране уже чувствовалось приближение перемен. Так в начале 1980-х годов Людмила стала работать заместителем главного редактора газеты «Звезда».

Перемены в самом деле пришли.

После апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС, провозгласившего перестройку и гласность нормами партийной (а стало быть, и всей остальной общественной) жизни, свобода ворвалась и на страницы газет. Один за другим Каргопольцева пишет материалы о «человеческом факторе» в преобразовании жизни. «Фактор совести» называется одна из таких публикаций. Или вот: вместе с корреспондентом «Звезды» Иваном Нагаевым они критикуют высокопоставленных лиц объединения «Пермнефть», построивших себе коттеджи в посёлке Полазна, за такой «грех», как отсутствие партийной скромности (статья называлась «Барская улица»).

В эти годы Л. Каргопольцева с журналистами и внештатными корреспондентами часто организует «газетные рейды» на актуальные темы, сама участвует в них. Ездит на городские собрания, сельские сходы, где перед населением отчитываются руководители и поднимаются проблемы плохо налаженного бытия...

Кроме того, значительную часть времени у Людмилы отнимает работа над выпуском газеты: планирование материалов, обсуждение их с журналистами и ответственным секретарём, а также вычитка, постоянная вычитка уже почти готовых номеров в процессе их корректуры. Эту рутинную, но такую важную для читателей «шлифовку» газеты, работу над фактографической, речевой и полиграфической культурой рождающегося номера Людмила Константиновна выполняет без суеты, педантично, строго и... с удовольствием. «Пахарь не тот, кто пашет, а тот, кто умеет любоваться своей пахотой», – писал в начале 1970-х известный журналист-аграрник Юрий Черниченко. Это – и о Людмиле. В грамотно изданной, качественной газете проявляется, по её убеждению, прежде всего уважение к читателю.

Но при этом Людмила продолжает ездить в командировки и писать статьи, интервью... А поскольку времени не хватает (вечер, как правило, отдаётся семье, общению с дочерью и родными), Людмила

пишет свои материалы ночами. Они появляются почти в каждом номере (ведь газета «Звезда» ежедневная!). Читатели радуются: «Так часто пишет»! Друзья констатируют: «Пшет – как трактор». Её публикации постоянно находят отклик в обществе. В ответ на критику принимаются меры – это радует и вдохновляет. Как и звонки от читателей, которые благодарят её за своевременные материалы, предлагают новые темы и даже приглашают в гости.

В июне 1990 года её направляют в командировку в Москву – на XXVIII съезд Коммунистической партии СССР. Рядом с ней едут делегаты от Пермской области. Настроение у всех приподнятое, все приветствуют происходящие в стране перемены, не сомневаясь, что они дадут широкий простор развитию экономики, общества, личности.

– Мне было очень интересно своими глазами увидеть съезд, лучше узнать, что происходит в стране, какие мысли и чувства витают на самом верхнем срезе партийного руководства, – признаётся Людмила Константиновна. – Всюду были известные, знакомые по телевидению лица: Михаил Горбачёв, Егор Лигачёв, Александр Яковлев, Борис Ельцин, Анатолий Собчак...

По насыщенности событиями и информацией каждый наш день был очень плотным, и работали мы допоздна. А потом, уже вечером, мчались из Кремлёвского Дворца съездов на Zubовский бульвар, в Агентство Печати «Новости», где ежедневно устраивались пресс-конференции, в которых участвовали и иностранные журналисты. Они формулировали свои вопросы очень чётко. В отличие от советских коллег, которые произносили настоящие монологи, а о чём хотели спросить, было непонятно. Вот тогда я вынесла для себя очень важный урок: журналист должен уметь задавать вопросы, чётко формулировать их.

Здесь же, в кулуарах съезда, работал любимый журналист Людмилы – Егор Владимирович Яковлев, известный литератор, публицист, бывший редактор еженедельника «Московские новости», а потом – руководитель Центрального телевидения. Егор Яковлев выпускал на съезде экспресс-газету, которая называлась «Общая газета». В неё писали журналисты из разных изданий, и распространялась она тут же, на съезде. Людмила очень хотела подойти к Яковлеву и предложить себя в качестве корреспондента: «Общая газета» уже тогда была ей интересна. Хотелось дотянуться до уровня столичных коллег. Но подойти она не решилась, понимая, что времени нет, и ей просто-напросто некогда будет писать сразу в два издания.

Съезд продолжался почти две недели – со 2 по 15 июля. В нём было много сумбура и даже горьких моментов. Тогда отказался от партбилета Ельцин, тогда предлагали избрать нового секретаря вместо Горбачёва, назывались альтернативные кандидатуры... Тогда неоднократно и громко звучала мысль: если КПСС не переменится, то ей не стоять во главе перестройки. Но проблемы тонули в эмоциях и речах... Участники, видимо, это поняли и заговорили о практических действиях: «Что это мы тут сидим? На Кубани уже жатва идёт!»

Съезд сворачивался, но общий эмоциональный подъём не угасал. Лозунги типа «Да здравствует демократизация партии!» сводили с ума, смещая реальность в область фантазий. Людмила это отчётливо осознала, когда один из пермских делегатов, уважаемый человек, доктор наук, подошёл к ней разгорячённый и возбуждённо сказал: «Людмила Константиновна, вот сейчас я хотел предложить себя в Генеральные секретари ЦК, но меня наши мужики удержали».

Прошёл ещё один год на гребне общественного подъёма

И вот в шумных дебатах, транслировавшихся по областному радио, в Перми родилась первая в области непартийная газета «Пермские новости», которую тогда финансировал областной совет народных депутатов. Редактором был назначен бывший «звездинец», а в последнее время собкор «Социалистической индустрии» в Прикамье Григорий Глебович Бажутин; заместителем главного редактора стала Людмила Константиновна Каргопольцева. С её стороны это был шаг в неизвестность. Однако уйти из родной и привычной «Звезды», в которой ей было комфортно, Людмилу Константиновну побудила всё та же пресловутая жажда новизны, желание куда-то двигаться, развиваться. Новая газета собирала вокруг журналистские кадры, и не все они были хорошо подготовлены, поэтому многие материалы уже в полосе подвергались суровой основательной правке со стороны заместителя редактора Каргопольцевой.

И снова жизнью Людмилы продирижировал Его Величество Случай. Было так. Летом 1996 года она собиралась ехать в отпуск – к подруге в Москву, в «ПН» её попросили к очередной годовщине ГКЧП взять интервью у главного редактора «Общей газеты» Егора Яковлева. Ей эта просьба очень понравилась, как нравилась и газета – детище Яковлева к тому времени было уже ежедневным, в нём работали Юрий Рост, Анна Политковская, Виталий Ярошевский и многие другие известные журналисты.

В те же дни предвыборный штаб одного из кандидатов в мэры Перми попросил её взять интервью у очень авторитетного тогда мэра Москвы Юрия Лужкова.

Приехав в столицу, журналистка договорилась о встрече с тем и с другим. Лужков мог сделать это только через десять дней, а Яковлев согласился встретиться завтра и назвал время.

– Мы с ним долго сидели в редакции, ему было что рассказать о событиях, связанных с августом 1991-го. Потом он вдруг спохватился: «Что это я вам всё рассказываю! Давно я ничего никому не рассказывал...» А когда мы уже прощались, попросил показать ему, что я подготовлю к печати: «Вы не думайте, я вас исправлять не буду, но вдруг в тексте окажется какая-нибудь неточность». Я вернулась в Пермь, написала материал, а когда снова приехала в Москву, уже на встречу с Юрием Лужковым, отдала Яковлеву текст его интервью.

– И вот когда мы уже побеседовали с мэром Москвы, я позвонила Егору Владимировичу и спросила, готова ли правка. Он сказал, что готова: там в одном месте надо было написать «вы» вместо «ты» в обращении к какому-то известному лицу («Мы, говорит, не в таких близких с ним отношениях»)... А потом вдруг спросил: «Как вы смотрите на то, чтобы у нас работать собкором?» Я обомлела: сам пригласил! Но ещё не до конца верю и бормочу в ответ что-то типа: «Почему вы думаете, что я смогу у вас работать?» – «А потому, – говорит, – что когда журналист умеет так профессионально вести беседу, сомнений быть не может». И он не только имел в виду своё интервью, но и беседу с Лужковым (как я потом узнала, с мэром Москвы они были в очень хороших отношениях и обо мне говорили).

Узнав, что завтра я уже уезжаю, Яковлев энергично воскликнул: «Так приходите!» А когда я пришла, он показал мне редакцию, познакомил с сотрудниками и сразу дал задание написать публицистический материал (типа «Прямой речи в «Звезде») на первую полосу. Я написала, материал напечатали. С этого началось наше сотрудничество, которое продолжалось пять лет, вплоть до закрытия «Общей газеты».

Яковлев для меня – Редактор с большой буквы. По масштабу личности. По уму. По тонкости душевной организации. Он очень болел, мог быть несдержан в разговоре с сотрудниками, если что-то выходило не так. Но он умел и вовремя поддержать, похвалить за хороший материал.

Надо ли говорить, как увлечённо работала в «Общей газете» Людмила. Тем более, что в «ПН» в ней уже не нуждались, «к рулю» пришла другая команда, и ей ни к чему была Каргопольцева с её огромным авторитетом. Так что для самой журналистки приглашение

в «Общую газету», да ещё лично от Яковлева, было ещё и актом самоутверждения.

В 1998 году редакция «ПН» претерпела процедуру банкротства, уволила журналистов и, сменив название, формат и периодичность, с небольшим штатом сотрудников начала новую жизнь. Людмиле в ней отводилась роль корреспондента. Раз или два Каргопольцева пришла на работу... В те дни она плохо представляла себе, что будет дальше...

А дальше был снова подарок судьбы. Однажды в редакции раздался звонок, и мужской голос попросил пригласить к телефону Людмилу Каргопольцеву. Все, кто был рядом, умолкли, почему-то сразу решив, что этот звонок непростой. Людмила решительно взяла трубку, и... лицо её вспыхнуло ярким румянцем. С каждой секундой она всё более преображалась и, наконец, улыбаясь, заявила в конце разговора: «Хорошо, я согласна». А сотрудникам сообщила, что главный редактор «Звезды Сергей Васильевич Трушников приглашает её на работу в качестве телевизионного обозревателя, что именно для неё вводится специальная рубрика, под которую она будет писать раз в неделю обзоры. На журналистском языке такой автор (он обязательно с *Именем!*) называется *колумнист* (от англ. *column* 'колонка'). В зарубежной печати считается за честь иметь парочку таких *штучных* сотрудников, чего не скажешь о советских газетах, где никого особенно не выпячивали. Однако С.В. Трушников всегда был человеком широкого профессионального кругозора и, видимо, для полной гармонии в его процветающей газете, которая (единственная в Перми!) без промедлений выдавала в те дни корреспондентам зарплату, недоставало только «телевизионной» колонки и автора с *Именем*. В общем, в самое «гибкое» время Людмиле привалило настоящее журналистское счастье.

– Из «Пермских новостей» я уходила без сожаления, потому что это была уже не моя газета. Сначала я переживала, а потом нет. Почему она должна быть моей? Сменились люди, направления, подходы. Я уже ни на что не влияла. Но и о том, что эта газета когда-то была в моей жизни, не жалею. Какая-то перемена была, новые веяния, другие роли. Этот период прошёл – и хорошо!

Журналистке была предоставлена полная свобода творчества. Людмила просматривала передачи местных телеканалов и к концу недели писала обзор. Темы для каждого рождались сами собой, в зависимости от содержания передач. То она посвящала обзор культуре речи ведущего, то композиции телевизионных сюжетов, то полноте содержания выпуска и т.п. В основном это были критические обзоры, написанные легко и задорно, зачастую с иронией. Вот за эту иронию

телевизионщики её и невзлюбили, особенно коллеги с канала «Т7». Времени ему отводилось в эфире больше, чем остальным, поэтому и критических стрел доставалось значительно больше. В ответ на это ведущие новостных передач нет-нет да и отпускали какую-нибудь колкость в адрес «Звезды»: мол, эта газета скоро закроется и язвит из последних сил (правда, «последние силы» вот уже более 10 лет всё никак не иссякают, а даже наоборот).

Воспитывая у сотрудников телевидения культуру профессионального поведения на телеэкране, журналистка вместе с тем поднимала и культурный уровень телезрителей. Её обзоры любили читать, их ждали, и она это знала по реакции читателей «Звезды», которые звонили в редакцию, благодарили и обязательно говорили: «Правильно! Я так же думаю, как и вы!» Иными словами, она в своих материалах проговаривала, озвучивала то, что смутно чувствовали, не находя нужных слов, читатели. А она находила, потому что это давно является её профессией. Тем самым она давала нравственно-эстетическую опору людям, которые в этом нуждались, когда опереться, казалось, было больше не на что.

В знаменитых телевизионных обзорах газеты «Звезда», пожалуй, и начала проявляться та самая Л. Каргопольцева, которую мы сейчас знаем: лаконично-немногословная, ироничная, бодрая. В то же время, когда она «выдавала» свои обзоры, её, как всегда, чрезвычайно интересовали политика и общественные проблемы. Редакция использовала этот её интерес и давала соответствующие задания. Например, когда в Пермь приезжал председатель ЛДПР В. Жириновский, Каргопольцева слушала его в Культурно-деловом центре, а потом ездила на его агитпоезде до станции Комарихинская, после чего живописно рассказала в газете об этом политике, каждой фразой давая понять его «шутовство» и гипертрофированность самомнения. Она и сейчас не может вспоминать о нем без усмешки.

– Вот, сейчас побеседуете, а потом напишете что попало, – в своей небрежной манере произнёс Жириновский.

– *Да что скажете, то и напишу,* – в тон ему, пряча улыбку, отвечала журналистка. И рассказывала потом:

– *Ох, и поёрничала же я в своём материале! Будет знать, как нагло пиарить себя. Хотя... ему всё нипочём. Однажды он мне подарок прислал: футболку с надписью «ЛДПР» и кассету с песней «Летят перелётные птицы» в его исполнении.*

А почему я столько внимания Жириновскому тогда уделила... То было время, когда этот и другие политические типажи представляли для публики интерес. Мы ведь раньше ничего подобного

не видели, тем более на первом плане. А потом этот интерес ушёл. И мне тоже сейчас совершенно неинтересно. Не понимаю только, зачем к нам в Пермь приезжают в гости давно угасшие политические «звёзды»: Проханов, Куняев, Делягин. Ведь они уже никому не интересны.

Не миновал счастья познакомиться с Л. Каргопольцевой и столичный телеведущий Андрей Караулов. Как только он вышел в эфир на «Г7» со своей многоцелевой передачей «Момент истины в Перми», так сразу попал в телеобзор вьедливой журналистки. (Он же не знал, что в Перми есть «щука», которая сразу видит, когда «карась» хулиганит.) Основная претензия к московскому журналисту состояла в том, что за свои передачи он берёт с собеседников деньги (тогда и момент для этого был удачный: предвыборная кампания). После этого А. Караулов хотел разобраться с обидчицей своими средствами: пригласил её на передачу. Она не пошла: не прямой же эфир! А смонтировать можно всё что угодно потом... Тогда оппонент подал в суд... Но суда так и не было. Говорят, истец неправильно оформил документы, а переоформить не нашёл времени... Вот такая история. Лет через десять Людмила очень смешно рассказывала о ней на страницах «Звезды».

В начале 2000-х (нулевых, как их называют) Л. Каргопольцева исчерпала темы телевизионных обзоров, они ей стали неинтересны, и ещё энергичней продолжала писать обо всём, что считала наиболее важным для общественной жизни. Тогда в Пермской области начиналась так называемая оптимизация социальной сферы. В здравоохранении закрывались фельдшерско-акушерские пункты, в образовании – сельские школы. И никакие слёзные просьбы людей не могли остановить чиновников от «новаторства», вследствие которого окончательно разрушались деревни, страдали взрослые, дети, старики.

В эти годы Людмила ездит в районы и пишет критические статьи о развале сельского здравоохранения и образования, о бесправии маленького человека перед лицом бесчеловечной политики. Две такие статьи она послала в Москву, на конкурс «Золотой гонг». Один материал – «Потеряшки» – рассказывал, как администрация закрывает школы в небольших сёлах Куединского района, и многие дети оказываются выброшенными из процесса образования. Вторая статья была о Частинском районе, где под знаком оптимизации закрывали фельдшерско-акушерские пункты (ФАПы) и участковые больницы.

Её журналистское мастерство (в сочетании с гражданским неравнодушием) получило признание. В марте 2004 года Людмиле

вручили награду – приз и Диплом, где было написано: «Награждается Людмила Каргопольцева (газета «Звезда», Пермь), победитель конкурса «Золотой гонг» в номинации «Лучший материал года о социальных проблемах». И подпись: председатель жюри Я.Н. Засурский (знаменитый декан факультета журналистики МГУ Ясен Засурский!). Позолоченная фигурка, воздевшая к небу руки с символическим гонгом, стоит у неё дома на видном месте. Необычный приз весьма точно характеризует природу всего журналистского творчества Каргопольцевой последних лет: это ударная музыка с доминантой тревоги.

Интересно, что если верить толковым словарям, то извлекать звуки из гонга (металлического диска с загнутыми краями) надлежит... колотушкой. И это тоже про Каргопольцеву. Ведь все её критически-сатирические материалы представляют собой неутомимую колотушку, каковую использовали когда-то и у нас в деревнях, чтобы люди в тревожное время не спали.

Особенно ярко сатирический талант Каргопольцевой проявился в последние годы, после того, как министром культуры Пермского края стал театральный режиссёр Б. Мильграм, а его ближайшим сподвижником – скандально известный московский галерист М. Гельман. Это была настоящая «культурная» вакханалия, когда на бюджетные средства (огромные!) Пермь начала превращаться в средоточие «китч»-культуры, в склад мусора, где на центральных улицах и площадях воздвигали какие-то сомнительные объекты «монументального зодчества»: то букву «П» из брёвен, то надгрызенное яблоко, а на мусорных урнах появились литографии великих людей.

«Революционерам» сильно досталось от заведующей отделом культуры краевой газеты «Звезда» Л.К. Каргопольцевой. Её материалы были всегда не большие, но ёмкие (к этому времени она разлюбила не только писать, но и читать большие материалы). Читателей её публикации приводили в восторг, потому что написанное отвечало их чаяниям и вселяло надежду, что культурные эксперименты закончатся. И когда волна человеческого возмущения достигла наивысшего накала, когда люди начали проводить митинги под лозунгами: «Мы не «П», а Пермь!»; «Долой Гельмана!» и т.п. – в свой оргкомитет по проведению акций протеста жители Перми пригласили и журналистку Л. Каргопольцеву.

– *Вот это отдача, вот это «обратная связь»,* – смеялась Людмила Константиновна.

Причём наряду с осмеянием псевдокультуры она всегда обращала внимание публики и на удачные эксперименты пермского министерства, предупреждая, что нельзя вместе с водой выплёскивать и ребёнка. Вершиной её сарказма стало описание страха, который охватил министерство культуры в связи с отставкой прежнего губернатора О. Чиркунова и назначением нового – бывшего федерального министра регионального развития Виктора Басаргина. Вот только одна из цитат: «В пермской культуре – настроение тревожного ожидания. Кто-то опасается, что смена региональной власти лишит его и хлеба, и зрелищ, потребляемых из культкормушки в неограниченном количестве» («Звезда», 15 мая, 2012 г.).

– Раньше я никогда не писала сатирические материалы. Были просто серьёзные критические статьи, иногда неудачные, я их помню... Но потом – опять-таки время потребовало иронии. И я под это время подстроилась, освоила этот стиль. Сейчас, кстати, мало к нему обращаюсь. Художественные псевдоэксперименты закончились, и не стало объектов для критики. Во всяком случае, пока.

– Людмила, скажи, в твоей журналистской практике было чудо?

– Да. Когда Яковлев пригласил меня на работу в «Общую газету».

– Как ты думаешь, почему твои материалы так популярны у читателей в течение нескольких десятилетий?

– Видимо, люди чувствуют, что мне самой интересно то, о чём я пишу. Например, когда я разговаривала с Ю. Лужковым, то задала ему не больше пяти вопросов за полтора часа. Но он как начал говорить, так всё говорил, говорил... ему уже надо было ехать в театр, а он всё говорил. Думаю потому, что я умею слушать. Видимо, люди чувствуют, что мне это интересно.

– Тебе по-прежнему нужна новизна, чтобы заинтересоваться?

– Да. Для меня очень важно всё время что-то открывать для себя. Чему-то учиться, куда-то двигаться. Я до сих пор не люблю ездить в командировки в одно и то же место два раза. Это будет повторение, а я не люблю. Ни через год, ни через два. Конечно, в некоторые районы ездила по три-четыре раза, но всё равно это уже не то. Новизна для меня - очень важный фактор. Журналистика даёт это.

– А что такое для тебя журналистика?

– Журналистика – это украшение моей жизни. Она мне даёт развитие и движение. Так что не хочется останавливаться...

КОНТРАПУНКТ ТАТЬЯНЫ ЧЕРЕПАНОВОЙ

Девять глав про любовь к людям и газете

Всё начиналось с чемодана

Она родилась в чемодане. Серьёзно! Ну хорошо, не родилась – спала в нём, едва родившись, как в колыбели. В белорусском посёлке Балбасово близ Орши, где служил тогда её отец, лейтенант Алексей Старцев.

Чемодана того – большого, с металлическими уголками – уже нет, конечно. Но переезды семьи с места на место, военные городки от Прибалтики до Забайкалья, в которых они жили, – всё это хранится в памяти Татьяны Алексеевны и сегодня. И именно «охота к перемене мест», интерес к встречам с новыми людьми сказались, когда настало её время выбирать профессию.

А ещё ей всегда везло, как утверждает она, на учителей литературы. Из-за частых переездов пришлось сменить несколько школ, и в каждой литературу преподавали замечательные педагоги. Не только про образы Базарова и Катерины рассказывали, но и учили размышлять, анализировать, ценить слово. Писать сочинения, особенно на свободную тему, Таня очень любила. Так что классе в восьмом решила твёрдо: она будет журналисткой.

Детская мечта давно стала реальностью. Почти сорок лет, не покладая рук и ручек (а теперь и компьютерной мыши), работает Татьяна Черепанова в этой трудной, непредсказуемой, но оттого не менее манящей профессии. И вряд ли кто из сегодняшних «акул пера» Прикамья может сравниться с ней в известности.

Написала последнюю фразу – и тотчас словно увидела её лукавый и вместе с тем испытующе-серьёзный взгляд. Услышала её негромкое: «Вот только пафоса не надо. Пожалуйста!» Стоп, а в чём здесь пафос? Её действительно знает, ну или хотя бы слышал о ней, практически каждый причастный к журналистской братии. Причём известность в её случае неотделима от уважения. Что, по-моему, очень важно: понятия «известный» и «уважаемый» далеко не всегда стоят рядом...

И дело тут не столько в профессиональных наградах Т. Черепановой, самой главной из которых (даже при наличии премии Правительства России!) она считает лауреатский диплом краевого Гайдаровского конкурса. А в том, что есть у неё редкостное, в том числе для журналиста, качество – умение разглядеть и поддержать

чужой талант, помочь ему состояться. Журналисты – они ведь с виду только душа нараспашку. По жизни же – индивидуалисты ещё те. А вокруг Татьяны постоянно народ, и преимущественно молодой.

– Именно в её отделе, работала ли она в «Молодой гвардии», в «Звезде» или в «Пермских новостях», при её неустанной заботе расцветали неожиданно ярким цветом те, кому не хватало наглой уверенности, чтобы ворваться в журналистику громко и эффектно. Она всегда была мамой для своих подчинённых, а порой и для начальников. Подойдёт, бывало, погладит по плечу: «Тяжело, брат? Давай помогу», – вспоминает бывший редактор «ПН» Андрей Никитин.

Да и став сама редактором сначала «Делового Прикамья», а затем «АиФ-Прикамья», она опять трудилась, отвечая за себя, за коллег, за газету – и ещё за всё, что происходит вокруг.

Ей по-настоящему интересны проблемы глубинки. Важно, насколько объективно освещаются они в местных изданиях. Небезразлично, как выстраиваются отношения СМИ и власти. Поэтому стоит ли удивляться, что при всех прочих нагрузках Татьяна Черепанова – член президиума и член Большого жюри Пермской краевой организации Союза журналистов. Что на всех пятнадцати состоявшихся в крае «Журналистских вёснах», конкурсах городских и районных газет, она неизменно входит в состав жюри. Не только выявляя победителей среди множества участников, но и проводя по окончании конкурса вместе с другими маститыми пермскими журналистами и журфаковскими преподавателями УрГУ и МГУ традиционные «разборы полётов». Чтобы и победители, и те, кто пока до них не дотягивает, знали, куда расти.

А кроме того, она преподаёт в Пермском государственном национальном исследовательском университете. Разумеется, на кафедре журналистики. Хотя когда начинала работать со студентами в 1998-м, такой кафедры на филологическом факультете ещё не было. Набрали лишь первую небольшую группу на появившейся одноимённой специализации. И Татьяна Алексеевна стала одной из тех, кто, поверив, что пермская школа журналистики обязательно будет, взвалила на себя разработку лекций для амбициозных и слегка идеалистичных студизусов.

Как она всё успевает, как удаётся ей этот немислимый контрапункт (не только в музыке он возможен!) – загадка. Даже для меня, её коллеги и подруги. Может, «ключик» в чемодане кроется? В том самом, с которого всё начиналось...

Кому помогает Ахматова

Мы говорим – журналистика, подразумеваем – командировки. Ближние и дальние, по письму, пришедшему в редакцию, и просто по зову души. Они дают пищу для материалов и оставляют послевкусие, ощутимое и спустя годы.

– *Хороший вопрос!* – смеётся Татьяна, когда я спрашиваю, сколько всего командировок было в её жизни. – *Никогда не считала. Но сотня была, наверное, или больше...*

После несложных математических манипуляций оказывается: не менее пятисот! И в их числе та, в феврале 1975-го, когда будущий муж, Михаил Черепанов, сделал ей предложение. Специально прилетел в Лысьву (в те годы там ещё был аэропорт), куда днём раньше отправилась писать репортаж «Город легендарной каски» юная корреспондентка «Молодой гвардии» Танечка Старцева, в которую он был влюблён. Нет, руку и сердце он предложил ей не на знаменитом ЛМЗ, а – куда уж романтичнее! – в небе. В самолёте, которым они вместе возвращались в Пермь.

Продолжение этой истории – две умницы-красавицы дочери, окончившие, как и родители, филфак ПГУ, и уже четверо внуков.

А вот другая история, и тоже с продолжением. В самую первую свою журналистскую командировку, в Добрянку, Татьяна ездила ещё студенткой. За материалом для университетской газеты «Горьковец». С заданием сделать интервью с выпускником университета, учителем русского языка и литературы добрянской школы Владимиром Савиновым, справилась без проблем. Говорили не только о школе, но и о любимых вузовских преподавателях (по инициативе Нины Евгеньевны Васильевой как раз готовился сборник «Товарищ студент», авторами которого стали студенты разных вузов, в том числе и Татьяна), о творческой атмосфере, всегда царившей на филфаке, о поэзии...

В итоге домой она привезла бесценный подарок – книгу Марины Цветаевой «Мой Пушкин». Да ещё с трогательным посвящением на титульном листе: «Тане Старцевой в память об успешной сдаче курсовой о поэзии Цветаевой и Ахматовой. И – на добрую память о её друзьях, которые живут в Добрянке, что всегда гостеприимно открыта для каждого филолога нашего университета. 26 мая 1970 года. В. Савинов». Тогда эту книгу было практически не достать. Как и сборники других поэтов Серебряного века. Что-то удавалось перепечатать на машинке, что-то переписывали от руки. А тут настоящий, не самиздатовский томик с очерками «Мой Пушкин», «Пушкин и Пугачёв», несколькими цветаевскими стихотворениями

разных лет и выдержками из её черновиков и неопубликованных писем!

На следующий год, когда Татьяна под руководством Риммы Васильевны Коминой уже работала над дипломом «Интеллектуальные особенности лирики Анны Ахматовой», в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, на её счастье, начали разбирать архив Ахматовой. И студенты-дипломники, по ходатайству своих вузов, получили возможность пользоваться материалами, хранившимися в архиве.

Работа в «Публичке», участие в межвузовской студенческой конференции в Питере, авантюрная, исключительно по собственной инициативе, поездка на конференцию в Тарту – чтобы услышать выступление «самого Юрия Лотмана», ещё более авантюрное (без денег на обратную дорогу) путешествие на Соловки... Всё это кажется сегодня таким прекрасным! Даже при том, что после этих поездок ей пришлось идти к Римме Васильевне с повинной: интереснейшего материала собрана масса, но он, увы, никак не обработан, а защита диплома – на носу.

Мудрая Р. Комина, спасибо, ситуацию поняла. Защиту перенесли на пару недель. И когда наконец всё завершилось безоговорочным «отлично», она, поздравляя ученицу, сказала с неподражаемой своей улыбкой: «Не иначе, Таня, как вам Ахматова помогла!»

В очередной раз «Ахматова помогла» в 1989-м, когда Татьяне очень хотелось попасть на празднование её столетия, проходившее в Бежецке. Задолго до этого она переписывалась с членами клуба имени Ахматовой. Получила и приглашение на юбилей, куда съезжались знатоки и ценители ахматовского гения. Однако Альберт Ничиперович, заместитель главного редактора газеты «Звезда», где в то время работала Т. Черепанова, поставил условие: отпустит в командировку, если до отъезда она сдаст четыре (!) материала. Времени было в обрез, но она успела. И в Бежецк попала-таки, привезя оттуда и интересный, живой репортаж, и интервью с московским поэтом, уроженцем Березников Александром Медведевым.

«Кода б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда» – это признание Ахматовой ей очень понятно и близко. Ведь «лебедой» или «одуванчиком у забора», подсказавшими тему, не раз становились для неё то объявление, случайно увиденное в транспорте, то ничего не сулящая вроде бы встреча. А однажды глаз зацепился в магазине за необычные, в крапинку, яйца. Из этикетки на коробке

узнала, что они целебные и что несут их японские перепела в Ильинском районе. Ну как не отправиться туда в командировку, не познакомиться с организаторами уникальной для нашей области (дело было в конце 90-х) перепелиной фермы?!

Так появился в «Пермских новостях» очерк о фермерах Людмиле и Владимире Чемодановых. История не только их успехов и проблем в бизнесе, но и их красивой, удивительной любви. Прожить вместе тридцать лет и три года – и ощущать, что день потерял, если утром он не сказал ей, что любит – не удивительно разве?

И сколько ещё таких неожиданных, разных, не похожих одна на другую историй подарила она читателям...

От Затона до «Эскиза»

Человеческие судьбы интересуют её не только на страницах газет, в текстах над собственной подписью. Она и по жизни печалится чужим горестям, радуется чужим успехам. И получается у неё это всегда как-то очень органично и естественно. Словно по-другому и быть не может.

Окончив университет, Татьяна имела возможность остаться в Перми. Но одна лишь мысль о том, что Римма Васильевна Комина, так многое в её жизни определившая, может подумать, что она испугалась трудностей, казалась нестерпимой. И она уехала работать в деревню, о чём никогда потом не жалела.

Три года преподавала русский язык и литературу в средней школе посёлка Затон Соликамского района. В письмах тех лет, адресованных пермским подругам, – кусочки настоящей, без прикрас, жизни сельской учительницы.

– Научилась скакать верхом! Вчера балдела от счастья, а сегодня ноги-руки болят – не шевельнуться. В школе холод под минус пять, в доме переставляют трубы и батареи», «Совершенно случайно обнаружила, что в седьмом классе провела уже пять уроков за восьмой. Анекдот! Там был учебник один, и я так нервничала, что не успеваю пройти материал», «Нас едят мыши! Что делать? Уворовываю у соседней котов, уже скормили им 300 грамм колбасы – это перед зарплатой-то!», «Галка, у меня к тебе просьба: достань где-нибудь «Старшую сестру» Володина, «В день свадьбы» или ещё что-то, что можно было бы поставить с девяти- и десятиклассниками – организую художественно-литературную студию.

Своих учеников она и в Пермь привозила, на экскурсию. Приехали однажды 12 человек. Останавливаться в гостинице – дорого. И всю «дюжину», не раздумывая, Татьяна Алексеевна

привела ночевать в родительскую хрущёвку. Кого-то положили на кушетку, остальных – на пол. Не пройти было, перешагивали друг через друга. Зато память, как оказалось, – на всю жизнь!

Деревенские школяры, кстати, стали героями и самых первых её газетных публикаций – «Ёжик» и «Стёпка – король купальни» в «Соликамском рабочем». Да и первый материал в «Молодой гвардии», куда её приняли корреспондентом в июле 1974-го, назывался (угадайте с трёх раз!) «Из блокнота учительницы».

Потом были в «Молодушке» и её репортажи из стройотрядов, и зарисовки о комсомольских лидерах, и подборки писем, которые она готовила тщательно и с любовью... И конечно, интервью с поэтами, художниками, музыкантами.

В начале 80-х при «МГ» образовалось творческое объединение молодёжи «Эскиз», работу которого она курировала. Газета часто давала тогда материалы под рубриками «Клуб любителей фантастики» и «Клуб любителей музыки», печатала много стихов. В коридорах редакции проходили выставки молодых художников, неизменно собиравшие народ.

– Помню, в первую очередь мы развесили у себя на 11-м этаже картины Славы Смирнова и провели обсуждение, – рассказывает Татьяна. – Затем там же благодаря Володе Гладышеву появились работы Валеры Подкуйко, Лены Кудрявцевой, Саши Новодворского... Этим людям (во всяком случае, Смирнову и Подкуйко) официально не давали выставляться. А в «Молодой гвардии», поскольку атмосфера у нас была живая (да и обком комсомола смотрел сквозь пальцы), такая возможность имелась. Позднее, ближе к середине 80-х, в редакцию стал приходить Виталий Кальпиди. Правда, редактору его поэзия не очень нравилась. И когда я подготовила поэтическую страничку со стихами Кальпиди, он сначала сопротивлялся, а потом собрал редколлегию — и вот она-то приняла однозначное решение: стихи печатать. До сих пор помню ту острую замечательную редколлегию, горжусь нашим единодушием... До этого стихи Кальпиди, если мне не изменяет память, публиковались лишь за границей, а в России его первая серьёзная публикация появилась именно в нашей «Молодушке»!

Ещё одно объединение при редакции «МГ», и тоже благодаря Черепановой, возникло осенью 1986-го – клуб общения «Ты+Я», целью которого было подружить людей с одинаковыми интересами, расширить круг их общения, помочь найти спутника жизни. Поначалу его актив составляли пермские участники эксперимента по созданию Службы содействия браку, который незадолго до того «Молодая

гвардия» проводила совместно с журналом «Студенческий меридиан». А вскоре стали подтягиваться и новенькие, узнав о работе клуба и его задумках на будущее из газеты.

Не всё, что планировалось, удалось осуществить. Но проходили вечера в кафе «Театральное», организовывались совместные поездки за город и путешествие по маршруту «Ленинград-Кизи-Валаам», были лекции столичных психологов об искусстве общения... В результате просто не могла не образоваться уйма союзов: дружеских, любовных и даже семейных. Ну а первое чадо, появившееся благодаря клубу «Ты + Я», молодые родители нарекли, как нетрудно догадаться, Танюшей.

Знает ли та Танечка, ставшая теперь совсем взрослой, в честь кого она названа? Хотя для Татьяны Алексеевны, я уверена, это не так уж и важно. Важно, что она помогла кому-то стать счастливее. И может искренне этому радоваться.

На сквозняке желанных перемен

Десять, может быть, самых счастливых лет в журналистской судьбе Татьяны Черепановой, с 1990-го по 2000-й – работа в «Пермских новостях». Незабываемый романтический период российской журналистики в новейшей истории страны (мы познавали слово, свободу, а также свободу слова на вкус и пьянели от собственной смелости) плюс уникальная атмосфера единения и творчества, царившая в те годы в редакции «ПН» (утверждаю это как «пээнновка» с 20-летним стажем).

Как-то, будучи уже главным редактором форум-газеты «Деловое Прикамье», Татьяна призналась.

– Я всегда жила на сквозняке жизни. И во всех редакциях, где работала, находила много интересного, значимого, современного. Но думаю, что лет так через -дцать, осмысляя прожитое, я снова назову свой период в «Пермских новостях» одним из самых-самых...

В эту газету, зачинавшуюся в Прикамье как альтернатива официальной прессе и названную так под влиянием популярных в то время «Московских новостей», её привели из «Звезды» Людмила Каргопольцева и Григорий Бажутин. Ставшие, соответственно, зам.редактора и редактором «ПН». Черепанова же возглавляла в «Пермских новостях» отдел писем, трансформировавшийся позднее в отдел социальных проблем.

Впрочем, в 1996–98 гг., когда газета «приросла» цветными спецвыпусками (страна вступила в рынок, и требовалось искать новые источники финансирования), она была ещё и редактором одного из них, «Классного часа», выпускаемого совместно с областным

департаментом образования. Это приложение к «ПН» для тех, кто учит, и тех, кто учится, выходившее ежемесячно, делалось с большой выдумкой, фантазией и содержало массу полезной информации. Оно оказалось настолько востребованным, что и когда Татьяна Алексеевна работала уже *главредом* «Делового Прикамья», ей продолжали поступать предложения возглавить то одну, то другую газету для молодёжи.

К урокам, полученным в «ПН», помимо первого опыта редакторства она относит много чего ещё. Заманчиво, к примеру, презрев низкие жанры, лепить очерки и разоблачения – на полосу, а то и больше. Но ведь газета не резиновая. Да и кто сказал, что написать классную информацию проще, чем материал, раздутый на целую страницу? В связи с этим она любит вспоминать (и рассказывать при случае своим студентам) смешную и поучительную историю, произошедшую с одним из «пээновских» собкоров. Звонит человек в редакцию и требует напечатать его материал на 300 строк. Мол, я с ним мучился-мучился, а вы не ставите. Завотделом новостей – в ответ: «Как не ставим?! На первой полосе давно стоит». И правда, заметка стояла, но сокращена она была... в десять раз. Краткость – сестра таланта! При этом не всегда мачеха гонорара: в «ПН» за тридцать строк иной раз можно было получить больше, чем за триста: ценились эксклюзив, оперативность, собственная информация.

А ещё именно «Новости» сделали более осмысленным интерес Татьяны к политике и общественной жизни. Иначе, наверное, и быть не могло в газете, родившейся в такое время и с такими идеалами. К тому же в 1995-м она побывала в Германии на семинаре «Задачи прессы». Общение с журналистами других стран, знакомство с немецкой системой управления, посещение бундестага – эти «кирпичики» лишь укрепили понимание: политика – это не всё, но без политики мало что происходит в мире.

Неслучайно в Первую чеченскую Черепанова так рвалась туда в командировку. Да и не она одна в «Пермских новостях». Понимали, что страшно (тем более вот он, очевидец: тогдашний редактор «ПН» Андрей Никитин летал в Чечню уже в начале войны, в итоге «Новости» отреагировали на чеченские события первыми среди пермских СМИ), что там убивают. Но хотелось увидеть и понять происходящее самим, чтобы рассказать потом об этом в газете. Татьяна собиралась в Чечню вместе с Комитетом солдатских матерей, в составе женского журналистского десанта. Из-за бюрократических препон не случилось...

Зато случились другие знаковые поездки и встречи, за которые она благодарна «ПН». Случился-получился замечательный отдел (умение собрать команду – тоже «пээновский» урок, пригодившийся ей впоследствии), которым она руководила. Да что там руководила – жила с этим народом: столько времени проводили вместе на работе...

Хотя, может быть, о людях она лучше расскажет сама? О тех, с кем газета делалась. И о тех, о ком в те поры писалось.

Люди, годы... Жизнь!

Наша 237-я – комната отдела соцпроблем – располагалась на втором этаже нынешнего здания ЗС: редакция до 1998 года там и находилась, – погружается Татьяна в воспоминания. – В отделе у меня работали многие таланты. Саша Корабельников – Кораблик – лауреат литературной премии имени Мамина-Сибиряка за 2006-й год, получивший её за книгу «Не жили богато...», изданную на небольшой грант городской администрации и с помощью бывшего генерального директора «ПН» Сергея Баркова.

Юра Асланьян. Мы всем отделом были свидетелями, как трудно он собирал материал к острой газетной публикации о трагедии в Вишерском заповеднике, из которой выросла потом его книга «Территория Бога». Давление, угрозы... А не так давно Юрий Иванович позвал нас всех на презентацию своей первой(!) поэтической книги «Печорский тракт».

Лёша Романов. Внешне хрупкий, «мальчик-колокольчик», а какой характер! Его документальные фильмы – теперь лауреаты многочисленных всероссийских и международных конкурсов. Я помогла ему в одном из первых фильмов – «Горланова», познакомив с именитой нашей писательницей. Помню, как он удивился, увидев, что Нина Викторовна достаёт из огромной хозяйственной сумки листочки, на которых слова и словечки, фразы, мысли, идеи, изречения, наблюдения...

Марина Вяткина. Яркая, независимая, отзывчивая. На её примере подтвердился (и это было одним из моих радостных жизненных удивлений) закон перерастания количества в качество. Марина работала тогда, наверное, немногим больше года, регистрировала и обрабатывала письма, писала вполне рабочие тексты. И вдруг выдала такое! Я уж и не вспомню, о чём именно был тот материал, но хорошо помню, что слова и строчки, подружившись, выстроились в законченную композицию, детали и реплики заняли своё место, единственное и неповторимое. Стало ясно: прямо на моих глазах, вот сию минуту, журналист родился!

И были ещё две незаурядные Татьяны: Яковлева и Иванова. Был неповторимый Андрей Игнатьев: позднее он более десяти лет редактировал газету «Преступление и наказание», делая её не официальной, а какой-то тёплой, человеческой, с письмами, историями, творчеством её читателей-заключённых.

И, разумеется, были публикации, о героях которых хочется сказать отдельно.

С Виктором Петровичем Астафьевым меня познакомили давние мои друзья – Татьяна Курсина и Виктор Шмыров. Благодаря им во время последнего приезда писателя в Пермь осенью 1997-го я целый день провела с ним рядом. Как сейчас помню, как ждали мы с фотокором Сашей Лыжиным его появления на чудовском «Огоньке»; помню поездку в Быковку, где была написана «Пастух и пастушка» – лучшая, на мой взгляд, книга о Великой Отечественной войне. Поражали его точные замечания, оценки, великолепное чувство юмора. Он болел, но всё равно убежал на речку порыбачить. Этот день, проведённый вместе с писателем – на всю жизнь...

Рудольфу Тюрину, знаменитому нашему художнику-примитивисту, удивительному человеку, редакция «ПН» помогла приобрести инвалидную коляску. И, будь он жив, смог бы и сейчас проводить тёплые дни в парке, в любимых своих Кузьминках. Я приезжала в посёлок Ильинский неоднократно, подружившись с директором краеведческого музея Эммой Бобровской и её мужем, журналистом районной газеты Виктором Старковым, которые много помогли Тюрину.

В 1999–2000 годах в «Пермских новостях» публиковался цикл моих репортажей с фото Игоря Катаева с Белой Горы. Один из них назывался «Дорога к храму. Путь к себе». Вместе с паломниками я прошла тогда Серафимовским крестным ходом дорогу до уральского Афона.

С игуменом Даниилом, настоятелем Свято-Николаевского Белогорского монастыря, меня познакомил поэт Николай Бурашников: отец Даниил крестил трёх его дочек. Не так много мы разговаривали, но до сих пор памятна каждая встреча. В том числе та, когда я привозила на Белую Гору группу студентов-журналистов, и он нашёл время ответить на все наши трудные вопросы. Храню я и тревожное письмо из Удмуртии от его мамы, когда по каким-то совершенно не понятным обществу причинам отца Даниила решили заменить...

Надежда Лоскутова, директор заповедника «Басеги» – неизменный автор и друг редакции, защитница заповедника в целом и

горы Ослянка в частности. «Заповедные люди нуждаются в помощи не меньше природы» – так назвала я свой материал в «Новостях» о ней и её коллегах. А через несколько лет мы с Валентиной Поспеловой, ответсекком «ПН», и её сыном Владом во время отпуска исходили вместе с Надеждой Михайловной Басеги вдоль и поперёк. Кроме всего прочего хотели найти небольшую часовенку, по легенде выстроенную в лесах на одном из отрогов Басегов много лет назад.

И напоследок ещё об одной встрече. В 1995-м, если я правильно помню, проходила первая международная конференция «Мемориала». Её участников, включая журналистов, впервые провезли по чудовскому «Бермудскому треугольнику» – по всем трём зонам, 35-й, 37-й и 36-й. В последний день конференции в Перми-36 встречались спустя многие годы бывший сиделец украинец Василь Овсиенко и бывший надзиратель Иван Кукушкин. Шесть утра. Тусклое пасмурное небо. Участок особого режима. И два человека возле КПП, медленно идущие навстречу друг другу... Первым руку протянул Василь Овсиенко.

Позже этот мой репортаж из Кучино был перепечатан в самом первом выпуске Книги памяти жертв политических репрессий «Годы террора».

«Социалка» с видом на завтра

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся»... Это верно. Но подобно тому как для врачей главным правилом должно быть «Не навреди!», для пишущих на социальные темы – то же самое. Не надо сверхзадач типа «помочь всем». Хоть кого-нибудь вытащить из беды или, по крайней мере, не «добить», не растоптать равнодушием и безнадежностью – уже немало.

Всю свою жизнь Татьяна Черепанова была, по большому счёту, журналистом социальным. Или точнее говоря – человеческим. И три лауреатских диплома краевого конкурса журналистского мастерства имени Аркадия Гайдара получены ею именно за социальные публикации в «Пермских новостях» и в «АиФ-Прикамье». Да и на страницах «Делового Прикамья», форум-газеты для руководителей предприятий и частных предпринимателей, в пору её редакторства всегда были не люди для дела, а дело для людей. С акциями, прибылью и прочими понятиями коммерциализированного мира соседствовали вполне себе человеческие проблемы тех же предпринимателей и топ-менеджеров.

Но в принципе «социальщиков» среди журналистов у нас до обидного мало. На миллионную Пермь – человек 10–12, тогда как политических обозревателей, к примеру, почти на порядок больше. И

самое обидное: «социалка» малоинтересна молодым «перьям», ориентированным в большинстве своём на описание скандалов (политических, экономических, культурных – не важно), когда сам факт работает на автора – пиши не хочу! Поэтому Татьяну Алексеевну, уже преподававшую в ПГУ, так зацепила в начале 2000-х работа Агентства социальной информации с его профессиональным кредо «О человеке и для человека». Тем более что АСИ поддерживало его в различных проектах совместно с факультетом журналистики МГУ. На излёте 70-х, работая в «Молодой гвардии», Черепанова окончила заочное отделение этой журналистской мекки. И вот новые контакты со столичным журфаком, в статусе не студентки уже – преподавателя.

– С Татьяной Ивановной Фроловой, доцентом кафедры периодической печати МГУ, мы познакомились в Барнауле, на одном из семинаров, проводимых АСИ, – поясняет она. – Много говорили тогда о том, что искать сторонников социальной журналистики надо ещё в вузах, чтобы «расположенных» к ней растить и учить, что называется, с младых ногтей. Собственно, тот семинар и стал для меня толчком к разработке (с помощью Татьяны Ивановны, за что ей огромное спасибо) спецкурса «Социальная журналистика», который я читаю студентам с 2003 года.

Добавлю тут, что Черепанова – один из авторов учебного пособия «Социальная журналистика: антология возрождения» и сборника «Социальная журналистика: профессия и позиция», вышедших в Москве. Что же касается спецкурса, то назову лишь некоторые темы, входящие в его программу: проблемы армии, социально ответственный бизнес, региональная программа «Жильё для молодой семьи», беспризорные дети... Причём из всего перечня тем, предлагаемого на первом занятии, студенты вправе выбирать то, что им наиболее интересно. Помимо лекций – самые что ни на есть интерактивные формы, когда надо самостоятельно думать, решать, писать, отстаивать собственную точку зрения: попытки организовать и осуществить свой социальный проект; ролевые игры и семинары-тренинги; мастер-классы, которые по приглашению Татьяны Алексеевны проводят известные в Перми журналисты-«социальщики».

А какая школа социального взросления для ребят – организация ими благотворительных акций! Взять акцию по сбору макулатуры «Деревьям – жизнь, детям – учебники», когда в центре Перми за несколько часов выросла многотонная гора бумаги и картона, отправленная затем на переработку. На вырученные от этого средства, как вспоминает главный инициатор акции Наталья Печищева, удалось обеспечить к 1 сентября тетрадками, учебниками и художественной

литературой воспитанников Пермьяковского детдома Осинского района и одной из детских колоний.

Беспорно, и спецкурс не панацея: не все посещавшие его выбирают по окончании университета социальные темы в качестве приоритетных. Но те, кто выбрал, занимаются этим с интересом и пишут на хорошем профессиональном уровне: Ольга Богданова, Наталья Овчинникова... А Дмитрий Жебелев, имя которого прочно связано сегодня с проектом «Дедморозим» и чудесной историей излечения от рака Ксюши Киселёвой, стал в 2012 году лауреатом Строгановской премии в номинации «За достижения в политической и общественной жизни».

Впрочем, сам он героем себя не считает, утверждая, что девочка поправилась благодаря неравнодушию пермяков, собиравших деньги на её лечение всем миром. Ну а он, рассказывая о Ксюше, лишь запустил «вирус помощи».

Так что же такое социальная журналистика? Помощь слабым и обездоленным? Освещение тем здравоохранения, образования, соцзащиты? Или, быть может, посредничество между «маленьким человеком» и властью?

Татьяне очень нравится определение британца Нила МакКафферти, тренера Всемирной службы Би-би-си, данное им на одной из дискуссий в Школе социальной журналистики. В этой школе на борту теплохода, совершавшего в 2001 году круиз по Каме и Волге, журналисты-«социальщики» Приволжского федерального округа, в числе которых была и она, учились писать ещё лучше и «социальнее» под руководством российских и иностранных преподавателей. Так вот, Нил сказал тогда: «Это журналистика, которая занимается людьми и их проблемами». А ещё он же утверждал: «Социальная журналистика, как и журналистика вообще, – сторожевой пёс общества, а не комнатная собачка».

И я догадываюсь, почему ей по душе такие определения. Ведь она и из Кизелбасса делала не один репортаж, когда шахты закрывались там друг за дружкой, а горняки зачастую оказывались просто на улице. И в село Павлово Ординского района выехала, не мешкая, на пару с фотокором, едва поступил оттуда сигнал: по всей ширине речки Павловки потоком течёт нефть, а жители села ощущают резкий запах газа... Или такая, например, серьёзная проблема: больше половины охранников в пермских колониях – женщины. С несколькими из них, побывав в Ныробе, Татьяна встречалась, и все они говорили о своей службе как о печальной необходимости:

выбирать не из чего. Хотя понятно же, что женщина в зоне и с автоматом – это нонсенс, это ненормально.

А поскольку подобных ненормальностей в нашей жизни пока более чем, то и постоянная работа у «сторожевого пса» будет, похоже, ещё очень долго.

Как интерес до деловой прессы довёл

Постоянство, надёжность – без этих качеств невозможно представить себе Татьяну Черепанову. Со многими университетскими друзьями, к примеру, она поддерживает отношения до сих пор. А Татьяна Курсина, вместе с которой они работали в Затонской школе (Татьяна Георгиевна – учителем истории и обществоведения) и жили в одной комнате обычного деревенского дома, стала для неё почти что сестрой. Любые проблемы и успехи в работе музея «Пермь-36», которым руководит сейчас Курсина, Черепанова переживает по-сестрински горячо и по-журналистски заинтересованно.

Интерес, любознательность, любопытство в хорошем смысле – это тоже в её жизни постоянно. Как и стремление устанавливать для себя раз за разом всё более высокую профессиональную планку.

В «Звезде», скажем, был период, когда от бесконечных «школ передового опыта» и «круглых столов», чем вначале занималась она в отделе советской работы у Семёна Шапиро, появилось ощущение не то бега на месте, не то скованности какими-то рамками. Захотелось раздвинуть их, попытаться писать проблемные корреспонденции, критические статьи... Добровольно усложнить (что она, заручившись поддержкой Шапиро, и сделала) свою жизнь? Ну, это как посмотреть. В конце концов, мало что может сравниться с пониманием, что ты поднимаешься на новую высоту, и с удовлетворением от того, что высота эта тебе покоряется.

Так что когда в 2001-м Татьяна (чуть более полугодом проработавшая к тому времени заместитель редактора «АиФ-Прикамья») получила от издателя и собственника газеты «Деловое Прикамье» Юрия Яковлева предложение возглавить её, она, хотя и не без колебаний, согласилась.

– Почему сомневалась? Во-первых, издание деловое, а я в таких никогда не работала раньше. Во-вторых, мне предстояло не просто впервые стать редактором, но и развивать эту газету, по сути, с нуля: прежде, до перерегистрации учредителей, она называлась «Рекламная площадь» и была чисто рекламной. В-третьих, я практически не знала Юрия Николаевича: он работал замом ответсека в «Звезде», но уже после моего ухода оттуда, а затем на радио «Максимум»...

Однако Яковлев был очень убедителен, рассказывая о перспективах нового издания, создающегося в Перми по аналогии с «Деловым Петербургом». О проектах, возможных на его страницах. Об образующейся предпринимательской нише, в связи с чем газета, рассчитанная на предпринимателей, должна быть актуальной. И в какой-то момент Татьяна почувствовала, что готова к очередному повороту (или подъёму, если хотите) в своей карьере и судьбе.

Было трудно. Особенно поначалу, когда пришлось работать в одиночку: политический обозреватель Анатолий Москвин и начинающая журналистка, тогда ещё студентка Ксения Бабушкина появились в «ДП» лишь через пару месяцев. Выручали авторы, в том числе не только пермские, благо Татьяна Алексеевна хорошо знает журналистское сообщество и умеет найти к людям нужный подход. Кого-то потом на работу в «Деловое Прикамье» пригласила она, кто-то пришёл сам, ориентируясь на её имя. В результате в молодой газете сложился мобильный профессиональный коллектив и широкий авторский актив экспертов и специалистов.

Юрий Манжосин, Любовь Соколова, Любовь Биккель, Павел Агапов, Андрей Денисенко, Юрий Куроптев, Яна Мишурнова, Инесса Суворова и другие журналисты, работавшие в «ДП» под началом Черепановой, наверняка вспоминают то время как непростое, напряжённое (а кто обещал, что будет легко?!), но интересное.

Издание постоянно совершенствовалось, пересматривались его графическая и содержательная модели. Всем коллективом вместе с издателем долго думали над миссией газеты и её девизом, пока не придумался такой: «Истины нет. Есть мнения». Странно? С позиций традиционной журналистики, где журналист всегда выступает как третейский судья, – да. Но если газета является форум-изданием (именно так спустя два года после рождения стало позиционировать себя «Деловое Прикамье»), то этот девиз-миссия в самую точку. Ведь мнение журналиста в таком издании – в ряду многих мнений, высказываемых специалистами.

Очень полезными для газеты оказались и зарубежные стажировки Татьяны Алексеевны. В 2003-м она, выдержав конкурс, в числе девяти пермских журналистов участвовала в программе Community Connections по теме «Газетное дело» в США. А в 2006-м в составе группы, куда входили издатели, главные редакторы и руководители региональных отделений Союза журналистов России, стажировалась в Высшей школе журналистики FOJO в Швеции.

– За три недели в Америке, – рассказывает, – мы побывали более чем в тридцати печатных изданиях, теле- и радиостанциях. На

месте познакомились с работой издателей, редакторов, журналистов, менеджеров отделов продаж. Свой проект там я защищала по малому бизнесу. А вообще меня, конечно же, интересовали подача материалов в американских газетах, оперативность, разработка темы. Было чему поучиться и в плане зарабатывания денег. Правда, не всё, что хорошо у них, срabатывает у нас. Допустим, самым выгодным для размещения рекламы считается там место на газетной полосе рядом с некрологом. А попробуй уговори на такое соседство наших рекламодателей...

Подобные нестыковки, связанные отчасти с менталитетом, обнаружились, по словам Татьяны, и в Швеции. Так, на одном из занятий преподаватель по дизайну заметил, что в «Деловом Прикамье» преобладают фото мужчин и это неправильно. Аргумент, что «ДП» – газета деловая, а в наших деловых кругах царят мужчины, во внимание принят не был. Оно и понятно: шведы буквально помешаны на гендерном балансе. Тем не менее подачу фотографий, графическую модель и вёрстку «Делового Прикамья» шведский дизайнер оценил очень высоко.

Кстати, во время той стажировки Черепановой удалось встретиться с Хассе Ульсоном, инициатором появления шведской газеты деловых кругов *Dagens Industri* в Санкт-Петербурге – «Делового Петербурга». Прибыльными подобные издания, подчёркивал он, становятся далеко не сразу. И назвал тогда цифру, которая её удивила и накрепко врезалась в память: инвестиции в «Деловой Петербург» оправдались лишь через десять (!) лет. Ещё одним откровением стал тренинг по технологии газеты, когда выяснилось, что в Швеции операторы компьютерной вёрстки имеют статус журналистов, а опытные журналисты работают над своими тематическими полосами автономно, вплоть до собственноручной вёрстки курируемой полосы.

Хотя, если задуматься, то и наш журналистский народ не лыком шит. Лучшие обозреватели «Делового Прикамья» тех лет, к примеру, Любовь Соколова или Любовь Биккель, вполне вписались бы в шведский журналистский ландшафт! И жаль, что только как шутку восприняли руководители института FOJO обещание участников международной программы «Менеджмент в региональных печатных СМИ» вернуться в Швецию лет через пять, чтобы самим научить чему-то своих продвинутых коллег...

Делай что должен, и будь что будет

– *Земля наша маленькая и круглая*, – с шутливой интонацией часто повторяет Татьяна Алексеевна.

В самом деле: за *тыщи* километров от родного дома вдруг раз – и встречаешь знакомого пермяка! У неё так бывало не раз. В Америке, например, совершенно случайно встретила бизнесмена, выступавшего в качестве эксперта в «Деловом Прикамье». А в Израиле, куда ездила недавно как туристка, столкнулась с одной из бывших студенток: та работает в магазинчике, продающем косметику с дарами Мёртвого моря, но подумывает о создании в Иерусалиме своей газеты.

Сколько оборотов сделала маленькая Земля вокруг Солнца, пока Татьяна не вернулась туда, где начиналась когда-то её журналистская жизнь? На 11-й этаж Дома печати, в бывшие апартаменты бывшей «Молодой гвардии». Теперь здесь редакция еженедельника «АиФ-Прикамье», который она и возглавила в 2007-м. Характерная деталь: вслед за Черепановой сюда же из «Делового Прикамья» перешли не только несколько журналистов, но и добрая половина менеджеров отдела продаж.

И всё-таки, если кто-нибудь скажет, что войти в редакторскую реку во второй раз ничего не стоит – не верьте! Шесть лет предыдущего редакторства – безусловный плюс, команда единомышленников – тоже. Однако у каждого издания своя специфика, свои особенности, свои «подводные камни».

– Прежде всего пришлось осваивать опыт работы в огромном коллективе, – подтверждает она. *– Ведь «АиФ» – это сетевое издание, в котором около семидесяти региональных приложений, и наше – лишь одно из них. При этом позиция федеральной редакции очень чёткая: на первом месте – интересы и ценности людей, а не власти, не чиновников. Такой подход, при существующей корпоративной солидарности, должен быть во всех приложениях.*

С позицией самой Черепановой это совпадает и совпадало стопроцентно. Но дирекция местного регионального приложения, нацеленная на зарабатывание денег, стояла на своём: как можно больше материалов, сделанных по договорам с городской и краевой администрацией, с крупными предприятиями. А острые темы, связанные с нарушениями и злоупотреблениями власть предержащих – это пожалуйста, но по остаточному принципу. Зарабатывать надо, кто бы спорил. Но когда крен в сторону заказных публикаций, несмотря на все старания редактора, становится более и более ощутимым, когда общественно-политическая газета начинает превращаться в заказное издание... Словом, спустя два с половиной года Татьяна Алексеевна ушла из «АиФ-Прикамья».

Она не хочет обсуждать эту тему. Её девизом всегда были слова «Делай что должен, и будь что будет». Вот и делает она при любых «подводных камнях» то, что считает нужным, необходимым.

Так, весной 2008-го, найдя красивую идею и надёжных партнёров, редакция «АиФ-Прикамья» провела автопробег «Продвижение – в движении». По следам своих публикаций «аифовцы» побывали тогда в восьми городах Пермского края: встречались с читателями, устраивали мастер-классы в редакциях, высаживали яблони и сирень в скверах. А главы пяти городов на маршруте автопробега получили от них в рамках акции «Чистая Россия» «чемоданчик мэра»: белые перчатки, чтобы руки всегда были чистыми; зонтик, чтобы защищать земляков от непогоды; фонарь, чтобы грязь в углах не пропустить и т.п. Позже за это яркое и успешное «Продвижение» редакция была отмечена премией журнала «Журналист».

Удостаивались в те годы журналисты «АиФ-Прикамья» и индивидуальные наград: лауреатами Гайдаровского конкурса становились Вячеслав Бураков, Александр Переверзев и Любовь Соколова.

А если заглянуть в анналы «Делового Прикамья», то все упомянутые там дипломы и премии, полученные как редактором Черепановой, так её коллегами и редакцией газеты в целом, даже просто перечислить - сложно. Только дипломом «За самое динамичное развитие» «ДП» награждалось трижды. Дважды сама редактор становилась победителем конкурса «Женщина – директор года» (в 2002-м – областного, в 2003-м – всероссийского). Есть у неё и диплом общественного признания фестиваля «Женщины Перми» в номинации «Леди СМИ», и памятный знак «300 лет российской прессы»...

Ну а лауреатами премии Правительства РФ в сфере печатных СМИ за 2007 год стали сразу четверо представителей «Делового Прикамья»: Татьяна Черепанова, Павел Агапов, Любовь Биккель и Андрей Денисенко. Не зря, выходит, она всячески поддерживала инициативу «своих ребят». Позволяла им помимо обязательных материалов вести в газете собственные проекты, занимаясь тем, что интересно каждому. Вот и дозанимались!

И ещё об одной награде, эксклюзивной. Года три-четыре назад на очередном фестивале «Журналистская весна» Татьяна получила медаль «За верность газете». Не от государства, муниципалитета или клуба промышленников и финансистов, а от коллег-журналистов, проводивших «Весну». Может быть, поэтому та скромная награда ей особенно дорога.

Об учителях, внуках и Бунине за 20 рублей

Эксклюзивное интервью с Михаилом Дмитриевым, президентом Центра стратегических разработок, приехавшим на пермскую «Пилораму», – один из последних материалов Татьяны Черепановой в краевой бизнес-газете «Деловой интерес», где она сейчас шеф-редактор. Очень любопытны его высказывания об имидже Пермского края, прогнозы политического будущего страны и, конечно, сравнение нас, людей, с... бегемотами – «такими же неглупыми и непредсказуемыми».

Столь же любопытными, а подчас и непредсказуемыми оказались ответы Татьяны на вопросы, которые под занавес этих «Девяти глав» я решила задать ей в формате блиц. «Три вопроса о важном» – была когда-то такая рубрика в «Пермских новостях». Тремя мы не обошлись. Получилось (контрапункт, однако!) тоже девять.

– Журналистика в последнее время очень изменилась. Как и отношение к ней, доходящее порой до цинизма. Что помогает тебе не разочароваться в профессии?

– Заинтересованность, неравнодушие, талант некоторых моих студентов (и таких каждый год достаточно), их искреннее желание понять, разобраться, помочь.

– Люди, которых ты считаешь своими учителями?

– Их на самом деле много, учителей по жизни и по профессии, без которых я не была бы я.

Моя мама, Старцева Мария Ивановна, житель блокадного Ленинграда, оставшаяся одна после смерти папы со мной и братом (мы ещё в школе учились), её самоотверженная преданность и любовь.

Римма Васильевна Комина, кумир и учитель, – об этом в сборнике «Римма», который известен всем, и не только филологам.

Татьяна Петровна Сопина: мы вместе выпускали в «Молодой гвардии» страничку стройотрядов «Боец» – Боевой отряд студенческой целины. Мои первые командировки, её профессиональные советы...

Мой однокурсник по ПГУ Игорь Кондаков, всегда щедро делившийся своими колоссальными знаниями, проектами и идеями.

А ещё муж, Михаил Черепанов, которому всю жизнь пришлось мириться с моей бесконечной занятостью.

Мои университетские преподаватели: Нина Евгеньевна Васильева, Рита Соломоновна Спивак, Людмила Александровна Грузберг, Сарра Яковлевна Фрадкина и многие другие.

Коллеги: Андрей Никитин, Юрий Яковлев, Василий Мосеев, Семён Шапиро...

Мои друзья: Татьяна Курсина, с которой мы, молодые учительки, вместе прожили три года в одной комнате в посёлке Затон Соликамского района; Вера Шуваева, Нина Черныш, Галина Куличкина. Людмила Василенко – человек мира.

Дочки Майя и Аня, слава Богу, тоже выросли друзьями.

– Что важнее, на твой взгляд: смелость или милость?

– Это ты об одном из моих любимых стихотворений Ольги Седаковой? Отвечу её же словами: «Кто знает смелость, знает и милость, потому что они – как сёстры: смелость легче всего на свете, легче всех дел – милосердьё».

– Чему главному учишься ты у своих детей и внуков?

– У детей – оптимизму и практичности, у внуков – умению радоваться, незамутнённо ясному взгляду и чувству юмора.

– Что в последний раз заставило тебя по-настоящему удивиться?

– Ездил на конференцию по СМИ в Воронеж, была в прекрасном Литературном музее с интереснейшими экспозициями: Платонова, Мандельштама, Бунина... Очень удивила цена билета: 20 рублей!

– Какой ты представляешь себя через десять лет?

– Красивой.

– Интервью с кем тебе очень хотелось бы сделать, но эта встреча пока не случилась?

– Ещё в университете я ездила на студенческую конференцию в Ленинград. Там познакомилась с Михаилом Кралиным и Леонидом Дубишаном, сейчас известными питерскими литературоведом и журналистом, исследователями творчества Ахматовой. Вот с ними.

– Есть ли у тебя любимое место в Перми?

– Есть. Это аллея возле университетского Ботанического сада. С одной стороны там огромные ели, а с другой – маленькие ёлочки, которые подрастают прямо на моих глазах.

– Какой вопрос ты задала бы сама себе и как бы на него ответила?

– Я спросила бы у себя: «Чего ты, Таня Черепанова, ждёшь ещё от жизни?». И ответила бы: «Дороги».

Н.М.Овчинникова,
пресс-секретарь Пермского театра оперы и балета

НАСТОЯЩАЯ БАТАЛИНА

Когда Юлия Баталина, главный редактор газеты «Пятница» и обозреватель делового еженедельника «Новый компаньон», приходит в студенческую аудиторию, её непременно спрашивают о секрете успеха: как можно сделать карьеру в пермской журналистике? Но ответа у неё нет: по её собственному признанию, она вовсе не мечтала о подобной стезе, а лишь следовала воле судьбы. Не лукавит ли?

«Фродо жив!»

В детстве Юлия Баталина мечтала обо всём, о чём может мечтать интеллигентная, начитанная девочка: сначала хотела быть киноактрисой, затем кинологом (собак любит всё с той же детской непосредственностью), потом археологом. Но, пусть и не оформленное в виде цели, стремление что-то писать и публиковать было у неё всегда. Впервые это желание проявилось в младших классах: она собрала школьных подружек в «Союз юных писателей», сокращённо СЮП. Девочки своими руками изготовили наглядную символику – картонные значки, нарукавные нашивки – и на переменах заговорщически спрашивали друг у друга: «Ты тоже в СЮПе?». После уроков собирались и зачитывали друг другу свои сочинения. Конспирация продолжалась недолго: педагогов насторожил отход от октябрятского стандарта, и по указке сверху СЮП был ликвидирован.

Первая «настоящая» публикация у Юлии состоялась, когда она училась в девятом классе. В то время в СССР впервые была опубликована сказка Джона Роналда Руэла Толкина «Хоббит». Юля, одна из немногих тогда, знала, что это – всего лишь малая доля масштабного фэнтези Толкина о Средиземье: её отец, подпольный переводчик Александр Грузберг, как раз осуществил первый русский перевод «Властелина колец», и, увлечённая этой историей, ученица английской школы № 7 самостоятельно одолела в оригинале «Сильмариллион». Желая поделиться своим тайным знанием со всем миром, Юлия отправила в пермскую областную комсомольскую газету «Молодая гвардия» статью о творениях Толкина. И статья вышла. Начиная журналистку подстраховалась: будучи опытной советской комсомолкой, она знала, что без идеологической «подкладки» подобная публикация невозможна, и такая «подкладка» нашлась. В статье речь шла о том, что антивоенные выступления на

Западе часто проходят под лозунгом «Фродо жив!», стало быть, Толкин прогрессивен. Статья так и называлась – «Фродо жив!»

Много лет спустя Юлию Баталину нашла через Интернет исследователь творчества Толкина Алла Хананашвили, проживающая в Израиле, которая умоляла выслать ей копию той публикации – первой в советской прессе о творчестве Толкина. Увы. Юлия с детства проявляла преступное невнимание к собственному творчеству: ничего не сохраняла. Как и сейчас не сохраняет.

На первом курсе филфака Пермского государственного университета Юлия, разумеется, оказалась в редакции факультетской стенгазеты «Горьковец». Редактором был Владимир Абашев, сегодня заведующий кафедрой журналистики ПГНИУ, а в то время – начинающий преподаватель, вчерашний выпускник, которому было поручено курировать, а в те годы «бдить», студенческую редакцию. «Бдил» он весьма формально, у студентов была свобода слова, как устного, так и письменного. Через пять лет, оказавшись в такой же роли, Юлия Баталина поняла, насколько подобные общественные поручения бывали опасны.

В первый год после окончания университета она преподавала русский язык на рабфаке (подготовительные курсы для абитуриентов, пришедших с заводов, из колхозов, а также после армии) и в зимние каникулы получила комсомольское поручение изготовить очередной «Горьковец». Газету делали вдвоём с рабфаковцем Алексеем Паломских, поскольку все студенты были на каникулах, – Юлия (уже Юлия Александровна) писала тексты, а Алексей сопровождал их иллюстрациями. Несмотря на то, что работали *малой бригадой*, газета получилась симпатичной. Наступал 1986 год – год Тигра, и на газетной заставке из часов, бьющих 12, вместо кукушки вылезал тигр. Он и стал причиной скандала.

На партбюро, где «прорабатывали» безыдейного редактора, тогдашний парторг Римма Васильевна Комина с искренним возмущением вопрошала: «Как же так?! У нас XXVII съезд партии, а у вас тигр из часов вылезает!» Ответа у Юлии Баталиной не было. И до сих пор нет... По её собственному признанию, она никогда бы не смогла понять логику и идеологию функционера КПСС. К счастью, тогда уже маячила перестройка, и XXVII съезд стал последним в истории, а вскоре КПСС вообще была распущена. Не случись этого «подарка судьбы», Баталиной грозили бы исключение из комсомола и «волчий билет» на всю оставшуюся жизнь. И, разумеется, никакой журналистики.

Несчастный выпуск «Горьковца» с тигром срочно был спешно уничтожен, а на должность редактора нашли более понятливого кандидата.

«Филолог может всё»

Эта история с «Горьковцем» была одним из очень немногих неприятных моментов, связанных с университетом. В целом же... «Университет – это вообще главное и самое лучшее, что было в моей жизни, – признаётся сегодня Юлия Баталина. – Во-первых, он мне дал очень хорошее образование. Глядя на современных молодых людей, я понимаю, что мы-то гораздо образованнее! Университетское образование – совершенно особенное. Сейчас как-то не так, нынешним студентам не хватает общей эрудиции. У нас же было классическое образование: в нас столько запихивали! Я помню, как мы готовились к сессии: то, что успевали, прочитывали, а что не успевали – дочитывали в каникулы. Я читала все, что нужно было по программе, – всю мировую литературу. И это до сих пор иногда очень оказывается полезно. Вот смотришь выставку – и хлобысь! – у тебя в голове рождается какая-нибудь поэтическая цитата, которая пригодится в тексте. Не будь у меня университета в подкорке, где бы я её взяла?»

Курс филфака, на котором училась Юлия Баталина, был не самым, может быть, «звёздным», но очень дружным. Таким он остаётся и сейчас: преподаватели поражаются, как уже пятидесятилетние подружки весело поют, бодро отплясывают и выступают с «капустниками» на встречах выпускников. Недавно, собравшись обширной компанией, поехали в Киров на юбилей к однокурснику Азизу Агаеву, который в своё время приехал в Пермь учиться по линии «дружбы народов». Дружба получилась самая настоящая: азербайджанские песни пел весь курс, летом ездили отдыхать в Азербайджан. А сейчас, встретившись в Кирове, где живет сейчас Агаев, вдоволь наговорились – и о политике губернатора Никиты Белых, и о суфийской поэзии.

«Вот это может быть только с выпускниками филфака: в одном «флаконе» – политика и поэзия, да не простая, а суфийская. Я с годами поняла: человек, у которого в дипломе написано «Филолог», может всё», – утверждает Юлия Баталина.

«Это была каторга, но там очень прилично платили»

Будучи преподавателем рабфака, Юлия Баталина ушла в декретный отпуск. Дело было в 1987 году, ещё действовали советские законы, и молодой маме полагался отпуск до достижения ребёнком трёх лет с сохранением рабочего места. Она воспользовалась им в полной мере: вслед за первым сыном в 1989 году родила второго, и в

целом этот «отпуск» длился шесть лет. «Отпуск» в кавычках, потому что всё это время и Юлия, и её муж Алексей Баталин много работали.

Я очень хорошо помню то время: талоны, очереди, походы на рынок с бутылкой водки, которую я меняла на еду, на детские шмотки. Водка была самой ходовой валютой, – делится страшно романтическими воспоминаниями Юлия Баталина. – Мы хватались за любую работу. Мой муж, географ по образованию, пошёл работать в книжное издательство, и первые наши доходы были связаны с коммерческим книгоизданием. Помню, на одну из первых больших зарплат купили в коммерческом магазине LOT – тоже первом в Перми – импортный пылесос! Немыслимое было счастье по тем временам. В это же самое время я устроилась в кинопрокатную контору под названием Молодёжное творческое объединение «Инициатива». Оно было действительно очень инициативное: это были первые шаги коммерческого кинопроката в Перми.

«Инициатива» работала на базе кинотеатра «Кристалл». Привозили непереведённые копии фильмов, и сотрудники МТО читали перевод с листа, в микрофон. У руководства «Инициативы» были ещё советские представления о том, что народ нужно не просто развлекать, а ещё и просвещать, поэтому перед каждым сеансом шла лекция о фильме. «Работа у меня была такая: я приходила к первому сеансу в кинотеатр, минут 15–30 читала лекцию, потом ещё два часа дублировала фильм, затем удавалось выкроить 10 минут перерыва, и снова лекция – и так все сеансы. Это была каторга. Но там очень и очень прилично платили», – вспоминает Баталина.

Именно тогда началась её настоящая журналистская деятельность. «Инициатива» издавала газету «На экранах Прикамья», редактором была Екатерина Соколовская, а Юлия Баталина – выпускающим редактором. Набор и вёрстка производились в издательстве «Звезда», строки отливали на линотипах, затем метранпаж – исчезнувшая профессия – сбивал их в полосы. Понятно, что в докомпьютерную эру нужно было очень точно вычислять объёмы каждой статьи: на вёрстке уже не посокращаешь, да и ошибок не должно было быть – то, что отлито в свинце, только топором разве что можно было вырубить. Это была хорошая профессиональная школа.

Но это была не единственная работа у Баталиной. Параллельно она умудрялась редактировать книги, писала статьи про кино в кучу разных газет. На своей шкуре проверяла принцип «журналиста, как и волка, ноги кормят».

«Да гори оно всё огнем – меня Муза посетила»

Так получилось, что в разные периоды своей жизни Юлия Баталина умудрилась поработать во всех видах СМИ: на радио, на телевидении и в печати. Писала для всех, кто видит, слышит и ещё не разучился читать.

Радио «Максимум» было настоящим флагманом FM-вещания эпохи «бизнес-романтизма». Юлия Баталина, не будучи штатным работником радиостанции, сотрудничала с ней на протяжении пяти с лишним лет. Вместе со школьной подругой Алёной Татаренко делала программу «Девять с половиной», посвящённую музыке в кино. Все фильмы, приходившие на пермский видеорынок, приходилось отсматривать – «видеопираты» на Центральном колхозном рынке без вопросов давали ей кассеты на просмотр. Уважали прессу. С той поры в семье Баталиных сохранилась привычка смотреть по фильму в день.

Но если совсем некогда – хотя бы одну серию какого-нибудь сериала.

Именно благодаря радио «Максимум» Юлия оказалась в своей первой зарубежной командировке. Руководитель информационной службы радиостанции Евгений Пермяков порекомендовал её как журналиста, хорошо знающего английский язык, для поездки в США в 2000 году в составе группы российских журналистов с неограниченной миссией: освещать предвыборную кампанию Альберта Гора. Каждый день в течение недели она по телефону рассказывала слушателям «Максимум», что происходит на предвыборной конференции демократической партии США. И чуть не осталась в Америке навсегда.

В разгар конференции ко мне подбежала руководительница нашей группы Лайза Дэвис из Госдепартамента, – рассказывает неудавшаяся «невозвращенка» Баталина, — и сказала, что парень с «Голоса Америки» ищет русского журналиста, который сможет провести с ним часовой эфир. Она почему-то решила, что я подхожу на эту роль лучше всех, и потащила меня к этому Биллу Скандричу. Мы с Биллом целый час в прямом эфире рассказывали жителям России о том, как происходит в США предвыборная борьба, на вопросы отвечали... Через пару дней после этого один коллега сказал, что Билл меня повсюду разыскивает: хочет предложить дальнейшее сотрудничество. А я, услышав это, ужасно испугалась. Поняла, что выбор предстоит нештучный: дома-то муж, детки... Я бы легко освоилась в Америке, но смогла бы это сделать моя семья? Короче, я затупила, не стала с Биллом встречаться и уехала обратно в Россию.

На телевидении Юлия Баталина оказалась задолго до этой истории. В 1993 году истёк многолетний отпуск по уходу за детьми, и стало пора выходить на работу. К этому времени рабфак отменили, да у неё уже и не было желания туда возвращаться. А тут как раз один предприниматель, с которым Баталины были в приятельских отношениях, приобрёл телекомпанию «Рифей». И Юлия попросилась к нему на работу.

Первый год занималась промоушеном телекомпании. Затем стала редактором отдела вещания (писала анонсы для газет), а потом выросла и до редактора производственного отдела. Работа заключалась в том, чтобы писать сценарии рекламных роликов. Была масса забавных случаев.

С какой-то особой даже теплотой Баталина вспоминает.

Пришёл однажды на телевидение парнишка, он открыл магазин нижнего белья и впервые обратился за рекламой. Денег у него было мало, просил он заставку на 20 секунд, но чтобы в конце обязательно сказали: «Наши цены вас приятно удивят». Я ему: «Но это же очень банально». Он: «Что значит банально – очень редко звучит?» «Нет, – говорю, – наоборот, очень часто». Он ещё подумал и выдал: «А причём тут бананы?» 1994 год. Россия. Пермь...

В 1997 году запустили ежедневную утреннюю информационно-развлекательную программу «Новый день», состоящую из коротких сообщений, которая информирует зрителей о том, что день грядущий им готовит.

– Сейчас по такой схеме делаются почти все утренние программы, а тогда это было наше ноу-хау, – с гордостью подчеркивает Юлия Баталина. – Мы планировали выйти в сентябре 1998 года, а в августе грянул экономический кризис. Вокруг всё вымерло, рекламы не было, мы думали, что ещё немного, и придется всё закрывать. Но ничего, пережили кризис. Сейчас кажется: ой, какие молодцы! Но в то время мне было не до кризисов, настроение было всё время восторженное. Работа, несмотря на множество сложностей и очень непростые отношения в телевизионном коллективе, стала для меня чуть ли не главным в жизни. Мы с режиссёром Светланой Южаниновой могли до глубокой ночи сидеть на студии, мне как будто не надо было домой, где у меня дети-двоечники, муж некормлен... Да гори оно всё огнем – у меня же творческий процесс, меня Муза посетила».

Благодаря «Рифею» у Юлии Баталиной есть единственная журналистская награда, вообще единственная за всю жизнь – за документальный фильм «Бабушка» о пермской правозащитнице

Анастасии Баженовой, которая «на перекладных» рванула в Страсбург искать справедливости для всех российских пенсионеров. Этот сюжет получил первый приз на конкурсе тележурналистики «Вся Россия». Правда, сама Баталина считает, что приз ей достался не по заслугам: фильм удался благодаря режиссёру Светлане Южаниновой, а вовсе не её сценарию.

В 2001 году в Перми случились очередные выборы в Законодательное собрание. К Юлии обратились знакомые политтехнологи с предложением «выиграть» одного кандидата, за что пообещали по тем временам совершенно невероятные деньги — на «Рифее» за такой гонорар нужно была не один десяток лет проработать. Баталины тогда жили в «хрущёвке»: стенки тонкие, соседи буйные. Поэтому, когда Юлия поняла, что «светит» новая квартира, она была готова на всё.

Однако директор «Рифея» Александр Густомесов запретил своим сотрудникам участвовать в предвыборной кампании. Пришлось договариваться отдельно.

Сошлись на том, что Баталина напишет заявление об увольнении «по собственному», а после выборов трудоустроится заново. Баталина выиграла выборы и живёт теперь в новой квартире. Но на «Рифей» вернуться не получилось. Густомесов, когда она пришла проситься обратно, цинично заявил: «Я прожил без тебя четыре месяца – проживу и дальше».

Пару месяцев она посидела дома, осваивала премудрости домохозяйского искусства. А затем её пригласили побеседовать директор издательского дома «Компаньон» Дмитрий Овсов и шеф-редактор Игорь Лобанов. У них было к Баталиной свое предложение.

«150 тысяч Интернету не победить...»

С тех пор Юлия Баталина работает в ИД «Компаньон». Сначала была заместителем редактора газеты «Пятница» и понемногу писала в еженедельник «Новый компаньон» про моду и стиль. Сегодня она *главред* «Пятницы», а в «Новом компаньоне» – ведущий обозреватель по теме культуры и искусства.

Работая в «Пятнице», сталкиваешься с реальностью лицом к лицу. Много раз, признается Юлия Баталина, ей приходилось краснеть и оправдываться перед жителями Перми за неналаженную к ним сеть доставки газеты. Однажды сразу несколько человек обратились с просьбой привозить «Пятницу» в супермаркет на углу ул. Ленина и ул. Хохрякова: в этом пятиэтажном жилом доме 82-летний пенсионер ездил каждую пятницу за газетой на улицу Борчанинова и доставлял её для всего дома. Теперь «Пятницу» в этот дом регулярно подвозят, но

для многих других желающих это организовать не удаётся: на Пермь не хватает 150-тысячного тиража.

Рассуждая о том, будут ли печатные издания вытеснены интернет-СМИ, Баталина спокойна за судьбу своей газеты.

Это, конечно, неизбежно, но «Пятница» вымрет последней! Для пермского интернета 20 тыс. просмотров – это практически рекордный результат, обычно просмотров в интернет-СМИ – несколько сотен. Разве можно их сравнить со 150-тысячным тиражом? Как правило, читатели, которые звонят в редакцию «Пятницы», на просьбу написать электронное письмо признаются, что у них нет электронной почты. Газета для них – настоящий свет в окне. Это очень, очень мобилизует редактора.

«Я хочу, чтобы «Пятница» была острой и полезной. Это газета с социальной миссией, она не развлекательная, не светская, – делится своим представлением о стратегии газеты Баталина. – Она должна в правильной пропорции сочетать функции интересного чтения: истории из жизни, расследования, криминальные казусы – и полезного информатора: телепрограмма, афиша, информация о движении транспорта, об отключении воды... «Пятница» – самая тиражная газета в Перми, это обязывает».

«Я живу в театре!»

Если Баталину так волнуют социально-общественные темы, возникает вопрос: почему, собственно, ведущей в жизни и карьере стала тема искусства и культуры? Может быть, сказалось то, что когда-то она в качестве фрилансера поставляла в только что основанный «Новый компаньон» статьи о кино, и Игорь Лобанов привык к ней именно как к кинообозревателю. Впоследствии, когда оказалось, что культура – сфера конфликтная, полная амбиций и борьбы, Баталина просилась перейти в экономику или политику, считая, что там будет проще. Редактор не позволил. На её же счастье, ведь, сверх опыта в кинокритике, Баталина – заядлая театралка.

«Моим самым любимым ещё со школьных лет был Пермский театр оперы и балета, – рассказывает она. – В старших классах мы с подружками были балетоманками. Балет тогда был очень популярен, попасть на спектакли было чрезвычайно трудно. Мы ходили в театр по средам, пятницам и воскресеньям – когда шли балеты. Оперы в те годы исполнялись по вторникам, четвергам и субботам, по понедельникам были симфонические концерты. Мы с подружками смотрели все балеты – не только премьеры, а вообще все спектакли! Из опер смотрели только одну – «Фауста», разумеется, из-за

хореографической «Вальпургиевой ночи». А после второго акта топали домой. Как-то раз нас поймал в гардеробе директор театра Михаил Арнопольский и отчитал весьма резко на тему, мол, «надо спектакли до конца досматривать»...

У нас была настолько отработанная система проникновения в театр, что если в толпе был один лишний билет – он обязательно попадал к нам в руки, а ведь желающих приобрести «лишний билетик» было немало. На тот случай, если удача нам не улыбалась, у нас была знакомая в гардеробе – студентка филфака Варвара Субботина, известная в настоящее время как Кальпиди. Капельдинеру на входе мы уверенно заявляли: «Мы к Вале!» – и шагали в гардероб. До спектакля болтали с Варварой, а потом пробирались в зал. Ещё у меня была родственница в кордебалете, и она нам иногда помогала пройти через служебный вход. Но к ней мы обращались в самом крайнем случае».

В студенческие годы, опять-таки с подругами, Юлия в каникулы ездила в Москву, в Театр на Таганке.

Мы с подружкой Ленкой всегда заранее сдавали сессию: так мы увеличивали себе каникулы, чтобы поехать в Москву, где прямиком с вокзала отправлялись в Театр на Таганке. Нам неважно было, где ночевать, чем питаться — мы были сыты духовной пищей! Достать билеты в те времена было нереально. Мы устраивались в театр уборщицами, днём драили здание, а вечером нам разрешали остаться на спектакль. Мест в зале не было, мы топтались на балконе, чуть ли не висели на перилах... И были счастливы! Это мы ещё хорошо устроились: желающих так поработать была прорва. Мы это право заслужили личной безупречностью: в первые приезды, пока ещё не проникли в привилегированный клан уборщиц, мы пролезали в театр миллионом разных способов — приставали к артистам, залезали в окна. Пользовались любой, даже самой малюсенькой возможностью.

Проще было проникнуть в театр-студию «На Юго-Западе». Там очень маленький зал, билетов было не достать. Но девчонки говорили пароль: «Мы студенты из Перми», – и их всегда пропускали.

Впоследствии Юлия Баталина написала очерки «Записки балетоманки» о своём школьном увлечении и «33 сестры» – о том, как пермские студентки ездили «В Москву! В Москву!». Оба были опубликованы в журнале «Шпиль».

Во второй половине 1980-х она перестала ходить в театр.

Очень сильно изменилась информационная среда. Нам было куда более интересно то, что происходило в музыке – в те годы процветал русский рок, мы прорывались на первые пермские концерты «Аквариума», «Наутилуса». Появились первые компьютерные игры, и

я страстно увлеклась ими. Это был для меня суицидальный алкоголь! Я сидела за компьютером часов до четырёх ночи. Читали очень много: от корки до корки прочитывали перестроечный «Огонёк», латвийскую газету «Советская молодёжь», позже – газету «Сегодня». «Полочное» кино, «самиздатовские» романы... Не до театров было!

Страсть к театру проснулась вновь в «рифеевский» период жизни Баталиной. В студию программы «Новый день» в качестве «Утреннего гостя» приходили пермские и приезжие ньюсмейкеры, и однажды появился молодой главный режиссёр Пермского академического театра оперы и балета Георгий Исаакян. Он так увлечённо рассказывал о своей новой опере, что стало понятно: это интересно, это необходимо изучить. С тех пор: «Я живу в этом театре», – шутит Юлия Баталина.

«Жизнь удалась: я была первой»

С Пермским театром оперы и балета связано журналистское достижение Юлии Баталиной, которое она считает главной удачей в карьере: «Когда я была на стажировке в Америке, нашу группу возили на экскурсию в дом к журналистке, которая стала национальной знаменитостью, потому что первая сообщила об убийстве египетского лидера Анвара Садата. У неё как будто на лбу было написано: «Жизнь удалась!». Фотопостер с крупным изображением того материала занимал целую стену в её квартире. Так вот: я тоже могу считать, что жизнь удалась, потому что я первой сообщила, что с 2011 года руководить Пермским театром оперы и балета будет Теодор Курентзис. Сам Курентзис, пермское начальство – все это отрицали. Центральные газеты, тот же «Коммерсантъ», публиковали опровержения... А права оказалась Баталина из Перми».

Новость на сайте Издательского дома «Компаньон» от 23 ноября 2010 года, которая стала российской сенсацией: *Между Министерством культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края и дирижёром Теодором Курентзисом достигнута окончательная договорённость о том, что Курентзис станет художественным руководителем Пермского театра оперы и балета. Об этом 18 ноября министр культуры Пермского края Борис Мильграм официально уведомил нынешнего главного режиссёра театра Георгия Исаакяна.*

Теодор Курентзис должен приступить к руководству театром со следующего, 140-го сезона. Согласно условиям договора, он ежегодно будет проводить восемь симфонических и около 20 камерных концертов, а также лично руководить постановкой трёх-четырёх спектаклей.

Новому руководителю театра предоставлена возможность создать собственный оркестр численностью 85 человек на конкурсной основе из музыкантов из разных городов, а также привлекать к постановкам оперных «звёзд» из различных театров мира. При этом в театре остаётся прежний оркестр, а его руководителю Валерию Платонову предложено сохранить за собой должность главного дирижера театра.

Как будет делиться функционал между художественным руководителем (по специальности — дирижером) и главным дирижером, не известно. Очевидно, Теодор Курентзис и Валерий Платонов будут решать это в личной беседе.

Также неизвестно, как будут распределяться функции между двумя оркестрами. Контакт с Курентзисом подписан сроком на пять лет. Первый концерт он и его оркестр исполнят уже в июне 2011 года, в День города, а первую оперную постановку новый руководитель театра намерен представить публике уже в сентябре.

Известно, что Теодор Курентзис намерен активно сотрудничать с режиссером Дмитрием Черняковым, с которым он осуществил несколько постановок в Новосибирском театре оперы и балета. Планируется также осуществлять совместные постановки с зарубежными оперными театрами.

Специалисты считают, что речь идёт о постепенном переводе Пермского театра оперы и балета на систему stagione и отказе от привычного репертуарного театра. (Система stagione принята в крупных театрах, таких как La Scala, Covent Garden, Metropolitan Opera. В них нет постоянной оперной труппы, есть лишь оркестр, хор и постановочная часть. Артисты оперы набираются в ходе специального кастинга на каждую постановку. Постановка исполняется ежевечерне до тех пор, пока на неё продаются билеты. После этого набирается новый состав, и ставится новый спектакль).

Если говорить не о сенсациях, а о творческих, литературных достижениях Юлии Баталиной, они, по её мнению, в основном связаны с журналом «Шпиль», который она редактировала в 2008–2010 гг. Благодаря меценату Надежде Агишевой этот журнал стал уникальным и до сих пор остаётся в Перми непревзойдённым в области гуманитарной журналистики. Кроме прочего, журнал оказывал поддержку реабилитационному центру для детей-инвалидов, бесплатно выпускал тематические номера, посвящённые важнейшим культурным событиям в Перми. До сих пор Юлия Баталина регулярно выслушивает благодарности за «Шпиль» и сожаления, что этот проект всё-таки был закрыт.

В самом последнем номере «Шпиля», вышедшем в декабре 2011 года, была опубликована её статья «Об искусстве и политике», посвящённая острейшему по тем временам «культурному вопросу». Сама Юлия Баталина считает этот материал одним из лучших своих текстов:

Юлия Баталина

О культуре и политике

По традиции, «Шпиль» должен подвести итоги года – в музыке, изобразительном искусстве, театре... Но, раз уж от наличия в городе объектов современного искусства — «красных человечков» – у нас теперь зависит исход выборов, то никак не отвертеться от отсылок к политике, когда речь идёт об искусстве. Всё взаимосвязано...

Мы привыкли читать в заказных материалах в местных СМИ отчёты о том, как приезжие знаменитости восхищаются культурной политикой Перми, как хвалят её внешний облик. Удивительно, отчего же пермяки так ненавидят это распрекрасное современное искусство на улицах города? Что, у нас глаза иначе устроены?

Причина – комплексная. Можно выделить по крайней мере три пласта.

Во-первых, культуртрегеры, расставляющие на улицах Перми «яблоки» и «табуретки», считают, что существует единый для всех городов мира стандарт продвижения, заключающийся в размещении всех этих арт-объектов. Разместили – и город тут же стал передовым!

Активная часть пермяков (те, кому не всё равно) считают иначе. Пермь имеет право на свой путь и свой образ. Красные человечки могут сидеть на крышах Перми, Ижевска или Куала-Лумпура с одинаковым успехом. Они универсальны. В них нет ничего специфически пермского. И как бы ни возмущались дремучестью пермяков культуртрегеры, друзьям за рубежом мы всё равно повезём селенитовых медведей, а не маленькие копии произведений новомодного стрит-арта.

Во-вторых, Пермь слишком сильно отличается от красивых европейских городов, в которых действительно размещено много объектов, подобных тем, что появляются на улицах Перми.

Например, нынче в Зальцбурге, в этом заповеднике барокко, входящем во Всемирное наследие ЮНЕСКО, вдоль дорожки, ведущей к памятнику Шиллеру, выстроился частокол из огурцов. Огурцы

ростом метра полтора, зелёные такие. Появись это чудо в Перми – не миновать жертв. Ну, во всяком случае, в неприличных комментариях недостатка не было бы. А в Зальцбурге – ничего. Почему?

Дело в том, что Зальцбург – очень красивый город. Там сначала бережно сохранили всё наследие, отреставрировали его, вычистили улицы, разобрались с газонами и парковками, воспитали народ (найти в Зальцбурге брошенный мимо урны окурок нереально). И только потом приступили к установке огурцов. В Перми начали «с хвоста»: сначала надкусанные яблоки, а затем уже народ сам под их благотворным влиянием цивилизуется, жалкие остатки варварски уничтоженного исторического центра восстановятся, появятся аккуратные газоны и парковки, а несанкционированные свалки по волюшебству исчезнут.

И вы ещё спрашиваете, почему «человечки» вызывают протест? Если это всё ещё не очень понятно, то вот третий пласт, глубинный.

Люди протестуют не против самих «человечков». Несчастные красные безголовые истуканы стали символом власти, которая не прислушивается к людям, не доверяет им, не считается с ними. Протестуют против этой власти, против волюнтаристского распределения бюджета, когда миллиарды тратятся на «культуру» в ущерб социалке. Посмотрите в этом номере «Шпиля» репортаж из реабилитационного центра для детей-инвалидов: это краевое учреждение от финансирования практически отрезано. Безропотное и безграничное финансирование уличного баловства приезжих культуртрегеров, маниакальное стремление губернатора превратить Пермь в памятник себе великому — вот что возмущает пермяков.

Другой, на этот раз лирический, памятный для Баталиной материал был опубликован в «Новом компаньоне»: это очерк о киномеханике из Клуба работников госторговли Владимире Самойловиче.

Жизнь незамеченного человека

Фонд «Юрятин» открыл памятник киномеханику Владимиру Самойловичу – незаметному герою «тихой культурной революции» 1960–1980-х годов.

Жизнь нашего прошлого состоит из парадоксов. Вот, к примеру, такой: ни одна советская профессия не была столь далека от духовных запросов, как профессия торгового работника, но в то же время именно Клуб работников госторговли был единственным местом Перми, где можно было увидеть фильмы Иоселиани и

Абуладзе, Антониони и Курасава и, разумеется, Андрея Тарковского. Его картина «Андрей Рублёв» традиционно открывала осенью сезон в этом зале. И так продолжалось даже в те годы, когда после отъезда Тарковского за рубеж имя его, не говоря уже о фильмах, было под строжайшим запретом.

Мало на свете людей, которые всю свою жизнь могут распланировать заранее и много лет спустя с удовлетворением констатировать: план выполнен. Большинство простых смертных всё-таки допускают некую спонтанность в развитии собственной линии жизни. И порой лишь по очень и очень зрелому размышлению можно понять, где был тот толчок, который определил все дальнейшее развитие событий...

Как-то раз директор фонда «Юрятин» Владимир Абашев спросил у «пермского московского» писателя Анатолия Королёва, кто оказал наибольшее влияние на его становление, и получил совершенно неожиданный ответ: «Володя, киномеханик из «госторговли». Королёв даже фамилии его не знал, но оценил судьбоносное значение странной фигуры Владимира Ивановича Самойловича в становлении не одного даже, а как минимум двух поколений пермской интеллигенции.

Ещё более неожиданный ответ на аналогичный вопрос Абашева дала «пермская московская» поэтесса Анна Бердичевская. Она рассказала, как в трудный для неё жизненный период, когда, казалось, всё вокруг рушилось, она посмотрела в «госторговле» подряд три грузинских фильма и неожиданно для самой себя приняла решение уехать в Грузию. Она ничего специально не планировала. Она просто поняла что-то важное. И, возможно, этому решению и этим фильмам Бердичевская обязана своим нынешним блестящим положением модной поэтессы и редактора столичного журнала.

Да зачем далеко ходить за примерами! Помню, будучи студенткой первого курса филфака, я вместе с подружкой Сашей Крыловой отправилась в «госторговлю» на фильм Микеланджело Антониони «Профессия – репортёр». Зал был набит битком! Не могу признать, что именно благодаря этому фильму я приняла решение заняться журналистикой. Но, наверное, какой-то винтик в мозгах всё же щелкнул. Чуть позже, собираясь сбежать с лекций ради «Андрея Рублёва», я не смогла выпросить у университетской гардеробицы своё собственное пальто. И поэтому вместо фильма – и вместо лекции! – я два часа горько рыдала на подоконнике. Но сейчас уже трудно понять, чем было в те годы для нас кино...

Будучи завсегдатаем киносеансов клуба, я, разумеется, знать не знала, кому мы обязаны этой роскошью. И лишь много лет спустя, когда начала работать в газете «На экранах Прикамья», я стала раз в неделю наведываться в просмотровый зал кинопроката, где для директоров кинотеатров и прижкнувших к ним журналистов устраивали допремьерные просмотры новых фильмов. В первом ряду всегда сидел странный человек – высокий, полноватый, слегка сутулый, в очках с толстыми стёклами и перемотанной изолентой дужкой, в стареньком синем пальто... Это и был Владимир Самойлович, Володя, как его до самой смерти называли кинопрокатчики.

Он приходил каждый вторник и всегда садился в первый ряд, потому что почти ничего не видел. И продолжал ходить в кинопрокат, как на работу, даже тогда, когда в бывшем Клубе работников госторговли поселился театр «У Моста». В театре его любил и уважали, дали символическую должность сторожа и оставили в покое. Он больше не показывал кино, но продолжал внимательно отсматривать новые фильмы, как будто ему предстояло по-прежнему выбирать картины, достойные постоянных зрителей его «элитного» зала. А после просмотра мы с ним медленно шли к остановке автобуса и обсуждали увиденное.

Помню, когда мы посмотрели «Тотальную слежку» Клода Зиди, он застенчиво и очень осторожно сказал об актрисе Миу-Миу: «Знаете, мне кажется, что в зрелом возрасте она стала интереснее, чем была в молодости». И я поняла, что в его жизни женщины были – киноактрисы. Друзьями и собеседниками его были великие режиссёры. И вообще, жизнь его проходила не в том мире, где он сутулился, укрываясь от ветра в своём штопаном-перештопаном пальто, а в ином, даже не параллельном, а высшем мире фильмов и книг.

Помните, в «Том самом Мюнхгаузене» к главному герою приходили на рюмку чая Платон и Аристотель? А кто приходил к Володе? В какие странствия пускался он в своём мире? Какие приключения переживал? Никто не знает...

Вскоре после нашей беседы о Миу-Миу он исчез. Ну, перестал приходить на просмотры, мало ли для этого может быть причин. И лишь спустя пару месяцев я узнала, что он умер. Вернее, не умер, а трагически погиб.

Он был тяжело болен и лежал в больнице. И вот, почувствовав себя особенно плохо, отправился за помощью, но помощи не нашёл, так как был выходной день и врачей в больнице не было, а были только дежурные сёстры. И тогда он лёг на пол и умер. Хоронили его друзья

и дальние московские родственники, потому что семьи у него не было. После похорон в Москву отправились коробки и ящики с бесценными книгами и пластинками из его уникальной коллекции.

Он умер, потому что кончилось его время: шестидесятые, семидесятые и особенно трудные и непонятные восьмидесятые годы. Он 35 лет работал на одном и том же месте в одной и той же должности. И лишь сейчас, когда пройдена граница тысячелетий, его фигура всплыла в памяти – причём в памяти многих людей сразу. Видно, момент пришёл. Неделю назад во двореке театра «У Моста», бывшего Клуба работников госторговли, был открыт памятный знак: «Кинемеханику Владимиру Ивановичу Самойловичу, рыцарю киноискусства – благодарная Пермь».

Благодарная Пермь собралась на открытие почти в полном составе. Писатели и художники, кандидаты и доктора наук, художники и режиссёры... Все те, кого Володя вырастил на своих фильмах, как на питательном растворе. И при этом – ни одного официального лица.

Были речи. Голоса дрожали, прерывались. Режиссёр Сергей Арапов сказал: «Сегодня грустно, потому что это похороны. Нашу молодость хоронят. Всех нас». Позволю себе не согласиться. Во дворе театра собрались состоявшиеся творческие люди. Люди, которые живут сегодня и уже многого в жизни добились. Им не на что жаловаться и есть за что благодарить судьбу – и Владимира Самойловича.

Памятник был открыт стараниями фонда «Юрятин» в рамках проекта «Город: места и лица нашей памяти». Самые разные люди высказывали самые разные мысли о том, как должен этот памятник выглядеть. Например, такая идея: полусогнутая фигура человека, который тащит на спине плакат с надписью «Расёмон». Япония. Сеансы в 19.30, 21.45». Однако реальный памятник лаконичнее: старинный киноаппарат, который Равиль и Рустам Исмаиловы сваяли из металлических конструкций. Когда со скульптуры упала чёрная занавеска, толпа зрителей, которые ожидали увидеть банальную памятную доску, дружно ахнула.

Не понадобился муниципальный конкурс, не было нужды считать деньги, чтобы создать удивительную скульптуру, которая сделала Пермь единственной и неповторимой – во всём мире. Потому что в мире есть самые разные памятники: памятники собакам и пароходам, лошадям и русалкам... Но нигде нет памятника простому человеку, действительно достойному памяти. «Новый компаньон», № 43 (239) 26.11.2002.

«Нравится давать людям информацию – интересную, полезную и правдивую»

Второй по частотности вопрос после вопроса о карьере, который студенты задают Юлии Баталиной, это: «Как вы всё успеваете?». И она честно, хотя и немного кокетничая, отвечает «Ни черта не успеваю».

Если в годы работы в «Инициативе» и на «Рифее» главным для неё была работа, то сейчас дом главнее. Она отвоевала себе рабочий график: с 11:00 до 18:00, но семь дней в неделю. После шести – баста! – ее нет, она дома. Что бы ни происходило вокруг, сегодня она стремится к семье, в любимую, с тщанием и изобретательностью обустроенную квартиру, к мужу и младшему сыну, который пока ещё живёт с родителями. К любимой собаке, наконец. И Музы теперь уже безропотно ожидают своей очереди.

Хотя приходиться пораньше получается все-таки не всегда: Баталина пишет о спектаклях и концертах, а это вечерние события. Муж говорит, что у Юлии бывают «театральные запои» – это когда неделю – две она каждый вечер проводит где-то вне дома. Многие завидуют: «Вы бесплатно в театры ходите!», – а она мечтает купить билет за собственные деньги, на лично выбранное место, просто пойти отдохнуть, насладиться музыкой. Но это только в том случае, если нет заказа от редактора на рецензию.

Так же четко, как работу, приходится планировать хобби, о котором Баталина рассказывает с фанатичным блеском в глазах: «Я одеваюсь неброско, косметикой не пользуюсь, на такси не езжу – экономлю: у меня дорогостоящее хобби. Каждый отпуск, как правило, дважды в год, мы с мужем путешествуем – отправляемся в какую-нибудь далёкую экзотическую страну. Поездка тщательно планируется, копейки копяты, подсчитываются, выбираются отели, чтобы приличные и подешевле... А после возвращения мы сочиняем и монтируем видеофильм о путешествии. Пока эти фильмы смотрят только родственники и друзья, но я мечтаю научиться выкладывать их в интернет – может получится занятный видеопутеводитель».

Отпуск не просто так, а непременно далеко от Перми – это не только хобби, но и насущная необходимость. Дело в том, что у Баталиных есть семейное заболевание – они трудоголики. «Как алкоголику нельзя пить, так трудоголику нельзя работать, – шутит Юлия Александровна. – Стоит начать – и уже не остановишься». Она работает всегда и везде. Говорит, что даже во сне: формулирует мысли, строит планы... Просыпается – и записывает, пока не забыла. Тут уж, если не уехать подальше от рабочего места, и желательно без ноутбука, не отдохнешь.

Многие считают, что характер у Баталиной не сахар, она бывает и вспыльчива, и упряма. Но сама она утверждает, что конфликтовать не любит, и считает, что позиция журналиста «всегда против» – неправильная и неконструктивная: «Я – за СМИ со своей позицией, но это не должна быть позиция «Все козлы, одни мы правы». Мне не нравится устраивать в газетах разоблачения и скандалы. Нравится давать людям информацию – интересную, полезную и правдивую».

У неё есть несколько любимых поговорок: «*На шею не дави!*» – это из «Карлсона», употребляется тогда, когда кто-то пытается на неё повлиять; «*Думать вредно, трясти надо!*» – из анекдота, употребляется, когда надо срочно что-то написать, а в голове текст всё никак не укладывается; «*В действительности всё не так, как на самом деле*», – из Станислава Ежи Леца, употребляется всегда.

Разговаривая со студентами, она вспоминает ещё цитату из высказываний писательницы Дарьи Донцовой: «Я работаю не на вдохновении, а на железной заднице». Грубовато, но точно: в журналистике нужны не визиты Музы, а терпение и настойчивость. В этом и состоит формула успешной карьеры Юлии Баталиной.

В.Аборкин на съезде журналистов в Москве (1959 г.)

В.Аборкин в Ашхабаде (1989 г.)

В.Аборкин в Молотовском университете (1950 г.)

Н.Аборкина и В.Аборкин в Ашхабаде (1955 г.)

В.Аборкин с женой, дочерью и кошкой

Г.Горбунов в госпитале в станице Усть-Лабинской.
Снимок сделан рыночным фотографом

Г.Горбунов в 1985 г.

В.И.Аборкин поздравляет Т.А.Чернову
с юбилеем (1999 г.)

Обложка книги Т.А.Черновой

Б.Брюшинин в рабочем кабинете

Б. Ляпустин, Г. Лебедева и А. Савельева во время передачи

Г.Лебедева, первый отпуск после окончания университета

Н. Гашев

Э. Шумов в период работы на Пермском радио

А. Ничиперович в рабочем кабинете

А. Ничиперович – собственный корреспондент «Звезды» по Верхнекамью

А. Ничиперовичу вручают награду

Г. Дубникова формирует новый номер газеты «Здравствуй»

Г. Дубникова в минуты отдыха

Л. Каргопольцева (справа) во время учебы в ПГУ

Л. Каргопольцева – руководитель службы «Культура» газеты «Звезда»

Рабочие будни журналиста

В.Бубнов – корреспондент
газеты «Большая Кама» (1973 г.)

Встреча мхатовцев в пермском аэропорту (1989 г.)

С космонавтом Виталием Севастьяновым
в редакции «Звезды» (2007 г.)

Г.Куличкина с В.Мосеевым

Г. Куличкина (справа) с актрисами
Оксфордского студенческого театра

В. Михайлюк, Г. Куличкина и Н. Семенова

Татьяна Черепанова. Фото Г.Тиуновой

После церемонии вручения: премии правительства РФ в сфере печатных СМИ за 2007 г. Т.Черепанова, П.Агапов и Я.Засурский, президент факультета журналистика МГУ

Т. Черепанова после интервью с И.М.Костиным, генеральным директором ОАО «Мотовилихинские заводы»

Последний визита писателя В.П.Астафьева в Прикамье (1997 г.). На заднем плане – члены семьи Л.Д.Постникова, впереди – Виктор Астафьев, его сын Андрей и Татьяна Черепанова. Фото А.Лыжина

Ю.Баталина – студентка университета

Великий гитарист Джон Маклафлин
и Ю.Баталина (Пермский органнй зал)

Научно-художественное издание

Автор проекта и составитель ***Васильева Нина Евгеньевна***

ДЕЙСТВЕННЫЙ ГЛАГОЛ

Страницы биографий журналистов – выпускников
филологического факультета
Пермского университета

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Е.П. Карзенковой*

Адаптация для веб *А. В. Пустовалов*

Подписано в печать 10.06.2013. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 11,8 + 14 вкл. Тираж 200 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15